

Голландская жизнь в городе и деревне

П. М. Хаф

Dutch Life in Town and Country

P. M. Hough

Project Gutenberg

Электронная книга проекта "Гутенберг" о жизни голландцев в городе и деревне

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Голландская жизнь в городе и деревне

Автор: П. М. Хаф

Дата выхода: 1 сентября 2005 г. [Электронная книга №8823]

Последнее обновление: 18 февраля 2015 г.

Язык: Английский

Титры: Подготовлены Распространяемыми корректорами

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ГОЛЛАНДСКАЯ ЖИЗНЬ В ГОРОДЕ И ДЕРЕВНЕ" ***

THE DELFT GATE AT ROTTERDAM.

[Делфтские ворота в Роттердаме.](#)

Голландская жизнь в городе и деревне

Автор П. М. Хаф, Б.А.

С тридцатью двумя иллюстрациями

Содержание

- I. Национальные особенности
- II. Суд и общество
- III. Профессиональные классы
- IV. Положение женщин
- V. Городской рабочий
- VI. Каналы и их население
- VII. Голландская деревня
- VIII. Крестьянин дома
- IX. Сельские обычаи
- X. Кермис и Святой Николай
- XI. Национальные забавы
- XII. Музыка и театр
- XIII. Школы и школьная жизнь
- XIV. Университеты
- XV. Искусство и литература
- XVI. Голландцы как читатели
- XVII. Политическая жизнь и мысль
- XVIII. Отправление правосудия
- XIX. Религиозная жизнь и мышление
- XX. Армия и флот
- XXI. Голландия над морем

Указатель

Список иллюстраций

- Делфтские ворота в Роттердаме
- Типы женщин из Зеландии
- Зеландский крестьянин - Темный Тип
- Женщина из Зеландии - Смуглый Тип
- Голландские рыбацки
- Пара Новобрачных, Возвращающаяся Домой
- Голландская Уличная сцена
- Морской канал

- Деревня в Стране Дамб
- Канал в Дордрехте
- Фермерский дом в Оверисселе
- Фермерский дом в Оверисселе
- Подъезд к ферме Overysel
- Зеландский костюм
- Зеландские костюмы
- Странствующая Ткачиха-Полотнящица
- Интерьер фермерского дома, демонстрирующий пресс для белья
- Тип фермерского дома Овериссель
- Интерьер фермерского дома с дверью в конюшню
- Интерьер фермерского дома, Открытый камин на полу
- Пальмовый Пашен -Выпрашивание яиц
- Горшок Роммеля
- Дама с задними лапами в национальном костюме
- Сельский костюм -Шапка с меховой оборкой
- Чрезмерно Одаренная Крестьянка
- Зеландские дети в государстве
- Кермис: "Хосен-Хосен - хай-ха!"
- Святой Николай совершает Свой Обход 5 декабря
- Бег На коньках в церковь
- Здание парламента в Гааге -Вид с Большого озера
- Интерьер церкви в Делфтсхейвене (где отцы-пилигримы совершили богослужение перед отъездом в Новую Англию)
- Настоящий Кафедральный собор

Голландская жизнь в городе и деревне

Глава I

Национальные особенности

В человеческих делах есть причина всему, что мы видим, хотя и не всегда причина во всем. Задача историка - искать в архивах нации причины фактов, основанных на общем опыте и наблюдениях, задача философа - морализировать о прошлых причинах и нынешних результатах. Автор этой небольшой книги не придерживается ни одной из этих позиций. Он просто, как правило, дает картину голландской жизни, которую сейчас можно увидеть в Нидерландах, и во всем старается быть скрупулезно справедливым по отношению к народу, известному своей добротой и обходительностью к незнакомцу среди них.

И это в первую очередь поражает в Голландии - все, кроме старых приходских церквей, ратуш, дамб и деревьев, выполнено в миниатюре. Города малонаселенны, дома невелики, каналы не широки, и из самой северной точки страны можно добраться до самой южной или с крайнего востока на крайний запад за один день, и, если это летний день, при *дневном свете*, в то время как с вершины башни Утрехтского собора можно осмотреть большую часть суши.

TYPES OF ZEELAND WOMEN.

Типы женщин Зеландии.

Как это происходит с природой, так и с политическим горизонтом. Это последнее охватывает для среднего голландца население страны, интересы которой, как ему кажется, связаны по большей части с двенадцатью тысячами квадратных миль низменности, втиснутой в уголок Европы; ибо, какими бы обширными ни были голландские колонии, они не "принимаются" средним голландцем, как колонии некоторых других наций. Есть один или два города, такие как Гаага и Арнем, где можно найти индо-голландское общество, состоящее из вышедших на пенсию колониальных государственных служащих, которые очень часто женились на индианках и либо вернулись домой, чтобы жить на хорошо заработанные пенсии, либо предпочитают тратить деньги, заработанные в Индии, в стране, которая их родила. Но Голландия еще не начала, насколько это было возможно, осваивать огромные ресурсы Нидерландской Индии, и поэтому колониальные владения не проявляют особого интереса за пределами просто внутреннего, официального или индоголландского общества.

ZEEI AND PLASANT—THE DARK TYPE

Зеландский крестьянин - Мрачный тип.

Что касается дел в его стране в целом, то душевное состояние среднего голландца было хорошо описано как состояние человека преклонных лет, который накопил изрядное состояние, а теперь относится ко всему легко и любит поговорить о несколько необузданных поступках своей молодости. Нет ничего более обыденного, чем слышать замечания как от старых, так и от молодых: "Мы *были* великими", "У нас *было* свое время", "Каждая нация достигает

кульминации"; и, безусловно, Голландия была очень велика в государственных деятелях, патриотах, богословах, художниках, исследователях, колонизаторах, солдатах, матросах и мучениках. Имена Вильгельма Молчаливого, Барневельдта, Арминиуса, Рембрандта, Рубенса, Гоббема, Гроция, Де Рюйтера, Эразма, Рейсдаля, Данделса, Ван Спейка, Тромпа служат доказательством стойкости, мужества и преданности сынов Нидерландов великим движениям, зародившимся на ее земле.

Успешное сопротивление мощи Филиппа Испанского, стратегии и жестокости альвов - это само по себе свидетельство о праве собственности на нетленную славу и почести. Голландские мужчины и женщины сражались и умирали на дамбах, испытывая ужасные муки на дыбе и у костра. "Они пели триумфальные песни, - говорится в записи, - в то время как могильщики засыпали землей их живые лица. Поэтому не стоит удивляться тому, что их потомкам было передано наследие истинных и глубоких чувств, и само подозрение в несправедливости или посягательстве на то, что они считают свободой, воспламеняет сердце голландца патриотической преданностью или личным негодованием. Флегматичный, даже комичный, его трудно сдвинуть с места в большинстве случаев, и все же любое "вмешательство" пробуждает дремлющий дух, который так убедительно выразил принц Оранский, сказав в ответ на замечание благоразумного солдата о последствиях, если сопротивление будет продолжено: "Мы можем, по крайней мере, умереть в последнем окопе".

Пока человек не поймет эту стойкость голландского характера, он не сможет примирить методы старого света, применяемые по всей стране, с передовыми идеями, выражаемыми в разговорах, книгах и газетах. Голландец терпеть не может, когда ему мешают, и не приемлет советов искренних друзей, и не выносит никакой "мякины". У него есть свой юмор, который медлителен в выражении и материален по замыслу, но он не понимает "подшучивания". Он либерален в теории, но крайне консервативен на практике. Он *согласится* с новой теорией, но часто *делает* то, что делал его дед, и поэтому в Голландии можно увидеть очень примитивные методы бок о бок с *окончательной* мыслью. *Салон* в любом крупном городе будет считаться самым передовым, а образ жизни - самым роскошным; но в двух шагах отсюда, в коттедже или на ферме за городом, можно увидеть жизнь семнадцатого века. Некоторые из причин этого можно почерпнуть из следующих страниц, поскольку они описывают социальную жизнь и обычаи народа.

В семи провинциях, составляющих Нидерланды, существуют значительные различия в ландшафте, расе, диалекте, произношении и религии, а следовательно, и в чертах характера людей. Объединенные провинции с течением времени достигают определенной однородности целей и интересов, однако существуют определенные фундаментальные различия в характере. Фризец отличается от зеландца: один светловолосый, а другой темноволосый, и оба отличаются от голландца. И не только провинциалы отличаются друг от друга по характеру, диалекту и произношению, но и жители некоторых городов отличаются в этих отношениях от жителей других городов. Образованный голландец сразу может сказать, родом ли человек из Амстердама, Роттердама или Гааги. "Кокни" в этих местах отличается, и из таких произношений "гаагский голландский" считается худшим, хотя - по аналогии с Лондоном - лучший голландский слышен в Гааге. Эта разница в "гражданском" произношении, безусловно, очень примечательна, если вспомнить, что Гаага и Роттердам находятся всего в шестнадцати милях друг от друга, а Гаага и Амстердам - всего в сорока милях. Арнем и Гаага - два самых

космополитичных города королевства, и на их улицах можно встретить самых разных нидерландцев.

A ZEELAND WOMAN—THE DARK
TYPE.

Женщина из Зеландии - Смуглый Типаж.

Все остальные города провинциальны по своему характеру и похожи на уездные города. Даже Амстердам, столица страны, является всего лишь коммерческой столицей. Суд находится там всего несколько дней в году; парламент собирается не там; государственные учреждения расположены не там; и дипломатические представители аккредитованы не при Суде в Амстердаме, а при Суде в Гааге; и поэтому Амстердам - это "город", не больше и не меньше. Эта Северная Венеция холодно взирает на ищущую удовольствий и любящую Гаагу и ревниво на процветающий и быстро растущий порт Роттердам, а ее торговые магнаты строят свои виллы в соседних приятных лесах Буссум и Хилверсум, а также рядом с ярко раскрашенными луковичными садами Харлема, живя в этих пригородных местах летом, в то время как зимой они возвращаются в прекрасные старые дома на Херенграхт и многих других "грахтенах", через которые воды каналов медленно текут к реке. Но в Гаагу редко приезжают городские магнаты, и молодые люди считают, что их сверстникам из Придворной столицы недостает энергии и инициативы, и они очень горды, и поэтому между двумя городами - между Сити и Белгравией - мало связи. Прогуливаясь по улицам Амстердама, Гааги, Роттердама или Утрехта, понимаешь, что каждое место - это микрокосм, посвященный своим особым и узким интересам, и в этом отношении они являются пережитками итальянских городов средневековья. Действительно, существует большое сходство в стиле зданий, и, за исключением Местрихта, на юге страны, который является средневековым и фламандским, всегда чувствуешь, что находишься в Голландии. Аккуратность домов, прямые деревья, окаймляющие дороги, каналы и их запах, паровые трамваи, звук рожка кондуктора и колокольчиков конных трамваев, типаж полицейского и, прежде всего, универсальная сигара - все это имеет закономерность, и эта закономерность видна повсюду, и только прожив некоторое время в деревне, понимаешь, что в образе жизни больших городов есть различия, которые скорее реальны, чем кажущиеся, и что незнакомец не осознает эту практическую изолированность.

Сельская жизнь крестьянина, однако, гораздо более однородна по своему характеру, несмотря на многочисленные различия в костюме и диалекте. Все методы ведения сельского хозяйства одинаково старомодны, а крестьяне одинаково отстали от времени в мышлении. Их бережливые привычки и преданность земле своей страны обеспечивают им средства к существованию, которыми пренебрегают крестьяне из других стран, которые при первой возможности устремляются в города. Но голландский крестьянин *есть* крестьянин и не общается и не хочет общаться с горожанами, кроме как в сфере бизнеса. Он привозит продукты своего сада и фермы на продажу, и как только это делается - как правило, к его собственной выгоде, поскольку он удивительно "стройный", - он возвращается на ферму, запряженный своими собаками или маленьким пони, и рассказывает, как он благополучно вернулся, его запасы продуктов уменьшились, но запас изобретений и тонкостей улучшился и пополнился благодаря контакту с домохозяйками и владельцами магазинов, которые делают все возможное, чтобы заключить выгодную сделку. В отношениях с "бурами" изобретательность горожан подвергается максимальному испытанию в попытках взять верх над тем, чей характер суров, но хитер, и семьям, которые годами имели дело с одним и тем же "бурским" продавцом, приходится быть такими же осторожными, как если бы они вели дела с совершенно незнакомым человеком. Аргумент "буров" сам по себе прост: "Они пытаются взять верх надо мной, а я пытаюсь взять верх над ними" - и он *делает* это!

Если, однако, существуют эти различия между городом и сословием, есть одна общая характеристика голландца, которая, подобно туману, окутывающему луг и улицу в Голландии после теплого дня, относится ко всей расе, а именно: его обдуманность, та неторопливость в

мыслях, речи и действиях, которая породила такие пословицы, как "Вы увидите, как-то-то и то-то будет сделано" за месяц в Голландии". " Нидерландца труднее всего расшевелить, но когда он разбужен, его гораздо труднее успокоить. Приводится много причин этой "флегматичности", и большинство людей приписывают это климату, которым очень злоупотребляют, особенно сами голландцы, из-за отсутствия солнца в зимние месяцы; хотя на самом деле климат не так уж сильно отличается от климата в большей части Англии. Температура в среднем немного выше летом и немного ниже зимой, чем в восточной части Англии; но, безусловно, в южной части страны воздух такой мягкий, что это действует на нервы, и в таких местах, как Флашинг, снег выпадает редко и лежит недолго. Но то же самое наблюдается и в Корнуолле. Следовательно, это климатическое влияние само по себе не является достаточной причиной для объяснения несомненной и общей "медлительности" голландцев. Скорее всего, это связано с историей страны, которая научила голландца пытаться доказать на опыте других людей ценность новых идей, и только тогда, когда он сделает это, он примет их. Это подрывает всякую инициативу.

Существует большой недостаток веры во все, как в светских, так и в религиозных вопросах, голландец ничем не будет рисковать, потратив четыре цента, он должен быть совершенно уверен в шести центах взамен. Пока он находится в таком настроении, страна будет "топтаться на месте", но не сильно продвинется вперед. Голландец так глубоко верит в свой комфорт, и, учитывая скромный доход, который он унаследовал или приобрел, он не только не превысит его ни на пенни в своих расходах, но часто будет жить намного ниже этого уровня. Он никогда бы не подумал о том, чтобы "соответствовать" своему доходу; его идея состоит в том, чтобы оставить своим детям что-то очень осязаемое в виде гульденов. Небольшой доход и практически отсутствие работы - гораздо более приятная перспектива, чем действительно насыщенная жизнь в сочетании с большим доходом. Голландец обладает всей осторожностью шотландца, но не предприимчивостью и трудолюбием. Со своим космополитизмом, который он приобрел, выучив так много языков и разговаривая на них, чтобы вести крупный трансфертный бизнес в такой стране, как Нидерланды, он приобрел все разнообразные взгляды на жизнь, которые космополитизм открывает перед умом человека. Голландец может очень хорошо говорить о политике, но его интерес в основном академический, а не личный; он как человек, который наблюдает и любит *desipere in loco*.

Таким образом, голландец - философ и восхитительный *рассказчик*, но в настоящее время он не совершает ничего выдающегося в международной битве жизни, хотя, когда возникает большая необходимость, нет человека, который мог бы сделать больше или сделать лучше.

Глава II

Суд и общество

Светская жизнь в Голландии - это, как и везде, изящное искусство избегать признания себя в скуке. Но общество в Голландии сильно отличается от общества за рубежом, потому что Гаага, официальная резиденция королевы Вильгельмины, не только не является столицей ее королевства, но и является всего лишь третьим городом страны по значимости и численности населения. Гаага является королевской резиденцией и резиденцией правительства Нидерландов; но хотя, как правило, там проживают члены Кабинета министров, большинство членов Первой палаты Генеральных штатов живут в других местах, и очень многие их коллеги из

Второй палаты следуют их примеру, предпочитая пару часов езды по железной дороге в день или в неделю во время заседаний Штатов постоянному пребыванию. Следовательно, что касается политической значимости, обществу в значительной степени приходится обходиться безэтого. Гаага также не является научным центром. Университеты Лейдена, Утрехта и Амстердама находятся совсем рядом, но, как справедливо гласит голландская поговорка, "Почти - это еще не половина"; существует огромная разница между тем, чтобы иметь розу, и тем, что находится рядом с ней. В результате ведущие ученые Нидерландов, как правило, не добавляют очарования своим разговорам в светское общение в Гааге.

Светская жизнь там представлена представителями знати и такими высокопоставленными чиновниками армии, флота и государственной службы, которые связаны с этой знатью. Конечно, есть декорации, как и везде, декорации, столь же восхитительные для тех, кто в них участвует, сколь и неприятные для посторонних; но таланту и деньгам часто удается серьезно вторгнуться в владения благородного происхождения. Это, однако, неизбежно, поскольку Нидерланды были республикой в течение двух столетий, и отпрыски древних домов не слишком многочисленны. Они хорошо сражались в войнах своей страны против Испании, Франции и Великобритании, но во многих случаях хорошие бои означали истребление.

С другой стороны, два столетия республиканского правления способны превратить любых республиканцев в патрициев, особенно если они преуспевающие, уверенные в себе и хорошо осознающие свою важность. И патрицианская республика неизбежно превращается в олигархию. Принцы-купцы Голландии были государственными деятелями Голландии, абсолютными правителями Голландии; два столетия героической борьбы, неустранимая энергия, увенчавшиеся успехом со всех сторон, возможно, даже объясняют их веру в то, что Всемогущий возложил на них особую миссию принести свободу, равные права и процветание другим нациям.

Когда после падения Наполеона Нидерланды образовали королевство, поредевшие ряды аристократии вскоре были в изобилии пополнены представителями этих старых патрицианских семей. Статья 65 конституции Нидерландов гласит: "Королева дарует дворянство. Ни один голландец не может принять иностранное дворянство". Это единственный случай, когда слово "дворянство" встречается в каком-либо кодексе. Ни один закон не определяет статус, привилегии или права этой знати, потому что их нет. Однако существует "Hooge Raad van Adel", состоящий из постоянного председателя, постоянного секретаря и четырех членов, в функции которых входит представление докладов по вопросам дворянства, особенно по геральдике и генеалогии, а также по заявкам городских советов, которые желают использовать тот или иной герб. Этот "Высший совет знати" действует под надзором министра юстиции, и его полномочия регулируются королевскими указами или распоряжениями совета. Используемые титулы "Джонхир" (баронет) и "Джонквру", барон и баронесса, "Грааф" (граф) и "Гравин". Маркиз и герцог не используются в качестве титулов голландской знати. Если какой-либо мужчина получает дворянство, все его дети, как сыновья, так и дочери, разделяют эту привилегию, поэтому "титула вежливости" не существует; официально они обозначаются рангом отца с момента их рождения, но пока они молоды, к мальчикам принято обращаться "Jonker", а к девочкам - "Freule".

В остальном жизнь в Гааге очень похожа на жизнь везде. Летом наблюдается массовый отъезд в зарубежные страны; зимой в порядке дня званые ужины, базары, балы, театр, опера, несколько

официальных придворных мероприятий, которые могут стать более многочисленными в ближайшем будущем, если молодая королева и принц Генрих будут так расположены. В настоящее время "Хет Лоо", эта великолепная загородная резиденция в центре живописного, холмистого и лесистого Гелдерланда, продолжает оставаться любимой резиденцией двора, и только в более холодное время года королева проживает во дворце в "Нордейнде" в Гааге.

Ее Величество, по-видимому, полная юношеского веселья и энергии, искренне наслаждается своей жизнью. Государственные дела, конечно, выполняются добросовестно; но поскольку вся конституционная ответственность лежит на Кабинете министров и Высших государственных советах, ей нет необходимости испытывать неоправданное беспокойство по поводу своих решений. Она хорошо образована, убежденная патриотка и в целом обладает нестандартным складом ума, который проявился в трогательной красоте, когда она приносила присягу в "Новом керке" Амстердама на своей коронации. Насколько она и ее муж будут влиять на общественную жизнь Голландии и руководить ею, еще предстоит выяснить. Оба молоды, а их союз еще моложе. При жизни покойного короля и последующем вдовстве королевы Эммы общество на протяжении десятков лет было предоставлено самому себе, и, конечно, оно вошло в определенные рамки. Но, с другой стороны, вкусы и склонности хорошо воспитанных, состоятельных людей, располагающих неисчерпаемым количеством свободного времени и безграничной жадой развлечений в своих умах, везде одинаковы. Конечно, министерские приемы, политические обеды и общение послов и министров иностранных дел в Гааге составляют особую черту тамошней общественной жизни, но здесь, опять же, Гаага ничем не отличается от европейских столиц в целом.

Раз в год встречаются голландский двор и собственно голландская столица. Юридически, кстати, неточно указывать даже Амстердам как столицу Голландии; ни в одном законе не упоминается столица королевства, но по общему согласию Амстердаму, как самому большому и важному городу, всегда присваивается этот титул, столь высоко ценимый его жителями. Королевский дворец в Амстердаме достаточно королевский, и он также достаточно роскошен, но это не Королевский дворец в строгом смысле этого слова. Он был построен (1649-1655) и на протяжении веков использовался как ратуша. Как таковой, он является шедевром, и воображение может легко перенестись во времена, когда могущественные и властолюбивые бургомистры и шерифы встречались в почти угнетающем великолепии его огромного зала. Это идеальное место встречи строгих торговцев, предприимчивых судовладельцев и энергичных коммерсантов. Каждый зал, каждая комната, каждое украшение говорят о торговле, торговле и еще раз торговле. И есть какая-то мрачная ирония в том факте, что эти торговцы, место встреч которых увенчано гордым символом Атланта, несущего земной шар, предложили этот особняк в качестве резиденции своим королям, когда Голландия и Амстердам больше не могли похвастаться тем, что поддерживают мир своим богатством и энергией.

Здесь они встречаются раз в год - суровый древний город, представленный его крепкими жителями, прекрасными женщинами, гордыми жителями и юной королевой Голландии, расцветающий как символ новой, свежей жизни, свежих надежд и обещаний. Здесь они встречаются, сыновья и дочери мужчин и женщин, которые никогда не сдавались, которые видели, как их огромные богатства приумножались по мере роста их свобод, благодаря чистой силе воли, несгибаемой решимости, бесстрашной целеустремленности; здесь они встречаются, последний потомок знаменитого Дома Оранж-Нассау, королевская невеста, чьи

предки имели полное право позволить своему гордому боевому кличу прозвучать на полях сражений Европы: "А мой, Женере санг де Нассау!"

Когда королева находится в Амстердаме, горожане выходят на "Дамбу", площадь, на которой стоит дворец, выражая свое почтение приветственными криками, размахиванием шляпами и пением военного псалма старых воинов Вильгельма Молчаливого "Вильгельмус ван Нассуве". Затем руководители Амстердама, его купцы, ученые и художники покидают свои прекрасные дома на Херен-и Кайзер-грахт со своими женами и дочерьми, облаченными в дорогие одежды, сверкающие в изобилии бриллиантами, рубинами и жемчугом, и направляются к огромному дворцу. выразить почтение своей Королеве, такой же гордой, как она, такой же патриотичной, как она, такой же верной, как она.

Триста лет проделали свою непрерывную работу по сплочению Оранского дома и Амстердама; случались разрывы и ссоры; однако после каждой борьбы оба понимали, что не могут обойтись друг без друга; и теперь, когда Королева и город встречаются, взаимное уважение, взаимное доверие и взаимная привязанность свидетельствуют о прочных узах, которые их объединяют.

Для амстердамского патрициата ежегодный визит королевы - это общественное мероприятие, полное интереса. Для королевы это нечто большее; она навещает не только патрициев, но и народ, бедных и тружеников. Конечно, в Амстердаме есть свои социалисты, и их тоже немало, а социалисты, как правило, не только пламенные, но и громогласные республиканцы, которые считают, что члены королевской семьи - это пятно на современной цивилизации. Но их чувства, какими бы хорошо они ни были высказаны, не пользуются популярностью. Ибо, когда "Наше дитя", как до сих пор часто называют королеву, проезжает по рабочему кварталу Амстердама "Йордан" (искаженное французское *jardin*), флагов много, аплодисментов и пения больше, а общий энтузиазм превосходит и то, и другое. "Человек с улицы", этот замечательный политический гений современности, почти никогда не колебался в своей простой привязанности к своим принцу и принцессе Оранским; и хотя эта привязанность личная, а не политическая - ибо для "человека с улицы" нет ничего политического, - тем не менее, она есть, и она не поддается ни рассуждениям, ни предрассудкам.

Такова внешняя сторона придворной жизни. Внутренне она поражает простотой и незатронутостью. Королева Эмма была леди, обладавшей высокими качествами матери и правительницы. Она с неоспоримой проницательностью уловила народный вкус и прихоти, ей было нетрудно понять, что ее довольно покладистый, иногда вспыльчивый Супруг мог бы сохранить гораздо больше своей популярности очень простыми средствами, если бы захотел этого. Ей было не все равно, поэтому она позволила своей маленькой девочке быть маленькой девочкой и позволила людям заметить это. Она разъезжала с ней по всей стране, и люди видели не двух гордых принцесс, расхаживающих с важным видом, а грациозную, добрую леди и беззаботного ребенка. Этот ребенок проявлял неподдельный интерес к спорту во Фрисландии, к раскопкам в Маастрихте, к кораблям, набережным и докам в Роттердаме и Амстердаме, а также к больницам и детским домам повсюду. Появились анекдоты - маленькую королеву видели в "hop-sotch", она отказывалась рано ложиться спать, раздражала свою гувернантку, каталась на коньках, катала снежки своей королевской матери и так далее. И позже, когда она вела машину или ездил верхом, когда посещала государственные мероприятия или наносила официальные визиты, в ее облике всегда была простота, в ее поведении - спокойное достоинство, доказывающее, что она не испытывала особого желания

рекламировать себя как одну из богатейших государей мира одним лишь великолепием своего окружения.

Этот высочайший такт королевы Эммы привел к тому, что ее дочь получила королевское образование, поскольку голландцы любят своих суверенов. Придворная жизнь в Гааге или в Лоо, безусловно, не лишена ни достоинства, ни блеска, но ей не хватает эффектности, и многие английские аристократы живут в более величественном стиле, чем королева Голландии. Образование может исказить, но оно не меняет характера, и какие бы качества ни украшали покойного короля или иным образом влияли на него, он был не большим приверженцем этикета или любителем показухи, чем показала себя королева Эмма. Так что есть вероятность, что их дочь тоже будет довольствоваться очень ограниченным шоу, и если принц Генрих проявит мудрость, он не будет препятствовать склонностям королевы. О нем говорят, что он "лошадиный", но то же самое можно сказать и о ней, хотя пока ее "лошадиность" не стала всепоглощающей страстью и вряд ли ею станет.

Говорят также, что она ненавидит музыку; но до тех пор, пока она, как королева, не перенесет свое отвращение с искусства на артистов, вреда не будет. Факты таковы, что, какими бы простыми ни были ее вкусы, она не навязывает свою простоту другим. Когда она председательствует на государственных обедах или на придворных обедах, она *всецеловеликая дама*, но когда ей позволено быть полностью самой собой в маленьком тихом кругу, ее хвалят все, кто удостоился приглашения к королевскому столу, за ее естественные и непринужденные манеры, ее учтивость и мягкую учтивость.

Глава III

Профессиональные классы

Профессиональные классы Голландии лучше всего проявляют свои характеристики в том социальном кругу, в котором они вращаются, и находят наиболее благоприятное общение. Тогда представьте, что мы гости очаровательной жены преуспевающего юрисконсульта ("advocaat en procureur") - назовем его мистером Уолрейвенон, - обосновавшегося в большом и процветающем провинциальном городе. Она типичная голландка, с ярким цветом лица, добрыми, ясными голубыми глазами, довольно темными бровями, которые придают пикантность бело-розовому лицу, и копной светло-золотистых волос, просто, но со вкусом уложенных, оставляющих свободными уши и украшающих, но не скрывающих миловидную форму головы. На ней темно-коричневое шелковое платье, отделанное тонким брюссельским кружевом вокруг шеи, на запястьях, вдоль лифа и кое-где на юбке. На ее пальцах сверкает несколько колец, а руки постоянно заняты вышивкой точечным кружевом; многие голландские дамы не могут провести ни одного вечера без компании "handwerkje", как называют необычное рукоделие. Это ни в малейшей степени не мешает их разговорным обязанностям. Она довольно высокая. У голландских мужчин и женщин, похоже, все размеры распределены между собой поровну; нельзя сказать, что они низкорослые люди, как французы и бельгийцы, и указание на средний рост не может быть так же верно применено к ним, как к их немецким соседям, тогда как более высокие англосаксы часто могут найти себе пару в Нидерландах.

Комната, в которой мы сидим, обставлена в так называемом "староголландском стиле". Мой друг и его жена собрали прекрасные старинные деревянные панели, буфеты и буфетные шкафы

из богато украшенного резьбой дуба во Фрисландии и во фламандских районах Бельгии. Все их столы и стулья сделаны из одного материала и художественно скроены. Стены оклеены очень темной зеленовато-серой бумагой; шторы, ковер и двери выдержаны в тех же слегка мрачных тонах. Венецианские зеркала, тарелки из дельфтского, китайского и руанского фарфора, расставленные вдоль стен, над резной дубовой скамьей и на каминной полке, создают восхитительные яркие пятна в комнате, а мягкие кресла столь же стильны, сколь и удобны.

Наш визит пришелся на позднюю осень, и в бронзовой люстре ярко горит газ, а огонь в старомодной циркулирующей печи, редком образце старинного фламандского дизайна, придает комнате уютный и гостеприимный вид. В данный момент наш друг юрист отсутствует. Его отозвали в кабинет, потому что к нему пришел клиент по срочному делу, и мы остались в любезном обществе его жены в уютной гостиной. На столе японский поднос с серебряным чайником, сахарницей, молочником и ложечкой из перламутра и хрусталя, а также темно-синие чашки и блюдца из настоящего Фарфора соседствуют с двумя серебряными коробочками на серебряных подносах, полными всевозможных "кекджес" (сладкого печенья). Многие голландские семьи любят запивать чай "кеке", время чаепития в Голландии приходится на 7-8 часов, на полпути между обедом в 5 или 6 часов вечера и ужином в 10 или 11 часов вечера. Не обойдется без подставки для сигар и изящных пепельниц; а рядом с нашей хозяйкой стоит старомодный латунный "комфур", или чефер, [Примечание: *Комфур* (или *каффур*) и *чефер* этимологически одно и то же слово, происходит от латинского *califacere*. Французским членом семьи является *шофер*.] на высокой ножке, так что в пределах легкой досягаемости руки дамы находится ручка медного чайника, в котором кипит "вода".

Разговор переходит от политики и литературы к балу, на который моя хозяйка, ее муж и мы в качестве их гостей были приглашены в дом моего друга. Она намеревается уйти раньше; он и мы должны последовать за ней позже вечером, потому что в этот вечер его "Краны" должны встретиться у него дома, и это задержит нас до одиннадцати часов. "Краны" - это просто небольшая компания очень хороших друзей, которые встречаются, как правило, раз в месяц в доме одного из них и на таких встречах беседуют о вещах в целом. Английское слово, обозначающее "Кран", означает "венок", и это название указывает на близкие и совершенно дружеские отношения, существующие между участниками группы. Их связывают не только нежные чувства, но и равенство социального положения, образования и интеллекта.

Маленький кружок нашего друга насчитывает семь человек, и поскольку каждый из них является ведущим специалистом в своей профессии в этом городе и, как следствие, обладает мощным влиянием, их "Кран" обычно называют "Гептархией". Наш друг юрист не только популярный юрисконсульт, но и как "Ветхаудер" (олдермен) по финансам и общественным работам, он вызывает всеобщее восхищение у создателей обновленного города. В прежние времена это место было укреплено, но после того, как внутренняя оборона Голландии была реорганизована и принята Система обороны на согласованной и логически продуманной основе, все укрепленные города исчезли и превратились в открытые города, одним из которых был этот. Общественный деятель-юрист сразу же оценил ситуацию, и, подстегиваемый его влиянием и энтузиазмом, городской совет утвердил обширную схему улиц, дорог, парков и скверов, так что, когда все было завершено, жители старого города едва ли понимали, где они находятся. Кроме того, он является юрисконсультантом местного отделения Нидерландского банка, членом советов директоров различных компаний с ограниченной ответственностью и президентом-директором процветающего Сберегательного банка. Тем не менее, в своей

насыщенной жизни он находит время, чтобы много читать, время от времени видется с друзьями и поддерживать постоянные ухаживания за своей красивой женой, которая в свою очередь утверждает, что он самый общительный муж в мире.

После того, как Уолрейвен возвращается к чайному столу, его восхищенная супруга покидает нас, и вскоре после этого на сцене появляется его лучший друг, как в "Кранс", так и за его пределами, доктор Клаассен. Он и доктор Клаассен были студентами одного университета, и ничто так не способствует формированию дружбы на всю жизнь, как свобода университетской жизни и университетского образования в Голландии. Доктор Клаассен - один из самых привлекательных представителей голландского медика. Университетские экзамены не слишком привязали его к его специальной науке. Как и все голландские студенты, он свободно общался с будущими юристами, священнослужителями, философами и филологами, и часто говорят, что, хотя в Университете молодых людей обучают в основном рациональным методам работы, студенты в Голландии получают не меньше знаний друг от друга, чем от своих профессоров. Доктор Клаассен покинул университет таким же свежим, как и поступил в него, и готовым принять участие во всех мероприятиях по охране здоровья на всех факультетах гуманитарных наук. Это человек, к которому вполне можно применить гомеровскую фразу: "Врач - это человек, знающий больше, чем многие другие".

Его непрофессиональная работа приводит его в советы директоров обществ, продвигающих благотворительность, этику, религию, литературу и изобразительное искусство. Местное отделение знаменитого "Маатшаппи тот Нут ван т Альгемин" ("Общество содействия общему благу") и его различные учреждения, школы, библиотеки и т.д. Находят в нем одного из своих самых энергичных и преданных директоров; местная больница, принимающая людей всех религиозных конфессий, выросла благодаря его неутомимой энергии; и он подготовил основу, на которой молодые люди впоследствии построили то, что сейчас является образцовым учреждением в Голландии; он также не забывает бедных и сирот, которым он уделяет половину своего времени, хотя сколько своих денег он отдает их никто не знает, и меньше всего он сам.

Преподобный мистер Барендсен, третий прибывший, совсем другой человек. Его проповеди красноречивы; он беглый оратор - слишком беглый, как говорят некоторые, поскольку слова и фразы даются ему так легко, что недостаток мысли не всегда ощущается этим проповедником, хотя и замечается его паствой. Итак, проповедь для голландских протестантов - дело трудное; она должна быть достаточно длинной, чтобы занять почти всю службу продолжительностью около двух часов; и ее слушают образованные и необразованные люди, которые все ожидают назидания. Доминик Барендсен, как и многие его коллеги, пытается справиться с этой трудностью, предлагая легкое питание в привлекательной форме. Но если его проповеди не увенчаются таким успехом, какого заслуживают его добрые намерения, его влияние прочно закрепится за его отзывчивой личностью. Он может быть гораздо более поверхностным, чем двое его друзей; он может быть менее упрямым, менее цепким, чем они; и все же его плодовитый ум, быстрый интеллект и серьезный характер обеспечили ему уникальное положение, а его общественное влияние очень велико. И доктор, и пастор встречаются и возвращаются в лучшем обществе города, но труппы бедняков им также одинаково хорошо известны; ни один из них не является членом городского совета, но одни и те же учреждения пользуются их общей поддержкой. Жизнь в Голландии не слишком роскошна; и следствием этого является то, что многие "Доминанты" читают лекции или получают дополнительный доход, переводя или сочиняя книги. Некоторые из лучших и наиболее успешных авторов и поэтов

Голландии являются или были священнослужителями, такими как Аллард Пирсон, П. А. де Женесте, Николаас Битс (Хильдебранд), Коэнрад Бускен Хьюэт, Дж. Дж. Л. тен Кейт, доктор Ян тен Бринк, Бернард тер Хаар и др. Доминик Барендсен также хорошо известен в голландских литературных кругах.

Следующим будет объявлен генерал Хендрикс. Голландские офицеры не любят разгуливать в форме, но храброго генерала тоже ждут на балу, и поэтому он облачился в военную форму. Он "Генист", королевский инженер, и получил образование в Королевской военной академии в Бреде. Это означает, что он не удалец, а добродушный, хорошо воспитанный, непредубежденный и начитанный джентльмен, с несколько научным складом ума и редкой свободой от военных предрассудков. Голландцы - не военный народ в немецком понимании, пожиратели огня и военные фанатики встречаются редко, но особенно редко они встречаются среди офицеров Генерального штаба, королевских инженеров и артиллерии.

Генерал Хендрикс женился на титулованной даме с большим состоянием, так что его положение очень приятное. Его дружба с другими "гептархистами", несомненно, возникла недавно, поскольку он много бывал за границей и пять лет провел в Голландской Ост-Индии, сражаясь в бесконечной войне против Атчина. Пребывание там еще больше расширило его кругозор, и когда он рассказывает о своих впечатлениях, он одновременно интересен и привлекателен, поскольку хорошо информирован и является обаятельным рассказчиком. Его ранг заставляет Общество возлагать на него обязанности, которые он склонен считать раздражающими, но он выполняет их достаточно любезно. Он популярный президент-директор "Groote Societeit" (Великого клуба) и "Цецилии", самого известного общества вокальной и инструментальной музыки; и всякий раз, когда проводятся скачки, соревнования, выставки, базары и подобные общественные мероприятия, к которым голландцы очень пристрастились, генерал Хендрикс обязательно становится одним из почетных президентов или, по крайней мере, членом рабочего совета, а его вежливость и приветливость, несомненно, гарантируют успех. Он был членом Генеральных штатов и, как говорят, является вероятным будущим военным министром. Но слабое место в его сердце - поэзия и литература вообще; количество стихотворений, которые он знает наизусть, изумительно, и на собраниях Гептархии он свободно предается своей любви к цитатам, удовольствию, в котором он категорически отказывает себе в другой обстановке, опасаясь наскучить людям. Но у каждого есть смутное предположение, что генерал знает гораздо больше, чем большинство людей осознает, и это смутное предположение подкрепляется очень твердой убежденностью в том, что он чрезвычайно добродушный человек и "просто замечательный малый".

Мистер Ариенс, доктор технических наук, ректор гимназии (эквивалент директора средней школы), является самым примечательным типом даже в этом очень примечательном ряду людей. Он в высшей степени нетрадиционен, и его мальчики обожают его, в то время как его старики восхищаются им, а родители являются его вечными должниками в знак благодарности. Он нетрадиционен во всем, в своей одежде, в своем образе жизни, в своих мнениях и суждениях, но он не выставляет напоказ ничего из этого, не сводя их ни к прихоти, ни к хобби. Он провел несколько лет в Голландской Индии, объездил всю Европу, знает о греческом, латыни и древностях больше, чем кто-либо другой, и так же основательно разбирается в науке, как любой университетский профессор. Но правительство никогда не предоставит ему вакантное кресло, потому что его педагогические способности превосходят даже его научные способности, и они не могут пощадить таких людей на таких местах. Для некоторых

аристократов его благородное простодушие просто ужасает; но когда он бродит в унылую, холодную, зимнюю погоду и навещает бедняг в трущобах, где природа, естественные эмоции и формы речи совершенно нетрадиционны, его по достоинству ценят. Ибо он не только великолепный "ректор гимназии", но и очень милосердный человек, хотя ему нравится только одна форма благотворительности, та, с помощью которой богатый человек сначала воспитывает себя в качестве друга бедняка, а затем только предлагает свое сочувствие и помощь, милосердие, которое один может давать, а другой принимать, не чувствуя себя униженным этим поступком. Он не является публичным человеком, наш "Ректор", но его друзья ценят его проницательность и справедливость суждений. Они могут не соглашаться с ним по некоторым пунктам, но дискуссия с ним всегда интересна из-за его оригинального, свежего метода мышления и поучительна из-за его превосходных и универсальных знаний.

Его лучший друг - мистер Джейкобс, инженер-строитель. Голландские инженеры-строители получают образование в Делфте, в Политехнической школе, после сдачи выпускного экзамена в "Высшей бюргерской школе". Шестнадцатилетние мальчики не способны дюжинами усваивать науки, и, как бы приятно и удобно ни было стать ходячей энциклопедией, энциклопедия - это не живая книга, а мертвое скопление мертвых знаний, которые могут информировать, но не обучают. К счастью, большинство голландских инженеров спасены Политехнической школой, где у них примерно такая же свобода, как и у студентов университетов, идти своим путем. С точки зрения образования они не так хорошо оснащены, внимание уделяется только умственному воспитанию, поскольку директор "Высшей бюргерской школы" отличается от ректора гимназии, в то время как Система, которой он руководит, более или менее непоследовательна в том, что касается образовательных соображений.

Но если инженер-строитель добивается успеха, то он, как правило, крупный специалист. Как и мистер Джейкобс. Он очень начитан, хотя его чтение может быть несколько отрывочным. Его великолепная память, подкрепленная удивительно сообразительным умом, позволяет ему интересоваться практически всем - социологией, литературой, искусством, музыкой, театром, спортом, благотворительностью, муниципальными предприятиями. Если он поверхностен, никто этого не замечает, потому что он слишком умен, чтобы показывать это. Его общая уравновешенность делает его неиссякаемым источником восхищения для доктора Ариенса, которому он равен по доброте душевной. Его манеры безукоризненны; он никогда не теряет самообладания в дискуссии и обращается со своими оппонентами так спокойно и вежливо, что им явно жаль с ним не соглашаться. Его деловые способности первоклассны; он зарабатывает столько денег, сколько ему нравится, и какой бы насыщенной ни была его жизнь, он всегда находит время для дополнительной работы. Он является членом городского совета и убежденным сторонником прогрессивных планов Уолрейвена. Уолрейвен испытывает определенные опасения по поводу скрупулезности Джейкобса, но он полностью осознает, как быстро его друг разбирается в вещах. Он может строить мосты, орошать целые районы и осушать болота в Голландии, открывать рудники в Испании, строить доки в Америке или добывать нефть в России; он всегда уверен в успехе, и, во всяком случае, справедливая прибыль для него самого является неизменным результатом его усилий. Он много путешествует, везде всех знает и всегда появляется снова в старых местах, переполненный интересной информацией, явно наслаждающийся своей насыщенной жизнью и не лишенный определенного тщеславия, возникающего из чувства, что его сограждане им гордятся.

Последним пришел мистер Смитс, председатель Суда, человек философского склада ума, страстный исследователь социальных проблем, прекрасный юрист, первоклассный оратор, проницательный судья людей и терпимый и мягкий критик их слабостей. Он также является членом городского совета и, как и Джейкобс, членом муниципального комитета, председателем которого является Уолрейвен. В их обязанности входит надзор и общее управление коммунальной торговлей и промышленностью, такими как трамвайные пути, газовые заводы, водоснабжение, бойни, электроснабжение, обмен зерна, общественные парки и скверы, теплицы и плантации и т.д. Смитс также является председателем двух дискуссионных обществ, одного для рабочих, а другого для более образованных классов; но социальные проблемы являются главными темами, обсуждаемыми в обоих. Эти общества, по его словам, позволяют ему быть в курсе общего течения общественного сознания; на самом деле, своими ободряющими способами он вытягивает из людей то, что у них в мыслях и сердцах, и очень часто ему удается исправить ошибочные впечатления и концепции. Он также является Почтенным мастером местной масонской ложи "Три кольца", названной так в честь знаменитой притчи о религиозной терпимости из благородной драмы Лессинга *"Натан дер Вайзе"*. Голландское масонство не является церковным, как в Англии; оно благотворительно, учит этике в отличие от религии, но не противопоставляет ее, допускает людей всех вероисповеданий и без какого бы то ни было вероисповедания и повсюду проповедует терпимость; но оно борется с индифферентизмом, апатией или беспечностью по всем вопросам, влияющим на материальное, интеллектуальное и психическое благополучие человечества.

Смитс очень сильно настроен по всем этим вопросам, и его энтузиазм не угасает; но старинный прием "Suaviter in modo" имеет для него такое же очарование, как и его аналог "Fortiter in re". Следствием этого является то, что поверхностные люди принимают его за социалиста, потому что он не преследует социалистов за мнения, которых они придерживаются. Сам агностик и лишенный религиозных чувств, он настолько хорошо осознает огромное влияние религии на бесчисленное количество людей и то утешение, которое они в ней черпают, что многие считают его недостаточно твердым в общении с римскими католиками или "ортодоксальными" протестантами, с которыми, по сути, он часто заключает политические "сделки". Ибо Смитс - если не председатель, то самый влиятельный и активный член Либерального собрания; и, выступая за пропорциональное представительство, он настаивает на том, чтобы другие политические партии получили достаточное количество членов городского совета.

Таковы мужчины, которые собираются вместе в этой элегантной и в то же время по-домашнему уютной гостиной; каждый из них лидер в своей профессии, каждый из них ежедневно вступает в тесный контакт со всеми типами мужчин и женщин в городе и благодаря своим широким и непредвзятым взглядам на человечество и человеческие дела может управлять ими и направлять общую энергию по мудрому пути. "Гептархия", конечно, не имеет юридического статуса как такового, но из их разговоров становится понятно, каким влиянием обладают ее члены благодаря своему интеллектуальному и моральному превосходству. Они никоим образом не вступают в сговор для достижения определенных целей, но обсуждают вещи так интимно, как это могут обсуждать только братья или муж и жена, в сердечной близости своей бескорыстной дружбы. Они обычно соглашались с позицией, которой следует придерживаться в определенных вопросах, но даже если они не могут прийти к согласию, это не мешает им действовать в соответствии со своими собственными правами, по-прежнему уважая убеждения и предпочтения друг друга. И на собраниях "Гептархии" обсуждаются не только местные темы,

поскольку политика, искусство, торговля и наука, иностранные и голландские, входят в сферу их компетенции; поскольку их интеллектуальный кругозор, как и их симпатии, универсален.

Ближе к одиннадцати часам мы прощаемся друг с другом. Уолрейвен, Хендрикс и мы сами отправляемся на бал в дом "Commissaris der Koningin" (королевского комиссара), лорда-лейтенанта графства, барона Альмы ван Страе. Барон и баронесса Альма живут в роскошном особняке, и мы находим огромные приемные и гостиные, полные веселой толпы молодежи. Комнаты красиво убраны, в холлах и на лестницах в изобилии растут цветы и пальмы; а множество лакеев в застегнутых на все пуговицы ливреях желтовато-коричневого цвета, коротких брюках и белых чулках бесшумно передвигаются по комнате, выдавая хорошо натренированные инстинкты наследственного лакея. Среди них члены окружного совета, судьи, офицеры армии и флота, банкиры, торговцы, промышленники, члены городского совета, мэр и городской клерк, президент и некоторые члены Торговой палаты, а также члены комитетов приютов и домов престарелых. Все они привели на танцы своих жен, дочерей и сыновей, потому что, хотя иногда и присоединяются сами, предпочитают спокойно поиграть в вист или выкурить сигару в курительной и бильярдной барона Альмы.

Однако эти социальные функции в Голландии во многом такие же, как и в других странах. Этикет может отличаться в мелких деталях, но в целом общественный мир живет той же жизнью, развивает те же интересы и развлекается или наводит скуку почти таким же образом. В этом, как и почти во всем остальном, есть *что-то комильфо*.

В целом эта элегантная публика проявляет несколько большее уважение к профессионалам, чем к чиновникам. Врачи, юристы и священники явно пользуются большим уважением; это победа интеллекта на честном поле боя. В Гааге чиновники избили их, но не столько из-за их должности, сколько из-за того факта, что многие из них являются титулованными особами, с большими связями и часто состоятельными. Но после великой революции и наполеоновских времен чиновничество утратило свое влияние и социальную значимость в Голландии в результате разрушения олигархической патрицианской республики; и статья пятая конституции Нидерландов, которая гласит, что "Каждый нидерландец может быть назначен на любую государственную должность", является очень реальным и правдивым описанием реальных, видимых фактов общественной жизни.

Глава IV

Положение женщин

Голландка, вообще говоря, не является "новой женщиной" в том смысле, что она принимает какое-либо очень определенное участие в политике страны. Она также не интересуется собой и не вмешивается в церковные дела. Голландцы не очень высокого мнения об умственных и административных качествах своих женщин за пределами того, что считается их сферой деятельности, но, несмотря на все это, женщины высшего класса, безусловно, умнее мужчин, но поскольку они не принимают никакого практического участия в "животрепещущих" вопросах, поскольку любой вопрос действительно горит в этой сырой стране, их интерес скорее академический, чем реальный. Жены мелких лавочников, ремесленников и крестьян занимают

во многом то же место, что и женщины этих классов в других европейских странах. Они добрые матери, бережливые домохозяйки, очень любят своего "мужчину", не чураются изысков в одежде, а их лица и дома чрезвычайно опрятны, в то время как беднейшие кварталы крупных городов по сравнению с трущобами Лондона, Манчестера и Ливерпуля являются образцом опрятности. Это правда, что окна открываются редко, потому что ни одно голландское окно не открывается наверх, и поэтому, проходя мимо открытой двери в бедных кварталах города, ощущаешь запах внутренней атмосферы, которая не поддается описанию; но внутри дома "опратно", и можно увидеть блеск начищенных вещей, говорящий о неоднократных протирках, драках и бичевании. На самом деле чистота в Голландии стала почти болезнью, и мытье и стук продолжаются с утра до ночи как снаружи, так и внутри дома.

Вероятно, обильные запасы воды являются причиной всеобщей стирки, поскольку, не довольствуясь мытьем всего внутри дома, они моют и снаружи, и даже кору любых деревьев, которые случайно оказываются в зоне проведения работ. Цоколи и кирпичи домов оттираются настолько, насколько могут дотянуться руки, или небольшая ручная струйка может нести воду. В коттеджах как в городе, так и за городом царит одинаковая чистота, но люди почти не моются, а баня среди беднейших слоев населения практически неизвестна. У людей такого типа, возможно, не было такого в течение тридцати или сорока лет, и они воспримут идею с насмешкой и будут смотреть на эту практику как на "моду", в то время как случаи со многими животными всерьез приводятся в качестве аргумента в пользу того, что в этом совершенно нет необходимости. Врач однажды рассказал мне о богатой пожилой пациентке из фермерского сословия недалеко от Утрехта, которая, когда ей прописали ванну, сказала: "Сколько угодно лекарств, но ванну - никогда!" Исходя из принципа, что вы не можете сделать все, личная чистоплотность может зашкаливать, и энергия голландок из низов среднего и беднейшего классов сосредоточена на мытье всего *неодушевленного*, даже выложенных кирпичом дорожек перед домами, что объясняет опрятный вид голландских улиц в городах и сельской местности. Даже сильный ливень не мешает еженедельной практике домохозяйки или прислуги, и вы увидите, как слуги держат зонтики, пока моют фасады домов. Эта чрезмерная чистота, наряду с другими домашними обязанностями матери и жены, заполняет обычный день, и газету или книгу редко можно увидеть в их руках.

Переходя к среднему классу, мы обнаруживаем, что время хозяйки в основном уходит на то, чтобы руководить слугами и торговаться с торговцами, которые во многих случаях переносят свои товары из дома в дом. Хозяйка дома заботится о том, чтобы все запереть после того, как будут розданы припасы на день, и маленькая корзинка с ключами, которую она повсюду носит с собой, сама по себе является кабинетом. Даже в высшем обществе такое запираение является обычной практикой, поскольку очень немногие люди держат домработницу. Хозяйка также заботится о "кастрюле". Это остроумное, но нежелательное приспособление для того, чтобы заставить гостя заплатить за свой ужин. Выходя из дома после обеда, вы даете одному из слуг флорин, и все собранные таким образом деньги складываются в шкатулку и в определенное время делятся между слугами, так что слуга, претендующий на должность, спрашивает, какова стоимость "горшка" за год. Есть признаки такой практики - платить слугам после того, как обед закончен, поскольку это портит представление о гостеприимстве, и хозяин, говоря вам "До свидания", прибегает ко множеству мелких ухищрений, чтобы не видеть, что вы платите его слуге, вдобавок к этому вы, скорее всего, пожмете ему руку флорином в своей руке, который вы украдкой пытались переложить в левую руку из правой, и очень часто гость роняет жалкую

монету, пытаюсь незаметно передать ее. Остается надеяться, что голландским дамам удастся отменить обычай, который одинаково неприятен и артисту, и развлекаемым.

Женщины из высшего среднего класса, безусловно, гораздо образованнее своих английских сестер. Они всегда могут говорить не на своем родном языке, а очень часто и на двух, сейчас распространены французский и английский, в то время как некоторые добавляют немецкий и немного итальянский, но большинство из них читают по-немецки, если не говорят на нем. Однако французский язык универсален, поскольку французский роман гораздо более по вкусу, чем более трезвая английская книга. Количество и качество этих французских книг, прочитанных голландской юной леди, достаточно, чтобы удивить и, вероятно, шокировать английскую девушку, которая часто с трудом читает безопасный "Доде" (за исключением "Сафо"), но молодая голландка не знает ни о каком *Индексе Экспургаториуса*, и читает то, что ей нравится. В то же время классиков Англии и Германии очень широко читают и ценят, и многие голландки могли бы лучше сдать экзамен по тексту и значению Шекспира, чем англичанки, чьи знания слишком часто ограничены воспоминаниями о кембриджских текстах великих поэтов, используемых в школах.

Но какой бы хорошо образованной ни была голландка, в ней нет ничего от "синего чулка", и она не производит на вас впечатления умницы, пока долгое знакомство не выявит ее разносторонние познания. Очень жаль, что ее образование дает так мало результатов, потому что существует очень мало каналов, по которым голландка может направить свои знания. Политика по большей части касается вопросов о различиях в религиях, которые для женского ума заумны и сухи, а в практической политической жизни она ничего не видит. Здесь нет "террасы", нет Лиги Первоцветов, нет агитации, нет политического *салона*, нет волнения по поводу выборов; и вдобавок к этим негативным моментам, женщин презирают, если они высказывают свое мнение по политическим вопросам, а молодые люди обычно считают политику *et hoc genus omne* скучной, а имена великих государственных деятелей, стоящих у руля дел, часто даже не известны молодому поколению. Мало интереса также проявляют к армии и флоту из-за того, что в первых так мало действительной службы, а во вторых - из-за малочисленности последних; и женщину мало волнуют приказы, положения, маневры и сравнительная сила - она хочет "героев" и знать, что они сделали, и не задумывается о том, что могли бы или должны сделать "службы". Офицеры, служившие в Индии и видевшие действительную службу, высоко ценятся в ее глазах, но поскольку их немного, помимо привязанности к мужу-солдату, брату или возлюбленному, которая в основном проявляется в беспокойстве, как бы их не отправили на гарнизонную службу в какой-нибудь город, где социальные преимущества невелики или *равны нулю*, голландка не проявляет большого интереса к армейским делам. Что касается военно-морского флота, то они философски соглашались с тем фактом, что, поскольку корабль должен плавать по воде, они должны терпеливо переносить необходимую разлуку со своими друзьями-моряками.

Когда мы переходим к церковным вещам, интерес к Церкви становится еще меньше. О Римско-католической церкви не может быть и речи, поскольку положение мирян там хорошо описано как "преклонение колен перед алтарем, сидение за кафедрой и без возражений засовывание руки в карман, когда требуются деньги". Миряне-протестанты, однако, не проявляют большого интереса к Национальной церкви, и хотя есть диакониссы, посвятившие себя уходу за больными и всем добрым делам, как есть *сестры милосердия* в Римской общине, все же рядовые голландки не беспокоятся о своей церкви, за исключением посещения ее изредка -

можно сказать, очень изредка. В богослужениях Реформатской церкви очень мало яркости, нет ритуалов, нет простора для художественной работы, нет викариев и, помимо всего прочего, нет карьеры в Церкви для духовенства. В лучшем случае их могут отправить в один из крупных городов, но жизнь жены "домине", как называют голландского пастора, такая же, как в деревне. И если домины ходят в страхе и трепете из-за глаз аргуса и часто мидасоподобных ушей дьяконов, их жены должны быть еще более осмотрительными. Известно, что одна "домине" бросила вызов общественному мнению и ездила на велосипеде, но для матери в Израиле подобный поступок вызвал бы шок у всех добропорядочных членов Реформатской церкви. Жены священнослужителей, однако, выполняют хорошую и полезную работу и, вероятно, являются более реальными помощницами своим мужьям, чем женщины из любого другого класса того, что можно назвать официальной жизнью, но они не играют никакой роли в приходских или церковных делах. Они не направляют женское влияние, которое действительно действует в приходе, а скорее занимают свое место как одно из них. Следовательно, если женщина выходит замуж за священнослужителя, она делает это из любви к мужчине и ради его работы; в карьере ее мужа не может быть и тени честолюбия, поскольку не существует таких вещей, как комфортабельные дома священников и перспективные благочиния или епископства с вытекающими из них влиянием и властью. Ничто, кроме любви к мужчине, не дает "доминирующей" жене, и она знает, что "верующие" будут смотреть на нее с любопытством и произносить не слишком добрые речи о ее поведении, в то время как великие люди, к их несчастью, будут игнорировать ее в обществе почти так же, как королева Елизавета в свое время игнорировала жен епископов.

Переходя к более легким предметам, голландские девочки теперь освобождаются от чопорности и шпионажа, в которых воспитывались их матери, и это, без сомнения, в значительной степени связано с появлением спорта. Теннис, хоккей, гольф и особенно езда на велосипеде силой обстоятельств даровали свободу, на которую сила аргументов, мольбы и слез не смогли повлиять. Матери и сопровождающие, как правило, не ездят на велосипедах и не играют в теннис и гольф; они не всегда могут ходить на собрания клуба, даже для того, чтобы зевать во время съемок, и поэтому молодые люди играют сами по себе, и быстро растет несдержанность и здоровая свобода общения, которые серьезно осуждаются бабушками, которым подмигивают матери, но которыми в полной мере наслаждаются дочери. Однако квиддунки предсказывают, что люди не будут вступать в брак так рано, как раньше, потому что молодые люди слишком хорошо узнают друг друга в результате неограниченного общения, и ореол, которым каждый пол окружает другой, рассеивается. Как бы то ни было, ни одна голландская девушка не захочет вернуться в старые времена, когда она никуда не могла пойти одна.

И все же, как бы мужчинам ни хотелось иметь женщин в качестве компаньонов в играх, они не слишком охотно позволяют им высказываться в вопросах, которые мужской ум считает своей прерогативой; дело в том, что большинство голландцев считают женщин ниже себя, и когда встает вопрос о допуске в литературные или артистические кружки и клубы, женская работа должна быть бесспорно высокого уровня. Есть один или два женских клуба, но в настоящее время они не процветают, поскольку существует так мало общественных площадок, на которых женщины могут встречаться, и поэтому "социальный уровень" определяет относительное положение женщин по голосам женщин, и тогда шансы перейти Рубикон невелики. Однако нет никаких сомнений в том, что женщины в Голландии постепенно прокладывают себе путь к большей независимости в жизни. Они занимают должности в государственных учреждениях;

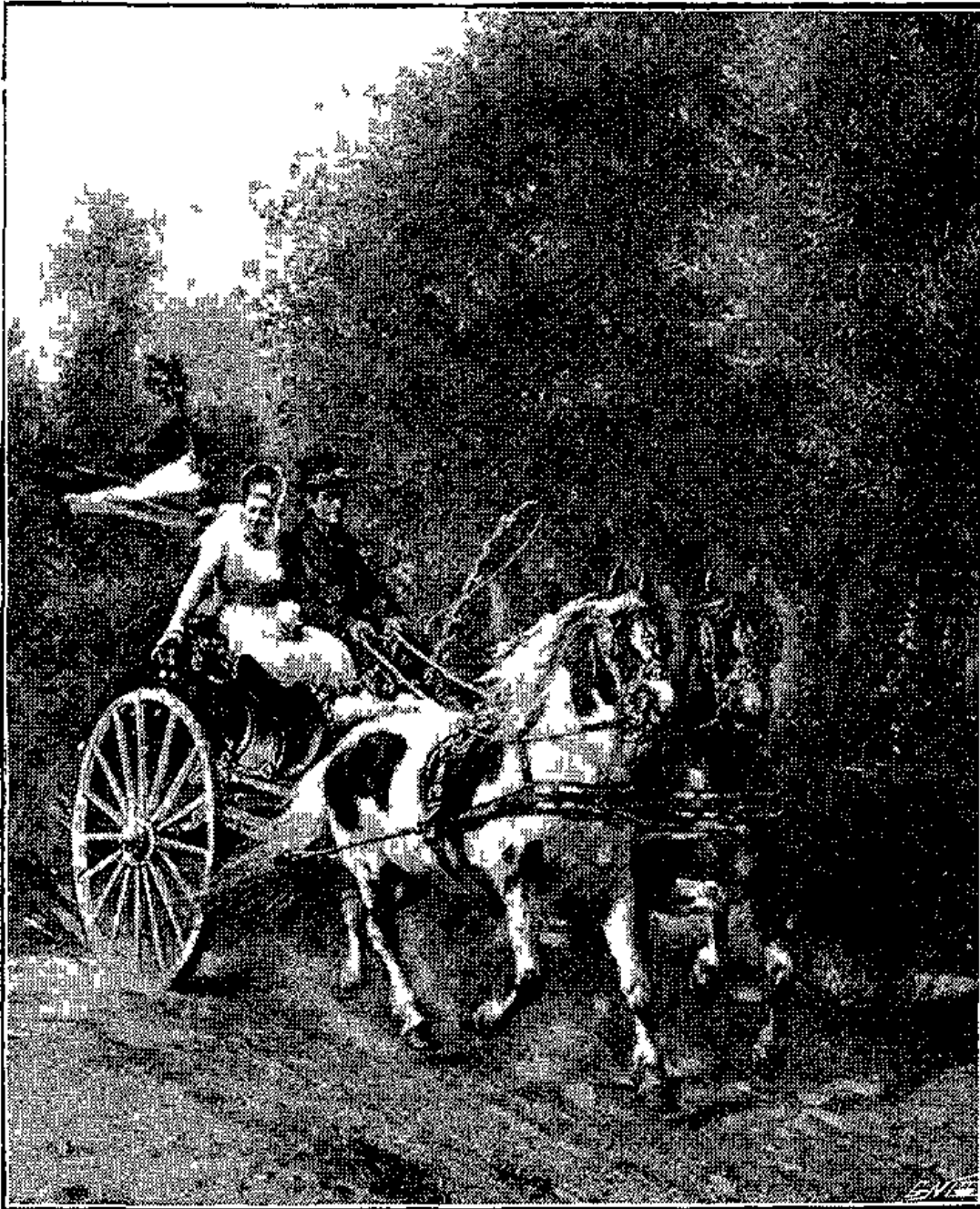
они поступают в университеты; они изучают медицину и получают квалификацию врачей; и, без сомнения, со временем они заставят мужчин признать их притязания жить независимой жизнью, а не зависимой. Кроме того, в Голландии, как и в других странах, соотношение между полами неравноценно, и поэтому необходимость заставит открыть двери полезности, до сих пор закрытые для женщин.

Голландка одевается дорого во всех городах и, как правило, хорошо. Туалеты в основном немецкого образца, которые больше подходят к телосложению голландки, чем парижская мода. Однако женщины редко одеваются в том простом стиле, который моден в английском утреннем наряде, и голландский городок или морской курорт по утрам полон нарядных туалетов, больше подходящих для улицы или бульвара. Даже во время езды на велосипеде большинство людей одеваются не очень просто.

DUTCH FISHER-GIRLS.

Голландские девушки-рыбачки.

A BRIDAL PAIR DRIVING HOME.

Пара новобрачных едет домой.

Голландия всегда славилась разнообразием и причудливостью своих провинциальных и даже общественных костюмов, и все это до сих пор можно увидеть, хотя они медленно вымирают. В некоторых, а на самом деле во многих случаях, современную шляпку надевают поверх красивого золотого или серебряного головного убора, окаймленного кружевами, но древность и современность в таких случаях не гармонируют. Из явно провинциальных костюмов фрисландский, как правило, считается самым красивым, но, поскольку иллюстрации ко всем

ним даны в следующей главе, следует предоставить читателю самому решать этот вопрос. Рыбаки больше, чем кто-либо другой, сохраняют свою характерную одежду, хотя даже среди них некоторые дети одеты в соответствии с современными представлениями, и, конечно, когда женщины обречены носить четырнадцать или шестнадцать юбок, которые делают их склонными к легочным заболеваниям, удивительно, что современная мода не получила более широкого распространения. Призыв к современности в отношении голландских национальных костюмов считается среди художников крайней ересью, но фигуры смотрятся лучше на картине и на расстоянии, чем в повседневной жизни, к тому же обычай отрезать или прятать волосы, который навязывают некоторые головные уборы, не заслуживает поощрения; и удивительно, что женщина, которая, как правило, знает о своих прелестях, так долго соглашалась быть лишенной одного из главных. Но в Голландии, как и во всех странах, где распространяется образование, растет космополитизм в одежде, и живописное имеет тенденцию уступать место удобному и во многих случаях здоровому.

Брак со всеми его приготовлениями - это триумф женщины, и в Голландии она пользуется им по максимуму. Способ поиска жены и предложения руки и сердца, без сомнения, в Нидерландах такой же, как и в других европейских странах, за исключением Франции; но, получив согласие, счастливый мужчина должен смириться с привычной рутинной. Прежде всего, он обменивается кольцами, так что мужчина, который помолвлен или женат, выдает этот факт так же, как и женщина, простым золотым кольцом, которое носит на безымянном пальце. Таким образом, у девушки больше шансов противостоять тем, кто когда-либо был "обманщиками", чем в стране, где таких внешних и видимых признаков не существует. О помолвке объявляется посредством рассылки открыток, скрепленных подписями родителей с обеих сторон, и назначается день получения поздравлений. После этого помолвленные считаются почти женатыми. Помолвки, конечно, часто расторгаются, но такая вещь, как иск за "нарушение обещания", невозможна и была бы сочтена самой меркантильной и подлой. Как правило, помолвки не длятся долго, и как только день свадьбы согласован, предыдущие две недели заполняются разного рода вечеринками, в то время как непосредственно перед днем свадьбы устраивается еще один грандиозный прием, на котором, как и прежде, жениху и невесте приходится часами стоять, принимая поздравления своих друзей. Время от времени они улучают возможность присесть, но очередное появление снова поднимает их на ноги, усталых, но улыбающихся. Утром в день свадьбы счастливая пара едет в ратушу; ибо все браки сначала должны быть отпразднованы гражданскими властями, и поэтому они предстают перед бургомистром, который говорит что-нибудь подходящее, и они приносят свои клятвы и подписывают бумаги, после чего, если они этого желают, в церкви проводится служба, которая называется "Благословение", на которой они благословляются, и им приходится выслушивать длинную проповедь, в конце которой им вручается Библия. Эта проповедь не в последнюю очередь является тяжелым испытанием, поскольку часто многие пожилые члены отряда доводятся до слез упоминаниями бывших членов двух семей и затрагиваются всевозможные темы, чуждые конкретному служению. На недавней известной мне свадьбе гостям пришлось выслушать длинную речь, в которой комментировались война в Трансваале и Парижская выставка. Мало того, на службе совершается не менее трех сборов, так что люди, желающие вступить в святое состояние супружества, не должны испытывать недостатка в мужестве, когда они решатся на это.

Но после женитьбы голландский дом действительно становится "Домом, милым домом", как это более или менее имеет место во всех северных странах, где переменчивый климат вынуждает людей подолгу жить в четырех стенах. Голландские отцы добры, а матери снисходительны, и

среди беднейших слоев населения особенно велика семейная привязанность. Можно было бы привести множество прекрасных и трогательных примеров семейной преданности, и обществу, подобному этому, занимающемуся "предотвращением жестокого обращения с детьми", было бы нечем заняться в Голландии.

Глава V

Городской рабочий

Положение голландского городского рабочего класса ни в коем случае нельзя назвать завидным. Допустим, что заработная плата намного выше, чем полвека назад, когда хлеб стоил пять с половиной пенсов за буханку по сравнению с тремя с половиной пенсами сегодня, а одежда и мебель стоили пятьдесят процентов. в большей степени, чем сейчас, среднего рабочего нельзя охарактеризовать иначе, как явно бедного по сравнению с его английским коллегой. Однако было бы неверно судить исключительно по шкале заработной платы, и читателя следует сразу предостеречь от подобных сравнений. Дело в том, что среди рабочего класса Голландии существуют очень большие различия в условиях жизни. Плотник или кузнец, зарабатывающий от 1 до 10 шилл. фунтов в неделю в течение всего года, при трезвом образе жизни и хорошем поведении будет считаться сравнительно состоятельным рабочим. С другой стороны, каменщик или маляр, чья работа зимой очень ненадежна и кто зарабатывает, может быть, всего 1 фунт стерлингов в неделю в течение девяти месяцев в году, когда он может найти работу, в лучшем случае является плохим рабочим, и его положение вызывает глубокое сожаление. Однако еще более плачевным является положение семей рабочего класса в некоторых промышленных городах, где заработная плата все еще ниже и где невозможно поддерживать даже сносный уровень жизни, если мать и дети не займут свое место на фабрике бок о бок с главой семьи в качестве постоянных наемных работников.

Поскольку рабочая сила в Голландии дешева, а семей много, как только мальчики и девочки достигают священного двенадцатилетнего возраста, в котором голландский закон разрешает им работать по двенадцать часов в день, они бросают школу и поступают на фабрику или в мастерскую.

Для этих детей, которым приходится вставать со своих маленьких постелек, часто под черепицей, в 5 или 6 утра, а то и раньше, летом и зимой, это не шутка, чтобы выпить немного горячего кофе или того, что удобно так называть, проглотить огромный кусок хорошо известного голландского "роггебруда", или ржаного хлеба, а затем поспешить в своих деревянных башмаках по тихим улочкам городка к месту работы.

Иногда у них есть время вернуться домой в 8 или 8.30 утра, чтобы съесть второй "завтрак на скорую руку", который чаще всего является их первым, поскольку многие из них начинают рабочий день на пустой желудок. Те, кто не может сбегать домой и обратно за полчаса, которые обычно отводятся на первый "шафт", или время приема пищи, берут с собой хлеб с маслом в хлопчатобумажном или полотняном пакете, а молоко с водой или кофе - в жестяной банке, и таким образом переодеваются так хорошо, как только могут. Во время ужина, как правило, вся семья собирается дома примерно с двенадцати до часу дня или половины шестого на кухне. Эта кухня, конечно же, используется для приготовления пищи, стирки, проживания и сна. Стены побелены, а пол выложен каменными плитами. Роскоши здесь нет, комфорта мало. Обычно в

меню дня входит картофель с некоторыми овощами, морковью, репой, капустой или фасолью. Иногда добавляют кусочек бекона, реже немного говядины; в то время как баранину в Голландии почти никогда не едят, разве что очень бедные люди. Рыба для большинства из них слишком дорогая, за исключением жареной копченой рыбы или копченостей. Если есть свободное время и к дому пристроен небольшой сад, дети помогают, поливая растущие там овощи, если это летнее время, или занимаясь другими полезными делами. Но в 1 или 1.30 они должны вернуться в мастерскую, и до 7 часов вечера тяжелая работа продолжается снова. В субботу вечером мальчик приносит свои шесть пенсов, или сколько там у него может быть жалкого заработка, своей матери. Арендная плата и клуб - деньги на оплату болезни и похорон должны быть под рукой, когда сборщики позвонят утром в воскресенье или понедельник. Как правило, хотя исключений достаточно много, отец также приносит с собой всю свою зарплату; но пьянство - это проклятие - может быть, и уменьшающееся, но все же проклятие - многих рабочих семей, и в таких случаях оно наносит очень серьезный удар по домашнему бюджету.

Итак, мальчики растут в напряженной, монотонной жизни, пока их не призывают на обязательную военную службу. Прежде чем стать новобранцами, они обычно вступали в различные общества - дискуссионные, театральные, социальные, политические или другие. У Арнольда Тойнби много поклонников и последователей в Голландии, которые выполняют работу йомена в его духе и приносят яркое, здоровое удовольствие в жизнь этих молодых тружеников. Богословы всех деноминаций, протестантские и католические, также имеют свои "дома" и свои "Собрания", и невинное развлечение на их собраниях не является бескорыстием, смешанным с религиозным учением. Таким образом, на молодежь также оказывается благотворное, сдерживающее влияние. И постепенно мальчик становится молодым человеком, общается с другими молодыми людьми и, подобно своим более состоятельным соседям, обсуждает мировые дела, мечтает о радикальных реформах и все меньше и меньше думает о унылом доме, где отец и мать, состарившиеся раньше времени, являются немногим большим, чем люди, с которыми он живет, и которые забирают все или часть его жалованья, оставляя ему немного скромных карманных денег для себя.

Тем временем его сестры жили в какой-то семье среднего класса, начинали как девочки на побегушках, впоследствии их повысили до важной должности "киндермейд", или детской горничной, хотя они все время спали вне дома, что означает, что до и после того, как они целый день трудились на незнакомцев, они выполняют часть домашней работы для своих матерей дома. Однако через некоторое время они находят работу горничных или на других должностях домашней прислуги. Если им посчастливится найти внимательных, но строгих и добросовестных любовниц, то сейчас начинается лучшее время в их жизни; нет усталости от работы, но есть хорошая еда, хорошее жилье и доброе обращение. Если они хотят развивать тонкое искусство приготовления пищи, они проходят обучение в этой области, и в большинстве случаев им разрешается работать самостоятельно и даже, если они надежны и заслуживают доверия, самостоятельно закупать овощи и т.д. На рынках, которыми могут похвастаться все голландские города и где местные продукты предлагаются на продажу в изобилии и аппетитной свежести. Все это, как правило, учит служанку одинаково пользоваться своими глазами, руками и умом, а также воспитывает из нее бережливую, трудолюбивую и опрятную жену рабочего, которая будет знать, как свести концы с концами, какими бы скудными ни были ее ресурсы. Это одна из причин, почему дома стольких голландских рабочих, несмотря на низкую заработную плату, выглядят уютно и зажиточно - женщины там научились добиваться многого.

А как насчет их будущих мужей? Они тоже научились своему ремеслу? Возможно; если они особенно сильны, проницательны, трудолюбивы и настойчивы, хотя техническое образование ("амбахтсондервейс") в Голландии - дело будущего.

В обычной жизни мальчик идет в профессию, которая предлагает ему самую высокую заработную плату. Если он может начать с того, что зарабатывает восемь пенсов в неделю, он не пойдет зарабатывать шесть пенсов в другое место, если износ обуви и одежды в обоих случаях одинаковый, хотя шестипенсовая профессия, возможно, лучше соответствует его вкусам, способностям и общим наклонностям. Для его матери дополнительные два пенса - это вознаграждение; они могут покрыть некоторый еженедельный взнос в необходимый фонд. Выполнение поручений - его первая работа, пока случайно какой-нибудь рабочий или подмастерье не покинет мастерскую, и в этом случае его переведут наверх, а поручения будет выполнять новый мальчик. Но теперь он должен позаботиться о себе; его хозяин не слишком стремится позволить ему изучить все тонкости работы, потому что, как только его конкуренты услышат, что у него в мастерской работает очень умный мальчик, он наверняка потеряет этого мальчика, которого соблазнит предложение более высокой оплаты. Рабочие также не слишком склонны делиться своими маленькими секретами, объяснять то и это, и таким образом помогать молодому человеку дальше. Зачем им это? Никто не делал этого за них; они получили свою квалификацию собственными усилиями, без посторонней помощи - пусть мальчик сделает то же самое. Более того, "баас", или вождь, не любит, когда они "тратят свое время" подобным образом, а "баас" раздает им хлеб с маслом; поэтому на мальчика, как правило, смотрят просто как на помеху.

Существуют мастерские, также первоклассные мастерские, куда десятки лет не допускают учеников просто потому, что работодатели не видят способа заключить эффективное соглашение с мальчиками или их родителями, которое помешало бы им позволить конкуренту насладиться результатами их технического обучения. Неудивительно, что в этих условиях по всей Голландии остро ощущается нехватка технических школ и ведется активная агитация за их предоставление. В настоящее время существует всего около двадцати четырех таких школ; старейшая, в Амстердаме, датируется 1861 годом, а самая молодая, в Нюмегене, была основана в 1900 году. Частично муниципальные школы, частично школы, построенные частными усилиями граждан, все они хорошо выполняют свою работу. Только в последние несколько лет нация начала задаваться вопросом, не следует ли государству взять техническое образование на себя. Голландцам нравится частное предпринимательство во всем, и они всегда склонны предпочитать его действиям государства или муниципалитета; но они пришли к пониманию того, что технические школы могут быть хорошими школами и могут выполнять хорошую работу для столь необходимого улучшения ремесленного производства, даже если это не частные предприятия, и что до сих пор эта отрасль национального образования не шла в ногу со временем.

Идея, которая, вероятно, в конце концов восторжествует, заключается в том, что технические школы должны управляться городскими советами и субсидироваться государством, которое взамен получит право надзора и инспекции, а также установления общих правил для их учебных программ. В настоящее время, однако, нет закона, регулирующего этот вопрос, и подмастерья страдают от этого недостатка, поскольку работодатели уклоняются от использования своих средств, времени и знаний в интересах недобросовестных конкурентов.

В целом жизнь городского рабочего - это постоянная борьба с бедностью и болезнями. Детей приходит много, даже слишком много для неэластичных возможностей заработной платы их родителей. Молодая жена не становится сильнее от частых родов; и пища неизбежно становится менее сытной по мере увеличения количества ртов за домашним столом - всегда простая, она часто становится недостаточной. Мать, и без того много работающая, должна работать еще усерднее и заниматься стиркой по дому или подрабатывать поденщицей, чтобы увеличить свой скромный доход. В промышленных центрах женщины также часто работают на фабриках, хотя закон, по крайней мере, защищает их от чрезмерной продолжительности рабочего дня и преждевременных родов после родов.

Благодаря голландской бережливости фонды на похороны и лечение больных быстро приходят на помощь, когда смерть железной хваткой сжимает истощенное тело бедных городских младенцев, когда болезнь лишает мужчину возможности зарабатывать свою обычную зарплату, и доход семьи на время прекращается. Из этих благотворительных фондов в Голландии насчитывается около 450, распределенных примерно по 150 городам. Половина из них - похоронные фонды, а половина - смешанные фонды похорон и помощи больным; их членов насчитывается около двух миллионов; и все же, хотя они, безусловно, многое делают для предотвращения крайней нищеты, они делают это способом, который во многих случаях граничит со скандалом. Их правовой статус довольно неопределенен, и, как следствие, многие менеджеры поступают так, как им нравится, и извлекают пользу из своего долга перед бедными. Слишком часто эти менеджеры являются высшими контролерами фондов, а члены клуба не имеют никакого влияния. Во многих случаях единственным должностным лицом, которого последние знают, является коллектор, который приходит к ним домой за еженедельными взносами. Этот чиновник часто прибегает к сомнительным уловкам для вымогательства денег у бедных беспомощных прихожан, которые просто и уверенно платят то, что им велят платить - небольшие суммы, конечно, несколько центов или пенсов, но в конечном итоге все равно "накапливаются" - и когда горе и смерть входят в их скромные жилища, хладнокровные негодяи легко вводят их в заблуждение, наживаясь на их нежелании ссориться из-за денег, когда в доме труп.

Другая опасность нерегулярного использования этих средств заключается в том факте, что посторонние лица могут оформить полисы на жизнь определенных семей. Несколько лет назад страна была потрясена тревожной историей женщины, которая отравила несколько человек только для того, чтобы иметь возможность оплатить себе расходы на похороны, в то время как многие несчастные маленькие дети таким образом стали ужасным вложением средств бессердечных соседей, которые, зная, что бедняжка умирает, оформили полисы на его похороны. Для этих прекрасно управляемых объединений медицинское освидетельствование не требуется. Их страховые взносы, однако, настолько высоки, что эта деталь существенно не влияет на их прочное финансовое положение; и в таком случае нельзя отрицать, что отсутствие таких экзаменов значительно повышает их общую полезность для трудящихся классов.

A DUTCH STREET SCENE.

Голландская уличная сцена.

Клубы по предотвращению финансовых потерь из-за болезни действительно требуют медицинского обследования. В Голландии их насчитывается около 700, они распределены более чем в 300 городах. Некоторые выделяют фиксированную сумму денег на время болезни, другие предоставляют врача и лекарства, третьи делают и то, и другое. Но те же возражения и обиды, которые рабочие высказывают против фондов на погребение, применимы и к этим последним клубам. Любопытно, что вместо того, чтобы роптать, рабочий не принимает решения исправить положение, настаивая на своей доле в управлении обществами и фондами, в которые он вносил столь значительную часть своего заработка. Однако до сих пор голландские рабочие классы не нашли человека, способного организовать их для этой или других целей. У них есть способные защитники, красноречивые, страстные реформаторы, прямые, честные друзья, но их работа - это скорее деструктивная критика, чем конструктивная организация. Там, где существует организация, она является политической, социальной, религиозной, но не промышленной, локальной, но не универсальной, и в ней часто присутствует горький намек на благотворительность. С другой стороны, беднякам так часто навязывались, что они испытывают очень мало доверия друг к другу и к более богатым классам, которые проявляют глубокий интерес к их горестям. В Голландии нет очень крупных промышленных центров; заработная плата настолько низка, что большинство рабочих вынуждены искать дополнительные доходы, либо работая сверхурочно, либо выполняя случайную работу после окончания обычного рабочего дня. Следовательно, для общего дела остается не так уж много времени или энергии. Некоторые крупные работодатели, такие как г-н Дж.К. ван Маркен из Делфта и г-н Дж. У. братьев Сторк из Хенгелоо есть собственные организации, благодаря которым достигаются важные улучшения; но мелкие работодатели слышат, как лидеры лейбористов постоянно осуждают

такие усилия и проповедуют благословения социал-демократии как истинную панацею, поэтому они не понимают, почему они должны подвергать себя каким-либо неудобствам или расходам ради того, чтобы заслужить оскорбления и неблагодарность.

Более того, многие из этих предпринимателей придерживаются устаревшей максимы манчестерских экономистов, согласно которой рабочая сила - это всего лишь разновидность товара, определенный запас которого рабочий сохраняет в обороте, и что простая задача капиталиста как делового человека состоит в том, чтобы купить эту рабочую силу как можно дешевле, и что он расправляется с продавцом, как только его торговый запас исчерпывается. К счастью, теперь многие понимают, что в долгосрочной перспективе эта нелепая теория так же вредна для государства, как убийство птицы, несущей золотые яйца.

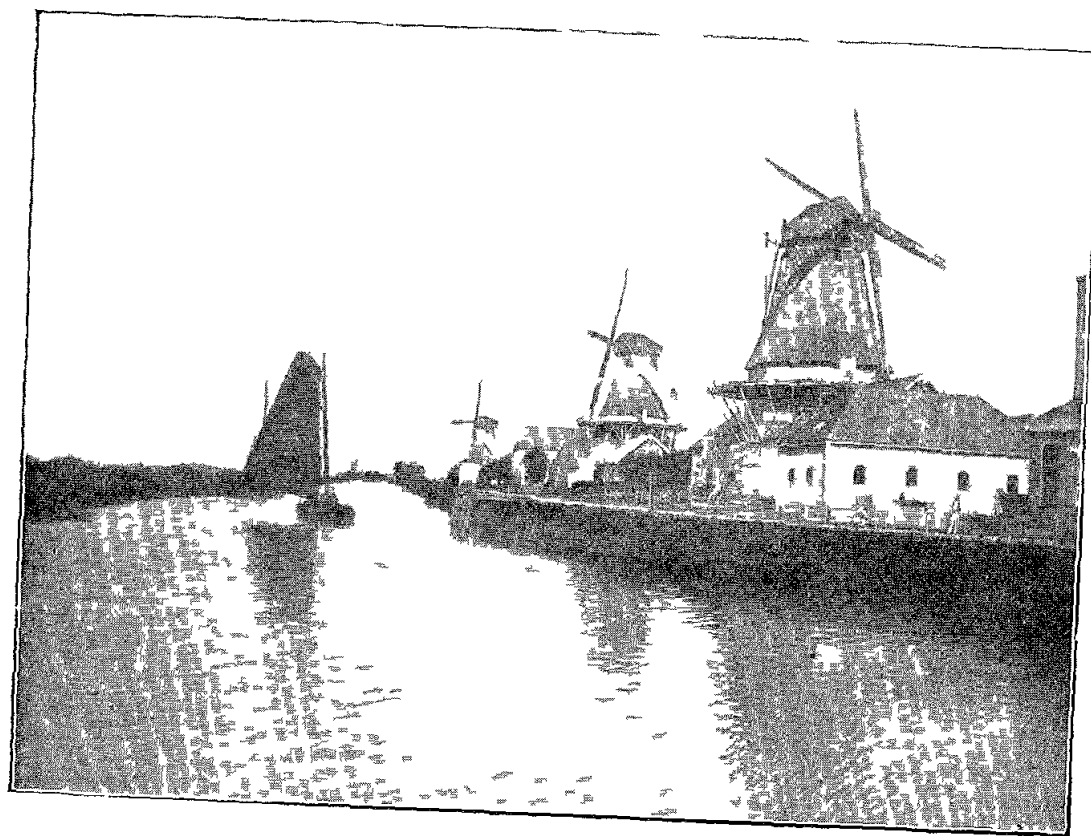
Во всяком случае, чувства рабочего к своему "патрону", как по-прежнему называют работодателя старым именем, не самые добрые. Потоотделение в Голландии встречается гораздо реже, чем это было около двадцати лет назад; но, хотя было бы просто демагогической болтовней говорить о безжалостном истощении труда капиталом, тем не менее, существует достаточно возможностей для развития большего удобства между ними. И так будет продолжаться еще некоторое время. Социальное законодательство может многое сделать со временем, но оно не может сделать всего, и в лучшем случае оно должно следовать за пробуждением общественного сознания. Следовательно, прогресс должен достигаться шаг за шагом, ибо ничто так не угрожает стабильности социальной структуры, как внезапные изменения, и мудрый государственный деятель предпочитает позволить каждому из своих действий делать свое дело и приводить к своим собственным последствиям, прежде чем он рискнет предпринять следующий шаг. Дезинтеграция социальной жизни гораздо хуже, чем социальная нищета, ибо дезинтеграция делает нищету всеобщей и создает бесчисленные препятствия на пути к восстановлению.

И как бы хорошо голландцы ни понимали чувства и положение рабочего, как бы сильно они ни стремились улучшить его положение, они также достаточно изучили социальную и политическую историю, чтобы понимать, что для общества в целом единственным мудрым и безопасным принципом действий является постепенный прогресс - эволюция, а не революция.

Глава VI

Каналы и их население

Когда Друз за несколько лет до начала нашей эры раскопал канал Иссель и, таким образом, дал новое русло Рейну, он начал процесс канализации во Фризских и Батавских провинциях, который более или менее продолжается с тех пор. Иностранцу Голландия или Северные Нидерланды всегда должны казаться страной дамб и каналов, один из которых не более важен для защиты, чем другой, как артерия сообщения, распространяющая торговлю и поддерживающая национальную жизнь. Наполеон *снаивной* понятливостью назвал Голландию наносом французских рек. Голландские патриоты с законной гордостью заявляют: "Бог дал нам море, но мы создали берег", и никто, кто видел искусственный барьер, ограждающий материк от Хука до Текселя, не станет принижать их достижение или насмехаться над их претензиями.

A SEA GOING CANAL

Морской канал.

Морская дамба спасает Голландию от Северного океана, мрачного и серого в его самом добродушном настроении, угрожающего и бурного долгой зимой нашего северного полушария; но именно внутренним дамбам, защищающим низменные польдеры, Голландия обязана своим процветанием и источниками богатства, которые сделали ее жителей нацией. Первоначальный характер страны - болотистой местности, пересеченной многочисленными протоками Рейна и Мааса, - требовал, чтобы система дамб сопровождалась другой системой каналов. Чрезмерно обильные воды нужно было не просто остановить, их нужно было ограничить и направить в подготовленные каналы. Таким же образом они были созданы для того, чтобы служить целям человека. Большие дороги через болота были либо неосуществимы, либо слишком дороги; но каналы представляли собой надежное и удобное средство транспорта и связи.

В то же время они не ставили под угрозу безопасность страны. Дороги, проложенные по дамбам или возведенные на утопленных сваях, открыли бы дверь захватчику, но каналы обеспечивали дополнительное оружие обороны, поскольку открытия дамб было достаточно, чтобы снова превратить страну в первобытное состояние болотистой местности. Случай, когда только эта мера спасла Голландию во время французского вторжения 1670 года, хорошо известен в истории, и надежды голландцев на сопротивление нападению любого могущественного агрессора были бы сосредоточены на той же мере защиты, которая заключается, практически говоря, в погружении страны под воды каналов и рек. Существует распространенное поверье, что в Амстердаме есть один главный ключ, поворот которого позволит воде прорваться через сушу, но обосновано ли это или нет, никто, за исключением очень немногих официальных лиц, сказать не может.

В ожидании какой-либо досадной необходимости прорыва дамб и выпуска воды, можно мимоходом заметить, что эффективное поддержание дамб является постоянной заботой и влечет за собой напряженные усилия. Они нуждаются в повторном ремонте, и подсчитано, что их полная реконструкция проводится каждые четыре-пять лет. Ежегодно на эти работы тратится около миллиона фунтов стерлингов. Многочисленный и специально обученный штат инженеров находится в постоянной упряжке, многочисленная группа наблюдателей за дамбами постоянно на чеку, и когда они поднимают крик: "Выходите! выходи!" ни мужчина, ни женщина, ни ребенок не должны уклоняться от призыва укрепить слабые места, через которые угрожает пройти наводнение, которое затопит землю. Это постоянная борьба с природой, в которой победа остается за человеком. Поскольку дамба является оплотом процветания Голландии в мирное время, ее можно превратить в союзника отчаявшегося патриотизма в войне.

Между каналами есть заметные различия. Два крупнейших и наиболее известных канала, Северный канал и Канал Северного моря, являются проходами в океан для самых больших судов и специально предназначены для торговли Амстердама. Северный канал был проложен в 1819-25 годах, вскоре после реставрации Дома Оранжей, с выходом в Хелдере, недалеко от устья Тексея. Его ширина составляет от 40 до 50 ярдов, длина - 50 миль, а глубина - 20 футов, что в то время считалось достаточным. После сорока лет использования этот канал был признан непригодным со всех точек зрения. Соответственно, было решено построить новый канал напрямую из Амстердама в Юйден через самую узкую полосу Голландии. Несмотря на то, что У использовался, работа на этом канале была огромной и заняла одиннадцать лет, после чего он был окончательно открыт для судоходства в 1877 году. В длину он составляет менее 16 миль, но его средняя ширина составляет 100 ярдов, а глубина колеблется от 23 до 27 футов. Следовательно, самые большие корабли из Америки или Индии могут достигать пристаней Амстердама так же легко, как если бы это был порт на морском побережье. Оставляя в стороне морские проходы, проложенные между островами Зеландии, остальные каналы являются внутренними водными путями, служащими основными автомагистралями страны, обеспечивающими доступ из одной части страны в другую и особенно служащими подходами или полосами движения к великим рекам Маас и Рейн.

A VILLAGE IN DYKE-LAND.

Деревня в Стране Дамб.

Интересное население каналов Голландии, конечно же, обитает на этих каналах, которые из года в год пересекаются непрерывным потоком тьялков, или национальных барж. На этих лодках, которые больше напоминают люггер, чем баржу, они плавают не только по каналам своей страны, но и по Рейну до Кобленца и даже выше этого места. Было подсчитано, что Германия импортирует половину своих продовольственных запасов через Роттердам, и большая их часть доставляется на предназначенные для нее рынки через тьялки. Канал Вильгельма соединяет Буа-ле-Дюк с Лимбургом и сохраняет большую излучину Мааса. Река Иссель соединяется с каналами Дренте-Оранж и Рейтдиеп, по которым к Рейну доставляются продукты из отдаленных районов Гронингена и Фрисландии. Рейн представляет собой место назначения основной массы постоянного населения Голландии, проживающего на каналах, чьи плавучие жилища представляют собой одну из самых интересных достопримечательностей, которые можно встретить на водах страны, но которые представляют собой одну из тайных фаз жизни народа, в которую мало кто из туристов или приезжих имеет возможность заглянуть.

Население Голландии на канале, по умеренным подсчетам, составляет 50 000 человек. Для такого количества людей баржа представляет собой единственный постоянный дом, и год проходит в непрерывном движении по внутренним водам страны или по великой немецкой реке, за исключением короткого промежутка времени, когда каналы замерзают глубокой зимой. Даже в эти периоды вынужденного безделья баржа не перестает быть их домом по той простой причине, что у населения канала нет другого. Вся их жизнь на протяжении поколений, воспитание и образованность детей, годы тяжелого труда от юности до старости проходят на

этих баржах, которые, различаясь по размеру и еще больше по состоянию, в сознании своих владельцев так же тесно ассоциируются с названием дома, как если бы они были построены из кирпича и камня на твердой земле. Честолюбивый юноша, который дергает за веревочку, хочет обзавестись собственным тьялком, и он усердно присматривает девушку, чье приданое поможет ему на его собственные сбережения совершить покупку. Он может надеяться приобрести его за пятьсот или шестьсот гульденов, если его устроит вещь ограниченных размеров и несколько отмеченная временем. Когда придет семья, ему понадобится лодка побольше и вместительнее, но к тому времени прибыли, которую заработает его первый тьялк в качестве перевозчика, в значительной степени хватит на покупку второй.

Все тьялки выполнены в одинаковой форме и по общей модели. Они несут мачту и парус, хотя большую часть своих путешествий их буксируют их владельцы, или, скорее, семья, жена и дети владельца. Минхеера, владельца баржи, обычно можно увидеть курящим трубку и непринужденно расположившимся у румпеля. Раньше было иначе, поскольку буксировка производилась собаками под личным руководством и, без сомнения, при некоторой помощи самого владельца баржи, в то время как его жена и дети оставались на юте лодки. Но двадцать пять лет назад власти Амстердама издали закон, запрещающий привлечение собак к работе по буксировке, и постепенно этот закон был в целом принят и применялся по всей стране. Когда собак освободили от их рабства на берегу канала, семье пришлось занять их места, и постепенно любящий покой глава семейства стал довольствоваться тем, что наблюдает за работой, отражающей его достоинство, и думает о ней. Нет ничего необычного в том, что баржу буксируют пожилая женщина, ее дочь или невестка и несколько детей. Когда они натягивают веревку, работа кажется чрезвычайно тяжелой, но сами люди, похоже, не замечают никаких трудностей или неравенства в распределении труда.

Баржа - это, прежде всего, транспортное средство. Вся передняя часть судна представляет собой трюм, в который помещается груз. Обычно это сыр или овощи, древесина, торф и камни, последние из которых являются возвратным грузом для ремонта дамб и строительства причалов. Но, во-вторых, это дом или место жительства, и для этой цели отдана корма лодки. Гостиная находится на приподнятой палубе или юте, на которой находится не только румпель, но и кухонная плита. Спальня образует единую крытую квартиру. Его легко разделить надвое с помощью временной или съемной перегородки, и в нем всегда есть два маленьких окошка, по одному с каждой стороны руля, которые придают ему такое большое сходство с кукольным домиком. Это сходство, безусловно, усиливается обычаем раскрашивать баржи, которые всегда выкрашены в яркий цвет, возможно, самый обычный - красный или зеленый. В качестве украшения обычно используется много латуни; рукоятка румпеля обычно окаймлена металлом, и владелец, кажется, гордится тем, что прибавляет медь вдоль фальшборта своей лодки там, где она не нужна и даже почти не видна. Было высказано предположение, что полировка этих латунных пластин или брусков обеспечивает приятное отличие от скучной рутинной работы по буксировке. Яркость краски и латунных изделий составляет предмет гордости владельцев барж и служит для них эталоном сравнения.

Чтобы усилить домашний уют этой водной резиденции, птиц и растения, всегда в большем или меньшем количестве и разнообразии, можно увидеть либо в окнах, либо на палубе. Самый бедный покупатель, что обычно означает самого молодого или начинающего, получит одну певчую птицу в позолоченной клетке, и по мере накопления денег в своем действительно прибыльном деле он добавит к своей коллекции птиц ряд цветов и лукович в горшках. Так, он

говорит с сиянием удовлетворения: "У меня есть вольер и сад, как у моего двоюродного брата Ганса на польдерах, хотя мой дом находится на движущихся водах". Чтобы усилить иллюзию, что он делает, кроме как устанавливает игрушечную калитку на ютенад своей спальной каютой и, таким образом, лелеет веру, что находится в своих собственных владениях? Вечером, когда дневная буксировка заканчивается, женщины достают свое шитье, дети играют у руля, а добрый человек с полным и ленивым удовлетворением курит свою огромную трубку. И так день переходит в день, не меняясь, и жизнь течет без малейшей ряби или шороха для населения канала, в то время как простые сухопутные жители с завистью взирают на то, что кажется им идиллическим существованием, и даже дамы высокого происхождения и положения, как известно, заявляют, что с радостью поменялись бы местами с хозяйкой шканцев баржи. Несомненно, так было в те дни, когда женщинам еще не приходилось брать на себя основную тяжесть буксировки.

A CANAL IN DORDRECHT

Канал в Дордрехте.

Но даже для населения Голландии, проживающего на канале, безмятежные дни прошли. В воздухе витает дух реформ. Возможно, пройдет совсем немного времени, прежде чем тьялк с его кукольным домиком и населяющими его жителями окончательно исчезнет, и каналы Голландии станут такими же тусклыми и бесцветными, как внутренние воды любой другой страны. Похоже, что реформа будет проведена именно таким образом. На лодках по каналу постоянно находятся по меньшей мере 30 000 детей. Как они могут быть должным образом образованы и воспитаны как полезные граждане, если они должны продолжать вести миграционное существование, которое никогда не оставляет их на две недели в одном месте? Раньше никого не волновало, образованы они или нет. Им никто не мешал жить своей собственной простой и примитивной жизнью. Как писал Де Амицис: "Дети рождаются и растут на воде; лодка перевозит все их мелкие пожитки, их домашние привязанности, их прошлое, их

настоящее и их будущее. Они трудятся и копят, и через много лет покупают лодку побольше, продают старую семье беднее их самих или передают ее старшему сыну, который, в свою очередь, сажает на нее свою жену, снятую с другой лодки и впервые увиденную при случайной встрече на канале." Но теперь государство начало интересоваться детьми, и его вмешательство угрожает положить грубый и бесповоротный конец системе наследственности и отчуждения, которая выделяла население канала в отдельный класс.

В течение некоторого времени в прошлом существовали школы, специально предназначенные для обучения детей с барж, и всякий раз, когда баржи швартуются в гавани, ожидается, что дети будут посещать их. Но эти периоды остановки очень кратки и неопределенны. Стационарная баржа не приносит денег, и может даже случиться так, что родители, насколько это возможно, избегают закона из страха увидеть, как их дети почувствуют отвращение к жизни, в которой они выросли. Но правительство, сделав один шаг в этом вопросе, не может позволить себе вернуться назад, и оно также должно добиться определенных удовлетворительных результатов в отношении своего законодательства. Предварительная мера по созданию временных школ вдоль каналов не привела к сокращению неграмотности населения канала. Следовательно, в скором времени возникнет необходимость в разработке каких-либо новых и радикальных правил. Обязательное посещение школы в течение девяти месяцев в году, которое сейчас применяется к детям при нормальных обстоятельствах, может быть, какое-то время не будет уделом детей на баржах, но когда это произойдет, а однажды это неизбежно произойдет, это неизбежно будет означать распад семейной жизни на каналах, поскольку детей придется оставлять на время почти непрерывных плаваний, и место жительства нужно будет искать на суше. Там, где дети, скоро будут женщины, и постепенно это место жительства станет домом, вытесняя баржу в ассоциациях и привязанностях населения канала. Нельзя гарантировать, принесут ли эти изменения пользу тем, кого они больше всего затронут, но, по крайней мере, они положат конец отдельному существованию населения канала.

Когда этот результат будет дополнен неумолимым прогрессом образования и знаний, постепенным исчезновением населения канала, можно ожидать, что класс наследственных сделок, каким мы его знали и каким он все еще существует, возникнет в недалеком будущем, поскольку он был основан на соблюдении семейного принципа и на преданности всего сообщества, от младшего до старшего члена, его поддержанию. Как бы то ни было, буксирная баржа является чем-то вроде анахронизма, но уход молодых рекрутов, одно воспитание которых сделало это возможным, повлечет за собой ее неизбежное исчезновение. Упадок и распад гильдии владельцев тьялков будет ускорен введением пара и электричества в качестве средств передвижения. Каналы потеряют яркие баржи, которые сегодня являются их самой яркой особенностью, и население, которое так долго плавало по их поверхности. Жизнь станет более скучной и монотонной. Население канала, столь долго отличавшееся друг от друга, будет объединено с остальной частью сообщества. Буксир вытеснит буксирный трос. Подтягиватели будут размещены на суше, осваивая три буквы "P" вместо того, чтобы учиться напрягаться в обхвате.

Но все еще остается короткий период, в течение которого население канала можно увидеть в его первоначальном примитивном существовании, посвященном барже, которая является единственным домом, известным шести или семи тысячам семей, и пересекающим водные пути своей страны в непрестанном и бесконечном движении. Ни в одной другой стране Европы нет ничего подобного. В Венеции есть свои водные маршруты, но гондола не является

постоянным местом жительства. В Англии было население канала, но, как и многое другое в нашей современной жизни, оно утратило ту живописность, на которую когда-то могло претендовать. Ради настоящего населения канала, яркого и счастливого, живущего одной и той же жизнью от отца к сыну и из поколения в поколение, мы должны отправиться в Голландию. Там эти мореплаватели внутренних морей руководствуются своим призванием только с одной целью - стать владельцем тьялка и возвести на нем целую семью башен. Говорят, что жизнь требует употребления неограниченного количества "шнапса", а влажность атмосферы несомненна. Но даже бесплатные возлияния не уменьшают благосостояние участников сделки. Это процветающая раса, и к их чести также следует отметить, что они хорошо себя ведут и не склонны к ссорам. Столкновения на густо заросших каналах редки; злонамеренные столкновения неизвестны. Баржи проходят и возвращаются обратно без помех, буксирные тросы никогда не запутываются, существует взаимная снисходительность, а навык, приобретенный на основе длительного опыта в снятии канатов с барж, делает все остальное. Условия, при которых существует и процветает популяция канала, являются пережитком более старого порядка вещей. Когда они исчезнут, еще одно из немногих живописных наследий средневековой жизни окажется вне суеты и ожесточенной конкуренции современного существования.

Глава VII

Голландская деревня

Деревни в Голландии - это города в миниатюре по той простой причине, что, когда у вас есть болото, на котором можно жить, вы осушаете часть его и строите на этой части, и таким образом застраиваете улицы, а не создаете деревню, как в Англии, с домами, разбросанными тут и там вокруг лужайки или вдоль тенистых аллей. Деревенская зелень в Голландии - это деревенская улица или площадь перед церковью или "Раадхейсом". Здесь играют дети, потому что на болоте играть нельзя, а польдерная земля - это то, чем она является семь месяцев в году, и поэтому мы обнаруживаем, что голландская деревня в большинстве районов страны - это город в миниатюре.

AN OVERYSSEL FARMHOUSE.

Фермерский дом в Оверисселе.

Тридцать лет назад "Раадхейс" был бы деревенской гостиницей, парикмахерской и главным отелем в одном лице, а владелец гостиницы, как естественное следствие, самым богатым человеком в округе. Фермеры сидели бы в "Рааде", то есть в Деревенском совете, надвинув кепки на глаза, держа во рту длинные трубки с гаудой и "Glaasje Klare" ("Схидам") под своими стульями, которые они постоянно потягивали бы через определенные промежутки времени, попыхивая трубками в течение всего заседания. Их деревянные башмаки ("кломпен"), вычищенные по этому случаю до ослепительной белизны с помощью хорошего слоя отбеливателя, можно было увидеть в ряд на коврике у двери, поскольку ни одному хорошо образованному фермеру и в голову не пришло бы войти в комнату в ботинках, и он бы вынул изо рта свой "пруим", или фунт табака, который каждый фермер жует, даже когда курит, и положил его на подоконник, обычное вместилище для таких вещей, и там он лежал бы в своем собственном маленьком кружочке коричневого цвета. жидкость, которая должна быть заменена либо у него самого, либо у его соседа во рту после окончания собрания. В наши дни фермер отправляется в "Раад" одетым в черную одежду и с ногами, обутыми в кожаные сапоги. Он никогда не носит "Кломпен", кроме как во время работы в поле или на ферме. Он также говорит о своем "Gemeente", поскольку вся Голландия разделена на "Gemeenten", и деревня является таковой в том же хорошем смысле, что и большие города, такие как Гаага и Амстердам, и даже лучше, поскольку налоги там не такие высокие. Каждым "Жемеенте" отдельно управляют

бургомистр и "Леден ван ден Раад", который является не чем иным, как Советом графства, под председательством видного человека, назначенного сувереном, а не избираемого членами, из которых некоторые называются "Ветоудерами" и, как и другие члены, избираются жителями округа. Эти ветоудеры вместе с бургомистром образуют "Дагелыкский бестуур". Все обычные вопросы, касающиеся "Gemeente", такие как предоставление военному министру информации о людях, записавшихся в ополчение, или о любом человеке, проживающем в их "Gemeenten", регулируются "Dagelyksch Bestuur", хотя важные вопросы передаются на рассмотрение "Raad". Следующими по важности после бургомистра идут "Gemeenteontvanger", который получает все налоги, и "Нотариус, кто самый занятой человек в деревне, хотя врач и священник вносят большой вклад в работу по обеспечению благосостояния жителей деревни.

AN OVERYSSEL FARMHOUSE

Фермерский дом в Оверисселе.

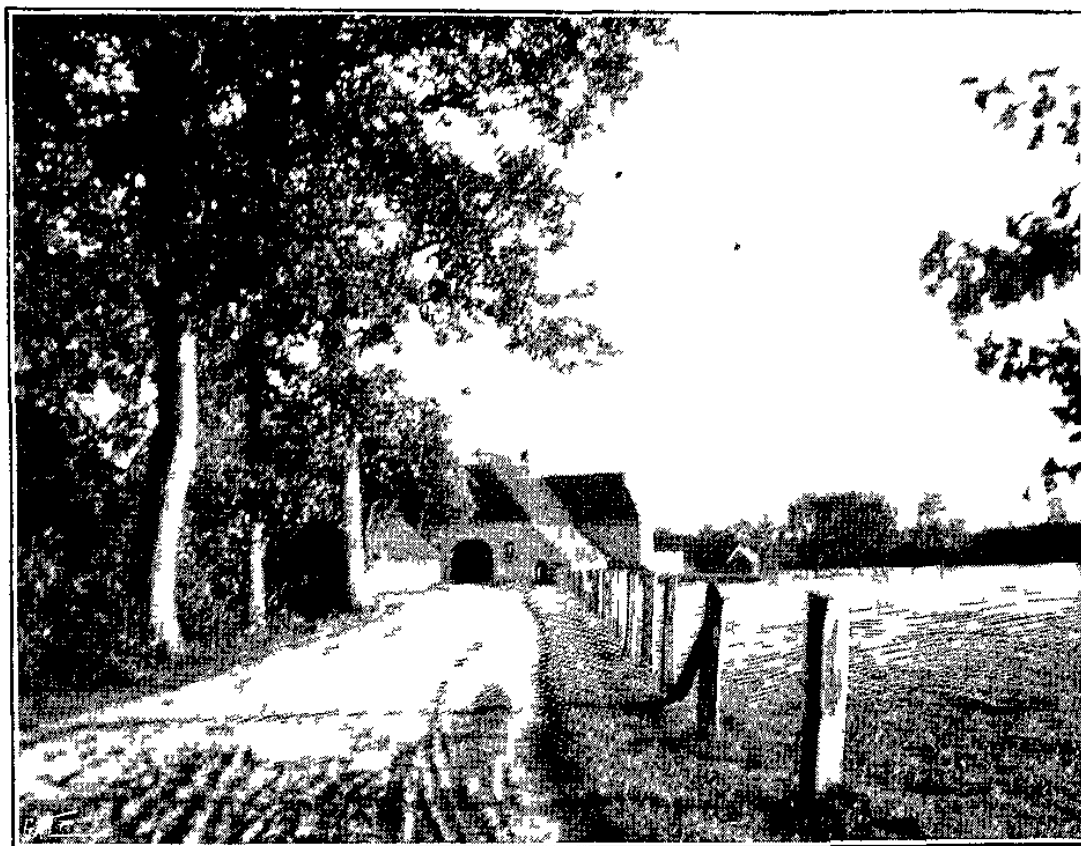
Деревенский священник - важная персона, потому что он пользуется большим почетом у своих прихожан, а его кладовая всегда полностью укомплектована бесплатно. Его доход также относительно больше, чем у городского пастора, поскольку помимо своей фиксированной зарплаты он получает неплохой доход с пастбищ, принадлежащих "Пастории", которые он сдает фермерам. К школьному учителю, напротив, относятся без особого внимания, и он часто чувствует себя решительно как рыба, вытщенная из воды, потому что, хотя по рождению он принадлежит к рабочему классу, он слишком хорошо образован, чтобы общаться со своими бывшими товарищами, и все же недостаточно утончен, чтобы вращаться в деревенском "обществе", к тому же он не смог бы ответить на гостеприимство, поскольку его зарплата составляет всего от 40 до 60 фунтов стерлингов в год, и нигде принцип взаимности не соблюдается так сильно, как в голландском гостеприимстве определенных классов. В очень

маленьких деревнях многие должности объединены в одном лице, и поэтому мы находим известного местного кузнеца, художника и плотника, в то время как пекарня является своего рода универсальным поставщиком простых услуг для жителей деревни. Мясник - единственный человек, который занимается одним делом, хотя он тоже ездит на соседние фермы, чтобы помочь в забое скота, а иногда помогает в засолке и хранении мяса.

Фермеры живут недалеко от деревни и приходят туда только тогда, когда идут в "Раад", или субботними вечерами, когда работа за неделю закончена. Затем они посещают парикмахера, а затем встречаются в кафе для еженедельной игры в бильярд. Каждый житель деревни также собирается в свой "клуб" или "Societeit" субботним вечером, и точно так же, как "Mindere man", то есть фермеры и чернорабочие, проводят свои игры и обсуждают свои фермы, свой скот и цены на сено или кукурузу, так и "Notabelen" обсуждают все на свете, не забывая своих дорогих соседей.

По воскресеньям утром вся "семья" отправляется в церковь, от бургомистра до беднейшего батрака, и все они одеты во все самое лучшее. Мужчины деревни сняли свою рабочую одежду и одеты в синие или черные суконные костюмы с белыми манишками и цветными галстуками. Женщины надели черные платья, чепцы и шали, а в руках у них флакончики с духами, мятные леденцы и "Гезангбоек" (сборник гимнов) с большими золотыми застёжками. "Стовензетстер", женщина, исполняющая обязанности служанки, провожает добрых людей на их места и обеспечивает женщин, если погода холодная, "warme stoven" (горячими плитами), чтобы их ногам было удобно. Эти маленькие "печурки" содержат маленькие треугольные зеленые или коричневые горшочки ("тестен"), в которые кладут кусочки тлеющего торфа, и иногда, когда торф не совсем раскален докрасна, он ужасно дымит и издает в здании крайне неприятный запах. Однако женщины переживают это, прибегая к своему *одеколону*, которым они брызгают на свои носовые платки и продолжают передавать их соседям в течение всей службы.

У деревенского школьного учителя есть специальная должность для участия в воскресной службе. Именно он читает им "главу" перед входом священника, который приходит только после начала службы. Затем начинается проповедь, которая является главной частью службы в голландских церквях. Эта проповедь очень длинная, и прихожане очень мирно проспали первую часть, но остальная часть длится недолго, потому что, когда доминe говорит около трех четвертей часа, он призывает свою паству спеть стих из какого-нибудь конкретного псалма. Учитель начинает пение, которое идет очень медленно, каждая нота длится не менее четырех ударов, так что мелодия полностью теряется. Однако, как правило, каждый поет свою мелодию, и никто не знает, какая из них правильная. Во время службы берутся два сбора, один для бедных, другой для церкви, школьный учитель и старейшины ("аудерлингенцы") церкви ходят по кругу с маленькими мешочками, привязанными к очень длинным палкам, которые они передают всем вдоль ряда для получения "подарков". Обычно каждый прихожанин жертвует по одному центу.

APPROACH TO AN OVERYSSEL FARM

Подъезжаем к ферме Овериссел.

После окончания службы воскресный обед занимает следующее место в расписании дня. По воскресеньям стол всегда более тщательно сервирован, чем в другие дни, и к обычным блюдам из хлеба, масла и сыра добавляются копченая говядина и кекс, кофейник стоит на "Комфортъе" (квадратная фарфоровая подставка с небольшим количеством света внутри, чтобы поддерживать кофейник горячим), а в сахарницу кладут белый сахар в качестве воскресного угощения, поскольку сахар в Голландии очень дорог и не может быть предметом повседневного потребления. Слуги всегда договариваются о сахаре; поэтому в будние дни в сахарнице хранится запас "броккен" (сладости, похожие на ириски и стоящие примерно пенни за три английские унции), и когда люди пьют кофе, они кладут "броккен" в рот и сосут его. Если их чашка опорожняется до того, как "брок" будет готов, они ставят ее обратно на блюдца, пока им не нальют вторую чашку, а если они не берут вторую чашку, то их "брок" снова ставят обратно в сахарницу.

Теперь после обеда мужчины отправляются в "Societeit", а летом - на деревенскую улицу, где разгуливают без пиджаков и курят. Дети ходят в свои воскресные школы или, если они католики, на "Вождение", которое представляет собой библейский урок, проводимый для них в церкви, а в деревнях, где нет воскресной школы, они тоже неторопливо прогуливаются по деревне, одетые в свои лучшие одежды, даже если день дождливый. Женщины сначала убирают посуду после обеда, а затем немного поболтают со своими соседями на пороге или отправятся навестить своих друзей в городе. В четыре часа вся семья снова собирается в гостиной за "Borreltje", состоящим либо из "Boerenjongens" (коньяк с изюмом), либо из

"Brandewyn met suiker" (бренди с сахаром), которое они пьют из своих лучших бокалов. Вечером церкви нет, поэтому жители деревни рано ложатся спать, чтобы снова быть в хорошей форме для тяжелой работы на этой неделе.

По этому наброску можно судить, что жизнь в деревне очень скучна. Ничто не нарушает монотонность дней, и одно время года проходит точно так же, как другое. Дни и сезоны, по сути, не имеют никакого значения в существовании сельского жителя. Здесь нет своры гончих, которые разжигали бы охотничий инстинкт; нет волнения перед выборами; нет отвлекающих факторов любого рода. Все проходит тихо, размеренно и без происшествий, и когда их дни заканчиваются, они спят со своими отцами вполне естественно, потому что слишком часто они всю свою жизнь пребывали в полусне.

Глава VIII

Крестьянин дома

Описать "среднего" голландского крестьянина значило бы сказать о нем очень мало. Слишком много различий в этом классе людей по всем Нидерландам, чтобы допускать какое-либо обобщение. В Зеландии мы встречаем два различных типа; один очень похож на испанскую расу, у него темные волосы испанца, темные глаза и землистый цвет лица, и часто он очень хорош собой. Другой тип совершенно другой, светловолосый, светлоглазый и не отличающийся особой красотой. В Лимбурге, самой южной провинции Нидерландов, встречается смесь немецкого, фламандского и голландского типов, а язык там представляет собой диалект, образованный из всех этих трех языков, в то время как в самой северной провинции, Гронингене, люди говорят на диалекте, напоминающем тот, на котором говорят в Оверисселе и Гелдерланде, и фризцы, их соседи, чувствовали бы себя совершенно чужими в последних названных провинциях и даже не смогли бы быть понятыми, когда говорят на их обычном языке. Диалект, на котором говорят в бетуве, отличается от диалекта, на котором говорят в велуве, но нельзя провести четкую границу, чтобы определить, где начинается один диалект и заканчивается другой.

В их манере одеваться также существует большая разница между жителями одной провинции и другой, и на каждом острове Зеландии есть свой особый костюм. Точно так же, как они отличаются одеждой, они различаются также внешностью и образованием, богатством и цивилизованностью.

Фермер из Северной Голландии зажиточный и независимый. На протяжении веков он сражался и оспаривал у моря каждую пядь своей земли, и наблюдательные люди отмечали, что последствия этой борьбы все еще заметны в его суровых чертах лица и независимых манерах поведения. Хорошо известно, что его скот лучший во всей стране, поскольку пастбища из-за влажной плодородной почвы очень богаты и из года в год дают обильный урожай травы и сена, коровы, которых он держит для дойки, дают от 20 до 30 литров, или от 45 до 70 пинт молока в день, что является очень высоким удоем.

ZEELAND COSTUME.

Зеландский костюм.

"Ври фри" - ибо фризец поздравляет себя с тем, что никогда не был побежден, но всегда в дни войн и межплеменной вражды более или менее договаривался с противником о своих собственных условиях - стоит выше по культуре и интеллекту, а также более предприимчив, чем подавляющее большинство голландских крестьян. Он приветствует многие изобретения и готов чем-то рисковать, пробуя их, поэтому на фризских фермах можно увидеть множество видов техники. Он также работает с самыми современными и одобренными искусственными удобрениями.

ZEELAND COSTUMES.

Зеландские костюмы.

Буры Гронингена и Оверисселя[Примечание: Крестьянин и фермер, как правило, являются конвертируемыми терминами. Фермер - это крестьянин, хотя крестьянин не всегда является владельцем фермы. С точки зрения образования сам фермер не отличается от среднего

рабочего на своей ферме, и оба одинаково классифицируются как "бурен".] следует его примеру, если только фермы не настолько малы, чтобы сделать большие машины невыполнимыми, когда он идет по пути, указанному его прадедом, и находит в этом безопасность, если не новизну. По всему северу Голландии коровы хорошие, а на рынках в изобилии продаются молоко, масло и сыр, особенно два последних наименования, поскольку почти все молоко отправляется на "Zuivelfabrieken", как называются маслозаводы и сыроварни.

Путешествуя с севера на юг и добравшись таким образом до месторождения Вильгельмина в Зеландии, мы натываемся на паровой плуг, но это единственное место в Нидерландах, где он используется. Чем дальше продвигаешься на юг - за исключением Зеландии, - тем ниже становится уровень жизни, и крестьяне, кажется, мало о чем заботятся, кроме своих полей и скота, в то время как жители Северного Брабанта самые бедные и грязные из всех. Качество почвы варьируется в зависимости от обрабатываемой почвы. В Утрехте и Брабанте многие тысячи акров отведены под табак, в то время как в Оверисселе и Гелдерланде, как правило, выращивают рожь, овес, гречиху и лен. В Дренте на большей части территории провинции выращивают торф, а Северная и Южная Голландия славятся на весь мир своими богатыми пастбищами. Капуста и цветная капуста также широко выращиваются на экспорт, и во Фрисландии их тоже начали выращивать. От Ватерингена до Хук-ван-Холланда можно увидеть улыбающиеся фруктовые сады, в то время как от Лейдена до Харлема цветут всемирно известные луковичные поля, слишком хорошо известные, чтобы нуждаться в специальном описании.

Работы на ферме проводятся весной и летом. Женщины неизменно помогают с более легкой работой по прополке на полях, в то время как во время сбора урожая они работают так же усердно, как и мужчины, и очень живописно смотрятся в своих широких черных шляпах и белых льняных юбках. Но когда урожай собран и свиньи превращены в окорока и сосиски, основная работа человека закончена, хотя необходимо позаботиться о возделывании земли и обмолоте кукурузы. Тем не менее, у него есть свои вечера, где он может посидеть у камина и покурить, предположительно набираясь сил для предстоящей весны. Однако работа женщины никогда не заканчивается, потому что, пока мужчина курит, она прядет лен, выращенный на ее собственной земле, и шерсть с овец на ферме. В некоторых частях Оверисселя до сих пор существует обычай, когда женщины собираются вместе в доме у какой-нибудь подруги по соседству, чтобы прядь, и во время этих дружеских вечеров они вкушают "прядельное угощение", состоящее из смородинового хлеба и кофе, и, в свою очередь, поют и рассказывают истории.

Ткачиха всегда посещает каждый дом раз в год со своим ткацким станком, чтобы помогать на этих сборищах, и когда полотно соткано, его сворачивают и перевязывают цветными лентами, украшают искусственными цветами и хранят в льняном прессе - предмет гордости каждой голландской домохозяйки, - а когда дочь хозяина дома выходит замуж, несколько рулонов этого полотна добавляются к ее приданому. Богатство фермы, по сути, определяется количеством рулонов. Они передаются из поколения в поколение, и часто содержат полотно возрастом более ста лет. Из шерсти, когда ее ткют, делают толстые нижние юбки, которых каждая хорошо одетая крестьянка носит шесть или семь.

Образование фермера не очень либерально. Обычно ребенок ходит в школу до двенадцати лет, и за это время он научился читать, писать и арифметике. Однако, как правило, он посещает

школу нерегулярно, поскольку дома очень часто требуется его помощь, особенно во время сбора урожая, и хотя новый закон об образовании - "Leerplichtwet" от 7 июля 1901 года - сделал посещение школы обязательным, все же ребенку разрешается оставаться дома, когда он этого хочет, если он регулярно посещал школу в течение шести предыдущих месяцев. Таким образом, интересы родителя и склонности ребенка в сочетании тормозят интеллектуальный прогресс буров. И все же, несмотря на то, что они так плохо обучены, крестьяне имеют очень хорошее мнение о вещах в целом, и если вы поможете им в их работе и покажете им, что умеете пользоваться своими руками так же хорошо, как и они, они проникнутся к вам большим уважением и будут слушать все, о чем вы захотите им рассказать или почитать. У женщин особенно ярко выражены собственные взгляды, и эта черта характерна не только для нидерландских женщин. Общение с ними в настоящее время является лучшим способом их воспитания, и когда вы однажды завоюете их уважение, они пойдут ради вас в огонь и воду; но они презирают любого, кто "ничего не делает", ибо, как и большинство работников физического труда, они не понимают, что работа мозга так же тяжела, как и ручной труд.

AN ITINERANT LINEN-WEAVER.

Странствующая Ткачиха льна.

FARMHOUSE INTERIOR, SHOWING THE LINEN-PRESS.

Интерьер фермерского дома, демонстрирующий пресс для белья.

Фермерские дома в большинстве районов страны аккуратны и более или менее соответствуют образцу, хотя и отличаются незначительными деталями. Снаружи они выглядят очень причудливо и живописно, а крыши либо соломенные, либо черепичные. В Гронингене сейчас они едва ли напоминают фермы. Это, действительно, маленькие загородные домики, а интерьер определенно современный. Некоторые из самых бедно выглядящих домов можно найти в Оверисселе и Дренте. Они построены из глины и наполовину врыты в землю. Крыши покрыты дерном, взятым из "Дренче Венг-Ронден". Некоторые из этих "Плагевонингенов", как их называют, имеют площадь не более двенадцати футов и высоту восемь футов. Потолок комнаты внутри жилища всего в четыре-пять футов высотой, а выше хранятся запасы сена и кукурузы. Отверстие в крыше служит дымоходом, а в полу, который представляет собой не что иное, как твердую глину, вырыто отверстие, служащее очагом. На более крупных фермах в Оверисселе главное здание обычно разделено на две части. Задняя часть предназначена для скота, который стоит рядами по обе стороны, с большим открытым пространством в центре, называемым "дил", где хранятся повозки. В него ведет большая арочная двойная дверь, а соломенная крыша низко опускается с обеих сторон. Из "дила", или конюшни, в гостиную ведет маленькая дверь с окошком, позволяющим обитателям видеть, что происходит среди их полевых друзей. У стены, которая образует перегородку между конюшней и гостиной, находится камин. Иногда вы найдете открытый огонь на полу, хотя в более современных домах используются печи. Камин выполнен в форме большого нависающего колпака с воланом из светлого принта "Schoorsteenva" вокруг него, а ряд тарелок на полке над ним служит украшением. Высоко ценимый пресс для белья, о котором уже упоминалось, обычно устанавливается под прямым углом к наружной двери, образуя своего рода проход.

В некоторых фермерских домах вообще нет перегородки между конюшней и гостиной, но скот держат в задней части, а люди живут в другом конце, у окна. Это называется "лошуйс", или дом открытых дверей, и смотреть на него очень живописно. Запах коров считается чрезвычайно полезным для здоровья, и больные чахоткой были полностью излечены (так принято считать в народе), переночевав в коровниках. Эта примитивная система не только полезна для здоровья, но и дешева, поскольку коровы выделяют так много тепла, что разводить огонь практически нет необходимости, разве что для приготовления пищи. В некоторых из этих открытых домов нет дымоходов, и дым выходит между черепичными крышами или через дверь. Над той частью, которую занимает скот, есть сеновал, а над головами членов семьи со стропил свисают всевозможные окорока, бекон и сосиски. Дым очень полезен для сушки этих запасов, и это может быть причиной отсутствия дымохода.

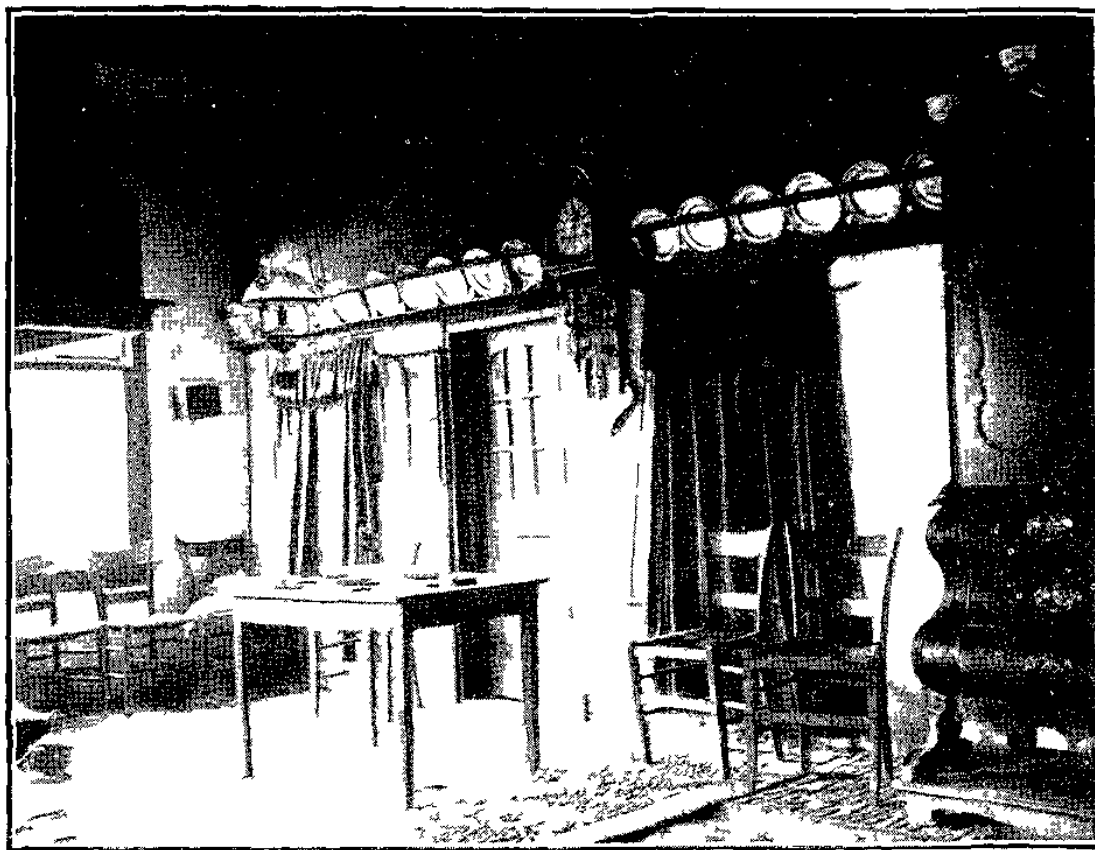
Однако в Брабанте, где есть дымоходы, фермер развешивает в них свои припасы, так что, глядя через широкое отверстие в небо за многочисленными рядами свисающих сосисок, встречаешь восхищенный взгляд. Гостиная - это гостиная во всех смыслах этого слова, где семья работает, ест и спит. Иногда к более крупной ферме пристроено крыло со спальнями, но это не принято, и даже в этом случае большая часть семьи спит в гостиной. Кровати расставлены по всей комнате. По сути, это шкафы, и днем они вмонтированы в стену. Перед кроватями висят зеленые занавески, которые на ночь всегда задергиваются, полностью скрывая кровати из виду. У некоторых есть дверцы, как у обычных шкафов, но в Северной Голландии это более распространено. В Хинделупене (Фрисландия) одна или две кровати в гостиной используются как "раскладушки" (show beds). Они убраны из лучшего льна, которое есть у жен фермеров, на великолепных простынях с длинными кружевами, а наволочки красиво вышиты. На этих кроватях никогда не спят, а занавески держатся открытыми весь день, так что любой, кто войдет в комнату, может сразу же восхититься их красотой. У некоторых из самых богатых есть "лучшая спальня", которую они тщательно запирают. Они вытирают пыль в ней каждый день и убирают раз в неделю, но никогда ею не пользуются. В Южной Голландии более принято иметь "пронк-камеру" ("шоу-рум"), которая представляет собой не спальню, а своего рода гостиную. Обитатели дома никогда не входят в эту комнату, кроме как при рождении или смерти, и в последнем случае они кладут туда труп. В Хинделупене умерших кладут в церковь в ожидании погребения, и там они покоятся на специально изготовленных по этому случаю носилках. Другие носилки используются для обозначения профессии или пола умершего человека. Эти гробницы всегда очень искусно расписаны (как, впрочем, и все в Хинделупене) сценами из жизни врача, священнослужителя, торговца или крестьянина.

TYPE OF AN OVFRYSSEL FARMHOUSE

Тип фермерского дома в Оверисселе.

Костюм, который носят крестьяне, всегда причудлив, особенно в Хинделупене. На изготовление пояса крестьянской женщины уходит полтора часа. Он состоит из очень длинной, тонкой черной ленты, которая обматывается вокруг талии, пока не образует один широкий пояс. Само платье включает в себя черную юбку и клетчатый лиф, белый фартук и темный галстук; с пояса с правой стороны свисает длинная серебряная цепочка, к которой прикреплены серебряная подушечка для булавок, ножницы и игольница; затем с левой стороны висит ридикюль с серебряными застёжками; а длинную накидку, свободно спадающую с плеч до подола юбки, надевают на все выходы на улицу. Этот последний сделан из какого-то светлого материала с рисунком из красных цветов и зеленых листьев. На голову надеваются три кепки, одна поверх другой, а для верхней одежды в качестве довершения костюма надевается большая высокая шляпа.

A FARMHOUSE INTERIOR, SHOWING THE DOOR INTO
THE STABLE.

Интерьер фермерского дома с дверью в конюшню.

Все фризские костюмы прекрасны. Многие дамы этой провинции до сих пор носят национальную одежду, и она им очень идет.

В Оверисселе женщины со всей провинции одеваются одинаково и так же, как их предки. В доме платье представляет собой обычную пышную нижнюю юбку из какой-нибудь хлопчатобумажной ткани, обычно синего цвета, и облегающий и совершенно простой лиф с короткими рукавами, красным носовым платком, сложенным на груди, и плотно прилегающим белым чепчиком с небольшим воланом вокруг шеи. Когда они идут на рынок со своим молоком и яйцами, они очень умны. [Примечание: Раньше сливочное масло было одним из товаров, которые они поставляли на рынок, но сейчас появилось так много маслозаводов, а также так много импортируется из Австралии, что вряд ли стоит тратить время на его производство.]

Затем они надевают тонкую черную юбку из мериноса, очень пышную, и неизбежные нижние юбки, которые подчеркивают юбку, как кринолин. По воскресеньям они носят те же костюмы, что и в базарные дни, а зимой их можно увидеть в больших индийских шальях, которые по старинке завязываются острием на спине. Когда они идут к причастию, а они делают это четыре раза в год, на них надевают шали из черного шелка с длинной черной бахромой. Волосы полностью скрыты плотно прилегающей черной шапочкой, и некоторые женщины состригают волосы, чтобы придать голове идеально круглую форму. Поверх черной шапочки надевается белая из настоящего кружева, называемая "книпмутс", рисунок которой выгодно выделяется на

фоне черной основы. Вокруг шеи - глубокий волан из гофрированного настоящего кружева, а вокруг лица - рюша или оборка, также очень тонко гофрированная. Широкая белая парчовая лента дважды обвивает шапочку и завязывается под подбородком. Длинные золотые серьги крепятся к шапочке по обе стороны лица, а сами уши скрыты. Стиль гофрирования все тот же, что и на муслиновых шапочках на многих голландских картинах шестнадцатого и семнадцатого веков, особенно на картинах Франса Халса. Во время траура женщины носят простые льняные чепцы без кружев, а мужчины - черный бант на шляпах. Сшить головной убор крестьянки - настоящее произведение искусства, и несколько чепчихарей заняты этим целый день.

Одежда, которую носят мужчины, не столь изысканна. Раньше это были короткие бриджи с серебряными застежками, но они полностью вышли из моды, и их заменила обычная одежда из ткани или вельвета. Представители обоих полов носят деревянные башмаки, которые мужчины часто изготавливают сами. На знаменитом маленьком острове Маркен мужчины очень искусны в этой работе и прекрасно их вырезают. В некоторых уединенных деревушках незамужние женщины носят черные шапочки с густой оборкой из страусовых перьев или черного меха вокруг лица. Украшения состоят из гранатовых ожерелий, закрывающихся на шею и скрепляемых золотыми застежками. Гранаты всегда очень крупные, и эта мода распространена по всем Нидерландам. В Стомпвике, маленькой деревушке между Гаагой и Лейденом, у крестьянской семьи есть гранаты величиной с ласточкино яйцо.

Если одежда буров добротная, причудливая и национальная, то повседневная пища этого класса соответствует их консервативному нраву и традиционным гастрономическим способностям. Она имеет самый простой характер, но часто состоит из самых странных смесей. Когда свинья убита, различные части для ветчины, бекона и т.д. сохранены, а сосиски приготовлены - особенно после того, как сварена кровяная колбаса, или "Бледворст", которая готовится из крови свиней, - в кастрюле остается густая жировая субстанция. Это они загущают гречневой мукой до образования каши, а затем едят с патокой. Это блюдо называется "Балкенбри". Часть этого блюда вместе с небольшим количеством "слахта", то есть мяса свиньи, отправляется в подарок деревенскому священнику, и мы надеемся, что оно ему понравится.

Еще одно любимое блюдо, особенно в Оверисселе и Гелдерланде, - "Круидмоес". Это смесь пахты, сваренной с гречневой кашей, овощами, сельдереем и сладкими травами, такими как тимьян, петрушка и кервель, и, в довершение всего, огромный кусок копченого бекона, который подается горячим на пару. Тамошние бедняки едят много риса и муки, сваренных с пахтой, которая, помимо того, что очень питательна, "идеально подходит для цвета лица", как и многие рекламируемые виды мыла. У самых бедных есть так называемый "Ветчинный горшочек". Его они хранят в погребе и кладут в него все до последней частички жира, который остается после их трапез. Небольшие кусочки бекона расплавляют и добавляют к нему, так как этого жира им должно хватить на всю зиму в качестве добавки к картофелю. Действительно, "ветчинный горшок" играет такую же важную роль в доме бедняка, как "бульонный горшок" на английской кухне.

FARMHOUSE INTERIOR, THE OPEN FIRE ON THE FLOOR.

Интерьер фермерского дома, Открытый камин на полу.

Блюда готовятся в большом железном котле, который подвешивается на крюке над открытым очагом. Топливо состоит из огромных бревен и вереска, которые также используются для покрытия крыш "Плаггевонинга". Черный или ржаной хлеб заменяет белый и, как правило, готовится в домашних условиях. В Брабанте женщины пекут то, что называется "Бурен мик". Это восхитительный длинный коричневый батон, в тесто всегда кладут немного изюма, чтобы оно не черствело. Те, у кого нет собственной духовки, выложат тесто в большую длинную форму для выпечки и отправят в пекарню. Один из детей, возвращаясь из школы, берет его и несет домой *под мышкой*. Вы часто можете увидеть фермерских детей, разгуливающих в своих деревянных башмаках с двумя или более буханками хлеба подмышками. В споре между товарищами используются как деревянные башмаки, так и буханки, и разносчик хлеба обычно выигрывает. Корочки очень твердые, их трудно нарезать, но внутри хлеб мягкий и приятный на вкус.

В Брабанте крестьяне - небольшого роста, черноволосые, кареглазые, скорее фламандского, чем голландского типа - как правило, католики, и вечером во вторник на масленицу "Вастенавонд", "вечер поста" (ночь перед Великим постом), они пекут и едят "Ворстебруд". Снаружи этот хлеб похож на обычную белую буханку, но, разрезав его, обнаруживаешь, что в нем пряная колбасно-мясная смесь. Все люди в этой части страны наблюдают за Карнавалом с присящей ему развязностью.

В Нидерландах, как и везде, тяжелые времена для ведения сельского хозяйства. Арендная плата высока, а заработная плата низка, и следствием этого является то, что многие крестьяне продают свои фермы, которые долгое время принадлежали их семьям, и снова арендуют их у покупателей. Отношения между домовладельцем и арендаторами в некоторых отношениях все еще феодалистичны и, следовательно, очень старомодны. В некоторых поместьях землевладелец все еще имеет право требовать личного обслуживания от своих арендаторов и может пригласить их прийти и вспахать его поле на своих лошадях или помочь с уборкой урожая, за что им платят один "гульден", или 1,8 шиллинга в день, что, конечно, не является полной стоимостью их труда. Арендаторы также спрашивают согласия своего домовладельца на их брак, и им отказывают, если мужчина или женщина не считаются подходящими или респектабельными.

Фермер, который держит двух или трех коров, платит арендную плату в размере 8 фунтов стерлингов в год за свою ферму, которая дает только столько, чтобы прокормить его и его семью, да и то не на высоком уровне жизни. Арендная плата обычно рассчитывается из расчета трех процентов от стоимости. Он платит своим батракам 80 центов, или 1 шилл. 4д., за день работы. Однако в прежние времена денег никогда не выдавали, и жалование фермерского слуги тогда составляло комплект одежды, пару сапог и немного белья, в то время как женщины получали фартук, немного белья и несколько нижних юбок раз в год. Теперь они получают в дополнение к этому 12 фунтов стерлингов в год. В Грамсбергене (Овериссель) целая семья, состоящая из матери, ее дочери и двух взрослых сыновей, зарабатывала не более четырех-пяти гульденов (8 или 10 шиллингов) на двоих, но тогда они жили бесплатно. Поэтому неудивительно, что сельскохозяйственных рабочих мало и что многие молодые люди, неспособные зарабатывать достаточно, чтобы прилично содержать тело и душу, ищут работу на фабриках здесь или в Бельгии [Примечание: Согласно недавнему отчету, в Бельгии занято 56 506 нидерландских рабочих.] в то время как те, кто не желает бросать сельскохозяйственные занятия, мигрируют в Германию, где спрос на "рабочие руки" выше, а следовательно, и заработная плата выше. В прежние времена чужаки приезжали в эту страну зарабатывать деньги. Теперь роли поменялись, и тот факт, что Голландия расположена между двумя странами, процветающая промышленность которых с каждым годом требует все большего числа рабочих, все же принесет серьезные проблемы и убытки голландскому сельскому хозяйству. [Примечание: Как раз сейчас ожидаются большие результаты от "системы наделения", испытание которой было проведено во Фрисландии на обширных владениях г-на Янсена из Амстердама.]

Глава IX

Сельские обычаи

Голландец - очень консервативный человек, и поэтому некоторые любопытные обычаи все еще преобладают среди крестьянского и рабочего классов Нидерландов, особенно в восточных провинциях, поскольку там люди самые примитивные, и именно там мы находим много странных старых рифм, по-видимому, лишенных всякого смысла, но которые, должно быть, произошли из забытых национальных или домашних событий. Остатки старого языческого обычая встречать лето до сих пор можно увидеть во многих деревнях. В субботу перед Троицей, очень рано утром, можно увидеть группу детей, отправляющихся в лес собирать зеленые ветки.

Окунув их в воду, они с триумфом возвращаются домой и ставят перед дверями тех, кто не был "на ногах с жаворонком", таким образом, что, когда эти долго спящие открывают их, мокрые зеленые ветки посыпаются им на головы. Очень часто дети также преследуют тех, кто поздно встает, и бьют их ветками, насмехаясь при этом над ними и распевая о лени бездельников. Эти старые песни претерпели очень много вариаций, и в настоящее время нельзя сказать, какая из них является правильной и оригинальной формой. На самом деле они были безнадежно перепутаны с другими песнями, и ни в одной из двух провинций мы не найдем точно таких же версий. Праздник Луйлак (Luilak feest) [Примечание: в некоторых частях страны этот день называется Луйлак (лентяй), а праздник называется Luilakfeest.], о котором я только что говорил, в некоторых частях страны называется Dauwtrappen ("наступающий на росу"), но его соблюдение одинаково везде, где существует обычай.

PALM PASCHEN—BEGGING FOR LGGS

Пальмовый Пашен - Выпрашивает яйца.

Также нельзя упускать из виду "Эйертиккен" на Пасху. Целую неделю перед Пасхой крестьянские дети ходят от дома к дому, выпрашивая яйца и неся венок из зеленых листьев, насаженный на длинную палку. Эту палку и венок они называют "Вербной пасхой", что на самом деле означает Вербное воскресенье, и, возможно, получили такое название потому, что в этот день делают венок.

Они идут по деревенским улицам, все время распевая и размахивая венком над головой:

Palm, Palm Paschen,
Hei koekerei.
Weldra is het Paschen
Dan hebben wy een ei.
Een ei--twee ei,
Het derde is het Paschei.

Вербное, Вербное воскресенье,
Хей кекерей.
Скоро Пасха
И у нас будет яйцо.
Одно яйцо - два яйца,
третье яйцо - пасхальное.

Они стучатся в каждый фермерский дом, и их очень редко отсылают с пустыми руками. Когда они собирают достаточное количество яиц для своей цели - обычно по три-четыре на штуку - они отваривают их вкрутую и окрашивают в два разных цвета: коричневый от кофе или красный от свекольного сока, а затем в День Пасхи все они отправляются на луга, неся с собой яйца, и начинается "эйертиккен". Дети садятся на траву, и каждый ребенок стучит одним своим яйцом о другое таким образом, что разбивается только одна скорлупа. Ребенок, чье яйцо не разобьется, побеждает и становится обладателем разбитого яйца.

Однако самый странный из всех этих обычаев попрошайничества - тот, что в моде между Рождеством и Двенадцатой ночью. Затем дети выходят парами, каждый мальчик несет глиняный горшок, над которым натянут мочевого пузыря с привязанным посередине куском палки. Когда эту палку крутят, из устройства, известного под названием "Роммельпот", издается не очень мелодичный ворчащий звук. Передвигаясь таким образом, дети могут собрать несколько пенсов, чтобы купить хлеб - или джин - для своих отцов. Когда они останавливаются перед чьим-нибудь домом, они протяжно кричат: "Дай мне цент, и я пройду дальше, потому что у меня нет денег, чтобы купить хлеба". Происхождение как обычая, так и песни окутано тайной. [Примечание: Некоторыми ведущими голландскими литературными авторитетами недавно было основано Общество изучения старинного фольклора и народных песен, которые также предлагают издавать небольшое периодическое издание, в котором будут собраны и отмечены все эти обычаи.]

Помимо обычаев, популярных в такие праздничные сезоны, как Троица, Пасха и Рождество, есть и другие, более повседневные, о которых стоит знать. В Оверисселе, например, мы находим действительно очень разумного человека. Там принято, когда семья переезжает в другую часть деревни или когда они селятся в другом месте, чтобы люди, живущие по соседству, приносили им подарки, чтобы помочь обставить их новый дом. Иногда эти подарки

включают домашнюю птицу или даже свинью, которые, хотя и украшают не столько дом, сколько стол, тем не менее оказываются очень приемлемыми. Как только все переезды закончатся и они с комфортом устроятся в своем новом доме, следующее, что нужно сделать, это пригласить всех соседей на вечеринку.

Это очень важная социальная обязанность, и ее ни в коем случае нельзя упускать из виду, поскольку она дает право хозяину и хозяйке на помощь всех своих гостей в случае болезни или несчастия, происходящего в их семье. Однако, если они не выполняют это социальное обязательство, их соседи и друзья остаются в стороне и даже пальцем не пошевелият, чтобы помочь им. Если кто-то из семьи заболевает, вызываются четверо ближайших соседей мужского пола. Эти мужчины приводят врача и берут на себя весь уход. Они даже будут дежурить возле больного по ночам, и пока длится болезнь, они берут на себя всю работу по хозяйству. Иногда они годами продолжают работать на ферме, и когда вдова остается с маленькими детьми в стесненных обстоятельствах, эти "Нудбурены" ("нуждающиеся соседи") помогают ей всеми возможными способами и снимают с нее все дела и заботы.

ROMMEL POT.

Горшок Роммеля.

И в случае свадьбы большую часть приготовлений берут на себя соседи. Они приглашают родственников и друзей прийти на свадьбу и готовят пир. Приглашения всегда передаются из уст в уста, и двое молодых людей [Примечание: В Гелдерланде мы находим такой же обычай, а также во Фрисландии, но в этой последней по названию провинции приглашение передают две молодые девушки.] близким родственникам невесты и жениха назначено ходить от дома к дому,

приглашая людей прийти. Для этой цели они одеваются в свои лучшие воскресные наряды, а в шапках у них искусственные цветы и шесть павлиньих перьев. Приглашение составлено в стихах, в которых выражается уверенность в том, что будет вдоволь еды и вдоволь джина и пива, и что все, о чем они, возможно, умолчали, будет сказано женихом и невестой на пиру. Этот стих на туземном наречии очень любопытен:

'GOEN DAG!

'Daor stao'k op minen staf
En weet niet wat ik zeggen mag,
Nou hek me weer bedach
En weet ik wat ik zeggen mag
Hier sturt ons Gut yan Vente als brugom
En Mientje Elschot as de brud,
Ende' noget uwder ut
Margen vrog on tien ur
Op en tonne bier tiene twalevenne,
Op en anker win, vif, zesse
En en wanne vol rozimen.
De zult by Venterboer verschinen
Met de husgezeten
En num's vergeten,
Vrog kommen en late bliven
Anders kun wy t nie 't op krigen
Lustig ezongen, vrolik esprongen,
Springen met de beide beene,
En wat ik nog hebbe vergeten
Zult ow de Brogom ende Brud verbeten.
Hej my elk nuw wal verstaan
Dan laot de fles um de taofel gaon

-ДОБРЫЙ ДЕНЬ!

- Я опираюсь на свою трость,
я не знаю, что сказать,
Теперь я подумал об этом
И знаю, что могу сказать:
Сюда прислали нас Гарт ван Венте, жених,
И Мьентье Эльшот, невеста,
Пригласить вас
Завтра утром в десять часов
Опорожнить десять или двенадцать бочек пива,
Пять или шесть бочек вина,
И корзину, полную сушеного винограда.
Ты придешь в дом Вентербоера
Со всеми своими обитателями
И никого не забудешь.

Приходите пораньше и оставайтесь допоздна,
Иначе мы не сможем проглотить все это.
Затем бодро пойте, радостно подпрыгивайте,
Прыгайте обеими ногами.
И то, о чем я еще не забыл,
Подумай о женихе и невесте.
Если вы меня хорошо поняли,
Давайте пустим бутылку по кругу.

За день до свадьбы жених и несколько его друзей прибывают в дом невесты в повозке, запряженной четверкой лошадей, чтобы увезти невесту и ее пожитки. Эти последние представляют собой пеструю коллекцию, поскольку состоят не только из ее одежды, кровати и пологов, но и из ее прялки, пресса, полного белья, а также коровы. После того, как все было погружено на телегу, и молодые люди подкрепились "ристембри" (рисом, сваренным со сладким молоком), они торжественно уезжают, распевая на ходу. На следующий день невеста выходит замуж в доме своих родителей со свекровью, и поскольку часто случается, что молодая пара живет с родственниками жениха, вполне естественно, что они хотели бы привести дом в надлежащий порядок до прибытия свадебных гостей, которые начинают появляться уже в восемь часов утра. Когда все приглашенные гости в сборе и отведали горячего джина, смешанного со смородиной, который подают по кругу в оловянных стаканчиках с двумя ручками, сохраненных специально для таких случаев, вся компания около одиннадцати часов отправляется в "Стадхейс", или ратушу, где пара венчается в присутствии бургомистра, а затем в церковь, где дается благословение на их союз. По возвращении домой полуденное угощение готово и по этому праздничному случаю состоит из ветчины, картофеля и соленой рыбы, а священнослужитель также удостоивается приглашения на собрание. Остаток дня проходит в веселье, в котором еда и питье занимают главное место. Невеста меняет верхнюю одежду примерно четыре раза в течение дня, всегда на публике, стоя перед своим бельевым прессом. День завершается танцами, для которых деревенский скрипач играет музыку, невеста открывает бал с одним из молодых людей, пригласивших гостей, а затем она дарит ему тонкий льняной носовой платок в награду за его неоценимые услуги по этому случаю.

Во Фрисландии до сих пор существует любопытный старый обычай, называемый "Джоэн-пьеэль", который дает ключ к разгадке странного происшествия в "Истории африканской фермы" миссис Шрайнер. Когда мужчина и девушка собираются пожениться, они сначала должны просидеть всю ночь на кухне с горящей свечой на столе между ними. К тому времени, как свеча догорит в своем гнезде, они, должно быть, выяснят, действительно ли они любят друг друга.

Брачные обычаи в Северной и Южной Голландии сильно отличаются от первых. Как только пара проходит "ангетикенд", то есть когда оглашение бракосочетания публикуется в первый раз (что происходит не в церкви, а оформляется в виде объявления, вывешиваемого в ратуше), и возвращается со "Стадхейма", они разъезжают по округе и раздают всем своим друзьям пакетики со сладостями ("bruidsuikers"). В день свадьбы, после окончания церемонии, жених и невеста снова выезжают вместе в "фаэтоне" - высокой карете на очень больших колесах, в которой могут разместиться только два человека. Голова лошади, хлыст и поводья украшены цветами и разноцветными лентами. Гости на свадьбе едут парами за "фаэтоном" жениха и невесты, и этот процесс называется "Спидериден". Иногда они проезжают много миль по

стране, останавливаясь в каждом кафе, чтобы выпить бренди с сахаром, и когда они встречаются по дороге детей, те окликают их: "Бруид, бруид, строй джи суйкерс уит" ("Невеста, невеста, посыпь сахаром все вокруг"). После этого можно увидеть, как горсти конфет летают по воздуху и катаются по земле, в то время как дети кувыркаются. набрасываются друг на друга в нетерпеливой спешке, чтобы собрать как можно больше этих сладостей. Иногда таким образом на обочине дороги разбрасывается до двадцати пяти фунтов сладостей для деревенских детей. Такая свадьба - настоящее событие в жизни этих малышей, и они еще несколько недель будут рассказывать о количестве сладостей, которые им удалось раздобыть.

A HINDELOOPEN LADY IN NATIONAL COSTUME.

Дама-Хинделупен в национальном костюме.

RURAL COSTUME—CAP WITH RUCHE OF FUR.

Сельский костюм - шапка с меховой оторочкой.

В Рисвике, маленькой деревушке недалеко от Гааги, как и в большинстве деревень Вестланда, Южная Голландия, жених и невеста преподносят бургомистру и Ветхаудерам, а также "Амбтенаару ван ден Бургерликену Стенду", который венчает их в "Стадхейсе", пакет этих конфет, а пакетик с надписью "Поздравления от невесты и жениха" вручается исполняющему обязанности священнику сразу после церемонии в церкви. По пути домой они всю дорогу выбрасывают "самоубийцы" из окон вагонов для глазющей толпы. Некоторые менее состоятельные фермеры и те, кто живет недалеко от крупных городов, устраивают свои свадьбы в кафе или "уитспэннинге". Это слово буквально означает место, где лошадь вынимают из оглобеля, но это также ресторан с пристроенным к нему садом, в котором есть качели и качели,

на которых гости развлекаются днем, а вечером большой зал в здании отведен для бала, поскольку это завершение каждого "Бурен бруилофт". Очень часто бал длится до пения петуха, а затем, если "Брюилофт хауэрс" - католики, нет ничего необычного в том, что сначала нужно пойти в церковь и "сосчитать количество гостей". их четки", прежде чем они разойдутся каждый своей дорогой, чтобы приступить к обязанностям нового дня.

Рождение ребенка - это, естественно, событие, требующее очень торжественного празднования. Когда ребенку исполняется около недели, его родители приглашают всех своих друзей прийти и порадоваться вместе с ними. Мужчин приглашают на "op een lange ruy en een bitterje", женщин - на послеобеденное время "op suikerdebol". В двенадцать часов начинают прибывать мужчины, и им сразу же выдают длинную трубку с гаудой, кисет с табаком и граненую стеклянную бутылку с джином, смешанным с ароматными горькими напитками. Покуривая, они разговаривают достаточно громкими голосами, чтобы любой, кто не знаком с манерой речи фермеров, подумал, что в доме происходит много ссор. Это развлечение длится до семи часов, когда все мужчины уходят и комната очищается, хотя и не проветривается, и стол переставляется для вечернего веселья.

Блюда с хлебом и маслом, плоские намазанные маслом сухарики, щедро посыпанные "muisjes" (засахаренный анис - буквальный перевод "мыши"), а также пироги и сладости всех видов в бесконечном изобилии расставлены на лучшем фарфоре, который есть у доброй жены. Каждому из гостей полагается по два таких круглых плоских сухаря, два - это правильное количество, которое нужно взять, поскольку больше двух было бы сочтено прожорливым, а съесть только один - наверняка оскорбило бы хозяйку. Еда и питье, поскольку также подают "Advocatenborrel" (брэнди с яйцами), продолжаются большую часть дня. В такой день можно вообще обойтись без полуденной трапезы, и, судя по внешнему виду, нельзя сказать, что гости выглядят так, словно пропустили ее!

В таких случаях есть вполне национальный обычай - есть сухарики с "муйсджес", и эти маленькие сладости изготавливаются двух видов. Сахарная глазурь гладкая, когда ребенок девочка, и шершавая и колючая, как колючка каштана, когда ребенок мальчик; и когда кто-то идет покупать "мусики" в кондитерскую, его всегда спрашивают, нужны ли "мусики" для мальчиков или для девочек. Сотни и тысячи, хорошо известное украшение булочек и тортов в английских кондитерских, имеют самое близкое сходство с этими голландскими "мюисджес".

Когда в семье из высших слоев общества рождается маленький ребенок, слуг в этот день угощают печеньем и "мышками"; в то время как в очень старомодных голландских семьях существует еще один обычай - предлагать "Кандил", блюдо из яиц и рейнского вина, в первый день приема гостей молодой матерью, и медсестра-Пекарь готовит его специально для таких случаев.

Похоронные процессии - очень скорбное зрелище во всех случаях, но голландские похороны угнетают человека примерно месяц спустя. Катафалк весь задрапирован черными драпировками, а на козлах сидит кучер в большой черной шляпе под названием "Huilebalk". С края, закрывающего лицо, свисает кусок черного шнура. Это он держит во рту, чтобы шляпа не упала с его головы. Сам катафалк обычно украшен изображениями ухмыляющихся черепов, хотя экипажи, следующие за катафалком, не имеют отличительных знаков. Если такая похоронная процессия случайно пройдет по дороге, по которой едете вы сами, вы можете быть уверены, что будете наслаждаться ее обществом всю дорогу, потому что лошадям разрешено

только идти, никогда не идти рысью, и дорога до кладбища занимает часы. В прежние времена лошадей специально подковывали для этого случая таким образом, чтобы они хромали на одну ногу. Эта цель достигалась путем вбивания гвоздя от подковы в ногу животного, поскольку люди думали, что это придавало *коретте* печальный вид, когда она медленно продвигалась по дороге. К счастью, теперь с этой жестокостью покончено и даже полностью запрещено Обществом по предотвращению жестокого обращения с животными, но уродливый вид катафалков остался прежним.

AN OVERYSSEL PEASANT WOMAN.

Чересчур Рассудительная Крестьянка.

В случае смерти родственники умершего распечатывают большие открытки, извещающие о семейной потере. Эти карточки разносятся по всем домам по соседству человеком, специально нанятым для этой цели. Этот человек, которого называют "Анспрекером", носит со списком имена и адреса людей, которым он должен оставить открытки; если у людей, рассылающих открытки, есть друзья на какой-либо другой улице города, открытка оставляется в каждом доме на этой улице.

ZEFLAND CHILDREN IN STATF

Зеландские дети в государстве.

Если покойный был офицером, открытки, помимо рассылки по окрестностям, остаются в домах каждого офицера по всему городу. К какой бы профессии ни принадлежал покойный, людям этой профессии рассылаются открытки. Государственный министр или любое другое лицо, занимающее очень высокий пост, рассылает открытки в каждый дом в городе и пригородах.

В деревне или загородном месте похороны - довольно популярное мероприятие, и приготовления к ним чем-то напоминают приготовления к пиршеству. Так, например, обстоит дело в Оверисселе. Когда умирает кто-то из семьи, ближайшие родственники немедленно вызывают женщин-соседей, и те берут на себя все необходимые приготовления. Они рассылают повсюду послания, извещающие о смерти и дне погребения; они покупают кофе, леденцы и бутылку джина, чтобы подкрепиться, пока шьют саван и перевязывают мертвое тело; на следующее утро они следят за тем, чтобы церковные колокола звонили должным образом, а днем, когда родственники и друзья приходят выразить свои соболезнования, они угощают их, сидящих вокруг гроба, черным хлебом и кофе. Когда тарелки и чашки пустеют, посетители снова уходят, не сказав ни слова.

В день похорон гости собираются в два часа дня. Сначала они садятся за столы, едят и пьют в тишине, а когда первая партия утоляет свой аппетит, они уходят, освобождая место для других. После этой трапезы все обходят гроб и повторяют один за другим: "Этo был een goed mensch" ("Он или она были хорошими мужчиной или женщиной", в зависимости от обстоятельств). Затем крышка гроба закрепляется двенадцатью деревянными колышками, которые самому почетному гостю разрешается вбить, и гроб немедленно ставится на обычную фермерскую телегу. Ближайшие родственники тоже забираются внутрь и садятся на гроб, а другие женщины - на тележку лицом к гробу. Этот обычай соблюдается, несмотря на запрет законом сидеть на любом транспортном средстве, перевозящем гроб. Женщины одеты в траур с ног до головы и плотно закутаны в черные мериносовые шали, которые они носят на головах. Мужчины следуют пешком, и это живописное, хотя и печальное зрелище - наблюдать за этими похоронными процессиями, которые всегда на закате дня торжественно движутся по дороге, темные фигуры женщин вырисовываются на фоне неба, освещенного теми великолепными закатами, которыми славится Овериссель.

Глава X

Кермис и Святой Николай

Из всех праздников и поводов народного ликования в Голландии ни один не может сравниться с Кермисом и праздником Святого Николая, которые во многих отношениях особенно характерны для голландской жизни и голландской любви к первобытным обычаям. Кермис особенно популярен из-за разнообразных развлечений, которые с ним связаны, и потому, что он объединяет все классы населения в общем стремлении к незамысловатым удовольствиям. Как следует из названия, Кермис ("Керк-мис") имеет религиозное происхождение и назван в честь главной части церковной службы - мессы. Точно так же, как праздник Святого Баро получил название "Бамиссе", так и праздник освящения церкви назывался "Церковной мессой" или "Керк-мис". В древние времена, если церковь освящалась в день именин определенного святого, церковь также посвящалась этому святому. Такой праздник был главным праздником,

или "Праздником копыт", для церкви, и он не только отмечался с большой помпой и торжественностью, но и добавлялись всевозможные развлечения, чтобы придать празднованию более праздничный характер. В крупных городах Кермиссен проводился в разное время года в разных приходах, поскольку каждая церковь была посвящена другому святому, так что в городе было столько праздников посвящения, сколько в нем было церквей.

В очень ранний период истории страны церковные мессы стали носить более мирской характер, поскольку торговцы использовали их для представления своих товаров и торговли с людьми, точно так же, как они делали на обычных "ежегодных ярмарках". Эти ежегодные ярмарки всегда приходились на тот же день, что и Кермиссен, но они имели другое происхождение. Они проводились с разрешения Государя и сначала были учреждены для поощрения торговли; но постепенно Кермис и ежегодный рынок шли рука об руку, поскольку люди больше не могли представить ежегодный рынок без увеселительных заведений Кермис или Кермис без киосков и прилавков, поэтому, если на улицах или площадях не хватало места для строительства последних, священник разрешал устанавливать их на церковном дворе, а иногда даже в церкви. Более того, если было невозможно провести ежегодную ярмарку на той же неделе, что и Кермис, то Кермис откладывался, чтобы соответствовать ежегодному рынку, и эти последние оказывали большую помощь религиозным праздникам, поскольку они привлекали большее количество людей, а поскольку были даны разрешения на посещение месс, то выиграли и церкви, и рынки. Месса длилась восемь дней, а ежегодная ярмарка - столько же, сколько церковный праздник. Церковь защищала ежегодные ярмарки и созывала их. С первым ударом часов на Кермисе открылся летний базар и начались первые танцы, за которыми последовала грандиозная процессия, в которой приняли участие все знатные люди города, а когда затих последний удар, на всех мостах и на городских воротах были прибиты белые кресты. Они служили как паспортом, так и знаком "маркт вреде" (рыночного спокойствия), так что любой, кто видел крест, знал, что он может войти в город и покупать и продаваться *свободно*, а также что его покой и безопасность гарантированы, и что любой, кто потревожит "маркт вреде", будет изгнан с этого места, и ему не разрешат вернуться в следующий год. В некоторых местах этот ежегодный рынок был назван в честь крестов "Кройц-маркт".

Очень празднично выглядит город на неделе Кермиса. В день открытия, в двенадцать часов, начинают звонить колокола кафедрального собора или главной церкви, и это сигнал к открытию киосков и началу "Кермиспрета". Повсюду выставлены на обозрение заманчивые лавки, и хотя воздух наполнен ароматом масла и подгорающего жира, никто, кажется, не возражает против этого, поскольку это только усиливает наслаждение, которое приготовил для них Кермис. Киоски обычно расположены в два ряда. Самый примитивный из них - прилавок с яйцами вкрутую и маринованными корнишами, владелец которого, вероятно, еврей, и плеasant своим хриплым голосом превозносит свой товар выше всех остальных. Если он все-таки уговорит вас подойти и попробовать его яйца с корнишами, это только придаст вашему блюду больше вкуса, когда он расскажет вам о человеке, который заплатил всего один цент за большой корнишон, который на самом деле стоил два, и, хотя он уже отправил его в рот, заставил его положить другую часть обратно. Или когда вы идете есть "поффертьес", которые выглядят так соблазнительно, и при первом же откусывании обнаруживаете щепотку табака в безобидном на вид кусочке, не позволяйте этому пустяковому происшествию нарушить ваше спокойствие, а попробуйте другой киоск. Это вполне стоит того, чтобы постоять перед "поффертьескрамами" и посмотреть, как их готовят. Тесто состоит из простой гречневой муки, смешанной с водой и

небольшим количеством дрожжей, чтобы сделать его легким. Над ярким очагом из поленьев помещают большой квадратный железный противень с глубокими углублениями для приготовления теста. С одной стороны на высоком табурете сидит женщина, рядом с ней стоит миска со смесью и большой деревянный половник в руке. Ею она обмакивает в тесто, извлекая его полностью, затем быстрым движением руки высыпает содержимое в углубления противня. Мужчина, стоящий рядом, ловко переворачивает их одну за другой стальной вилкой и мгновение спустя накалывает на вилку по шесть штук за раз; он делает это четыре раза, чтобы получить полную тарелку, а затем передает ее другому мужчине в кабинке, который добавляет кусочек масла и щедро посыпает сахаром. "Вафелькрамены" не пользуются таким большим спросом, поскольку цена на эти деликатесы слишком высока для тощих кошельков среднестатистического "Кермиса хаувера", но "олиболлен" - круглые лепешки в форме шаров, плавающие в масле, - доступны всем, поскольку стоят всего по центу за штуку. Слуги и их любовники, утолив свой аппетит этими "оливками", идут и для разнообразия несколько раз катаются на каруселях, а затем спешат в рыбный киоск, где едят сырую соленую сельдь, чтобы нейтрализовать последствия предыдущего разгула. Более респектабельная служанка, однако, воротит нос от селедки и заказывает копченого угря. Эти рыбные прилавки очень причудливы на вид, потому что они увешаны гирляндами из сушеной "шарретье" (белой, тонкой, кожистой на вид рыбы), которые свисают спереди и образуют самое оригинальное украшение. В городах для посещения ярмарки слугами выделяются отдельный день и вечер, а также есть день для элиты.

В начале правления короля Вильгельма III. весь Двор, включая короля и королеву, обычно собирался в гаагском "Кермисе" на Ланге-Ворхаут по четвергам днем, между двумя и четырьмя часами, и прогуливался взад-вперед между двумя рядами партера; а вечером того же дня все они посещали либо самый известный цирк сезона, либо ходили посмотреть "Кермис стук", либо специальную пьесу, разыгрываемую во время выступления фанатов.

Вечер слуг в том виде, в каком он проводится в Роттердаме, является наиболее характерным. Этому вечера избегают более респектабельные люди, потому что кермисгангеры - очень шумный народ. Они развлекаются главным образом тем, что бегают по улицам длинными рядами, взявшись за руки, распевая "Хосен-хосен-хосен!", Они также угощают друг друга "Нью руд мет суйкер" - черной смородиной, консервированной в джине с сахаром, - пока все не становятся совершенно пьяными, и горе любому тихому пешеходу, который имеет несчастье пройти мимо них, потому что с громким "Привет" они окружают его и делают "хос" с ними. Вечер обычно называют "Аалбессенскими (с черной смородиной) шлюхами".

KERMIS 'HOSSEN HOSSLN—HI HA !'

(After the Picture of Van Geldrop)

Кермис: "Хоссен-Хоссен, хай-ха!" *(После фотографии Ван Гелдроп)*

Не менее любопытным, но не таким уж плохим обычаем является groningenское "Коек этен". Все жители Гронингена любят пироги, и "Гронингер кауке" - широко распространенное и очень вкусное блюдо; но для этой особой цели используется "эллекоек", очень длинный тонкий пирог, который, как следует из названия, продается в the yard. Он очень жесткий и достаточно тонкий, чтобы поместиться в большом рту, и когда мужчина выбирает девушку для хранения Кермиса, он должен сначала посмотреть, подойдут ли они друг другу как "Вриер и Вристер", съев "эллекоек". Это делается следующим образом. Они стоят друг напротив друга, и каждый начинает с конца и ест навстречу другому. Они не могут прикасаться к пирогу руками, но должны держать его между зубами все время, пока едят, и если они не в состоянии совершить этот подвиг и поцеловаться, когда добираются до середины, это верный признак того, что они не подходят друг другу, и поэтому партнерство не считается заключенным. В некоторых частях Фрисландии и в Ворбурге, одной из многих деревень близ Гааги, существует еще один обычай приготовления тортов - "Кекслен", который представляет собой своего рода лотерею тортов. Все пироги выкладываются на большие брусочки, которые по бокам выше, чем в середине, и за два пенса любой желающий может попытаться счастья и посмотреть, удастся ли ему разломить пирог пополам, ударив по нему толстой палкой, которую для этой цели предоставил продавец. Необходимо сделать это одним ударом, так как вторая попытка предполагает выплату другого взноса. Тот, кто преуспеет, забирает разломанный торт и получает второй в качестве приза. Некоторые мужчины очень ловки в этом и умудряются утащить немало призов.

Точно так же, как колокола звонят в Кермис, так же и в него снова звонят. Это, однако, не официальное действие, а обычай среди учеников гимназии и высших бюргерских училищ. В Гааге, в последний день ярмарки, все школьники собрались в Ланге Ворхаут, одетые в черное, как одеваются на похороны, в то время как четверо из них несли носилки, увешанные венками и черными драпировками. На этих носилках должно было покоиться все, что осталось от Кермиса. Перед носилками шел мальчик, звонивший в большой колокол и провозглашавший:

"Де Кермис - дуд, де Кермис вордт бегравен" ("Кермис мертв и будет похоронен"). За гробом шли все остальные мальчики с самым скорбным выражением на лицах, какое только могли изобразить по такому случаю, и таким образом они пронесли "умершую ярмарку" по главным улицам города и, наконец, похоронили ее в "Схевенингше Бошес". Но теперь этот обычай ушел в прошлое, поскольку Кермис в Гааге был отменен, как и в большинстве других городов королевства, поскольку все власти были согласны с тем, что ярмарка способствует пороку и пьянству, а старомодный Кермис в Гааге был отменен. сейчас его можно найти только в Роттердаме, Лейдене, Делфте и некоторых небольших провинциальных городах и деревнях.

6 декабря - день, посвященный святому Николаю, и его всенощное бдение является одним из наиболее характерных голландских праздников. Это вечер для семейных встреч, наполненный старыми воспоминаниями для старших и новыми удовольствиями для молодежи и детей. Точно так же, как англичане дарят подарки на Рождество, голландцы делают это на Святого Николая, только по-другому, потому что подарки Святого Николая должны быть как можно более спрятаны и замаскированы и сопровождаться рифмами, объясняющими, что это за подарок и для кого Святой Николай его предназначает. Иногда посылка, адресованная одному человеку, в конечном итоге оказывается для совершенно другого члена семьи, чем тот, кто получил ее первым, поскольку адрес на каждой обертке на различных этапах распаковки приводит к тому, что посылка переходит из рук в руки столько раз, сколько бумаг нужно отменить. Самые крошечные вещи отправляются в огромных упаковочных ящиках, а иногда подарки запекают в буханке хлеба или прячут в траве, и чем больше времени проходит, прежде чем подарок будет найден, тем более удачным получается "сюрприз".

Самое большое удовольствие для дарителя посылки - оставаться неизвестным как можно дольше, и даже если подарок отправляется от одного члена семьи другому, живущему в том же доме, служанка всегда звонит в дверной колокольчик, прежде чем принести посылку, чтобы представить, что она пришла от кого-то постороннего; а если посылку нужно отнести в дом друга, ее очень часто поручают прохожему с просьбой оставить ее у двери и позвонить в колокольчик. В домах, где много детей, некоторые старейшины наряжаются добрым епископом Святым Николаем и его чернокожим слугой. Дети всегда очень впечатлены знанием, которое Святой Николай демонстрирует обо всех их недостатках, поскольку он обычно напоминает им об их маленьких недостатках и читает каждому соответствующую лекцию. Иногда он заставляет их повторить ему стих или спрашивает об их уроках, и все это заставляет ожидать момента его прибытия с большим волнением и некоторым трепетом, поскольку Святой Николай обычно объявляет, в какое время его следует ожидать, чтобы все были готовы к его приему.

В этот насыщенный событиями вечер на полу посреди комнаты расстилается большая белая простыня, а вокруг нее стоят все дети с сияющими глазами и раскрасневшимися лицами, жадно разглядывая стрелку часов. Как только часы показывают пять минут до ожидаемого времени прибытия Святого, они начинают петь песни, приветствуя его среди себя, и просят его жертвовать так щедро, как это было его обыкновением, одновременно восхваляя его доброту и величие в самых красноречивых выражениях. Первое, что дети узнают о прибытии Святого, - это ливень сладостей, обрушивающийся на них. Затем, посреди всеобщей суматохи, которая за этим следует, внезапно появляется святой Николай в полном епископском облачении, нагруженный подарками, в то время как сзади стоит его чернокожий слуга с открытым мешком в одной руке, в который нужно положить всех непослушных мальчиков и девочек, и жезлом в другой, которым он время от времени энергично потрясает. Когда все подарки розданы, и

Святой Николай попрощался, пообещав вернуться на следующий год, и дети укладываются спать, чтобы помечтать обо всех забавах, которые они получили, пожилые люди начинают веселиться. Сначала они садятся вокруг стола, который стоит посреди комнаты под лампой, и угощаются чаем и "спекулянтами", пока не начинают поступать их собственные "сюрпризы". В десять часов комната убирается, убирается простыня, постеленная для детского ужина, и с пола убираются все бумаги и стружки, коробки и корзиночки с подарками; стол накрывается белой скатертью; гостям подают "почтовую открытку" с горячим пуншем или молочным шоколадом; а когда все рассаживаются, приносят блюдо с вареными каштанами, от которых идет пар, и их едят с маслом и солью.

Сигары, обычное средство голландцев, когда они не знают, чем себя занять, не являются неотъемлемой частью этого памятного вечера (памятного и по этому факту), не столько из уважения к дамам, которые находятся среди них, сколько по той причине, что они слишком заняты другими, даже более приятными занятиями.

ST. NICHOLAS GOING HIS ROUNDS ON DECEMBER 5TH.

Святой Николай совершает Свой обход 5 декабря.

Личность святого Николая, как ее теперь знают голландские дети, имеет смешанное происхождение, поскольку не просто епископ Ликийский, но и Воден, фризский бог стихий и урожая, фигурирует в основном в легендах, связанных с его именем. Воден обладал волшебной мантией, которая позволяла ему, облачившись в нее, в мгновение ока отправиться в любое место мира, которое он пожелал. Та же сила присуща "Лучшей нарядке" святого Николая, как видно из стихотворения, обращенного к нему:

'Sint Niklaas, goed, heilig man
Trek je beste tabberd an

Ryd er mee naar Amsterdam
Van Amsterdam naar Spanje.'

[Св. Николас, добрый, святой человек,
Надень свое лучшее платье
Поезжай с ним в Амстердам,
Из Амстердама в Испанию.]

Конь Слейпнир, на спине которого Воден совершил свое осеннее путешествие по миру, был превращен в коня святого Николая, на котором Святой разъезжает по крышам домов, чтобы узнать, где живут хорошие, а где непослушные дети. В языческие времена во время сбора урожая на поле всегда оставляли сноп кукурузы для лошади Водена, и современные дети все еще придерживаются той же идеи, кладя в свои башмаки пучок сена для четвероногого друга доброго Святого. Чернокожий слуга, который теперь всегда сопровождает Святого Николая, привезен из Америки, поскольку отцы-пилигримы привезли с собой в Новую Страну свой праздник Святого Николая, а некоторые из их потомков, переехавших жить в Голландию, привезли с собой "Кнехта Рупрехта" и таким образом добавили еще одну особенность к празднику Святого Николая.

То, что голландцы изначально знали о жизни и творчестве "Святого Доминуса Николауса", было рассказано им испанцами во времена их влияния в Голландии, и поэтому считается, что Святой родился в Мире, в Ликий, и жил в начале четвертого века, в правление Константина Великого. С самой ранней юности он проявлял признаки великого благочестия и самоотречения, отказываясь, как говорят, даже будучи совсем крошечным ребенком, принимать пищу чаще одного раза в день в постные дни! Вся его жизнь была посвящена творению добра, и даже после его смерти ему приписывают совершение многих чудес. Девушки и дети в основном считают его своим святым покровителем, но он также охраняет моряков, и легенда утверждает, что многие корабли, находившиеся на грани крушения или выброшенные на мель, были спасены его своевременным влиянием. При его жизни произошло обстоятельство, за которое он впоследствии был признан опекуном дев. Некий человек потерял все свои деньги и, чтобы избавиться от своего жалкого положения, решил продать трех своих прекрасных дочерей за большую сумму. Святой Николай услышал о его намерении и ночью пришел в дом этого человека, взяв с собой немного денег, оставленных ему родителями, и выбросил их через разбитое оконное стекло. На следующую ночь святой Николай снова отнес кошелек с золотом в дом бедняка и ухитрился выбросить его через дымоход, но когда он подошел к двери этого человека на третью ночь, она внезапно открылась изнутри, и бедняк выбежал, схватил святого Николая за одежду и, упав перед ним на колени, воскликнул: "О Николай, раб Господень, почему ты скрываешь свои добрые дела?" и с тех пор все знали, что это Святой Николай приносил подарки ночью. На картинах часто можно увидеть Святого Николая, изображенного с тройным даром в руке в виде трех золотых яблок, плодов древа жизни. Еще одна очень известная голландская картина - Святой Николай, стоящий у кадки, из которой торчат три мешка. Около пятидесяти лет назад такую картину можно было увидеть в Амстердаме на угловом доме между Плотиной и Дамраком с надписью "Синтерклаэс". История гласит, что однажды трое мальчиков заблудились в темном лесу и попросили ночлега у фермера и его жены. Пока дети спали, злая пара убила их, надеясь отнять у них все, что у них было с собой, но вскоре они обнаружили, что у парней вообще не было никаких сокровищ, и поэтому, чтобы их не обнаружили, они посолили мертвые тела и положили их в кадку со свиным мясом. В тот же

день, когда фермер был на рынке, святой Николай явился ему в своем епископском облачении и спросил, есть ли у него на продажу свинина. Мужчина ответил отрицательно, когда Святой Николай возразил: "А как же три поросенка в твоей бочке?" Это так напугало фермера, что он признался в своем злодеянии и попросил прощения. После этого Святой Николай проводил его до дома и взмахнул своим посохом над бочонком с мясом, и сразу же трое мальчиков вышли здоровыми и бодрыми и поблагодарили Святого Николая за то, что он вернул их к жизни.

Березовый прут, которого до сих пор боятся непослушные голландские дети, также имеет легендарное происхождение и является не просто воображаемым дополнением к атрибутам Святого. Некий настоятель не разрешал исполнять "Ответы святого Николая" в своей церкви, несмотря на неоднократные просьбы монахов его ордена, и в конце концов он отклонил их со словами: "Я считаю эту музыку мирской и нечестивой и никогда не позволю использовать ее в моей церкви". Эти слова так разгневали святого Николая, что он спустился с небес ночью, когда настоятель спал, и, вытащив его за волосы из постели, бил березовым прутком, который держал в руке, пока тот не стал скорее мертв, чем жив. Урок оказался благотворным, и с того дня ответы святого Николая стали частью богослужения.

Фестиваль Святого Николая в Амстердаме всегда проводился с величайшей пышностью. Именно там впервые был учрежден фестиваль и построена первая церковь, посвященная его имени; ибо когда Гисбрехт III, Хеер ван Амстел, приказал перекрыть Амстел плотиной, туда переехало много людей, и со всех сторон выросли дома, и, естественно, когда почувствовалась нужда в церкви, и она была построена, святой Николай был избран покровителем города. В день его именин в церкви служили мессы, и Кермис соблюдал обычное правило: вдоль Дамрака в два ряда были расставлены киоски и прилавки, где жители Амстердама могли купить сладости и игрушки для своих детей. Особые лепешки пекли в форме епископа и называли в честь святого Николая "Клаасъес". На них смотрели как на подношение, посвященное Святому в соответствии со старым обычаем их предков, который, опять же, можно проследить до богослужения в Водене.

Однако не только амстердамцы, но и люди из всех соседних городов стекались на рынок Святого Николая и, следуя примеру амстердамцев, наполняли обувь своих детей пирожными и игрушками, всегда рассказывая им старую легенду о том, что сам Святой Николай принес эти подарки через дымоход и положил им в обувь. Во время и после Реформации этому популярному ныне празднику пришлось столкнуться с большим противодействием, поскольку авторы и проповедники в равной степени соглашались, что это был глупый праздник, который привел к суевериям и идолопоклонству. Поэтому в 1622 году был издан указ, запрещающий выпекать пироги и держать в руках кермис, и даже детям запрещалось раскладывать обувь, как они привыкли это делать. Но на этот раз в каком-то смысле люди были достаточно благоразумны, чтобы понять, что дарить своим детям приятный вечер не имеет ничего общего ни с суевериями, ни с идолопоклонством, и поэтому праздник продолжал жить как у протестантов, так и у католиков, хотя реформаторы добились одного: Святого Николая больше не считали святым и ему поклонялись, а почитали только как святого покровителя и хранителя их детей.

Ярмарки, которые когда-то проводились в честь праздника Святого Николая, больше не проводятся на улицах, по крайней мере, в крупных городах, но обмен подарками по-прежнему повсеместен, а магазины выглядят так же празднично, как магазины в Англии на Рождество.

Действительно, во многих других отношениях Святой Николай соответствует Рождеству в других странах, и протестанты, и католики одинаково отмечают его, хотя в этом празднике нет религиозного значения. В этом сезоне тоже есть свои особые торты и сладости. Есть плоские твердые лепешки, сделанные в форме птиц, зверей и рыб - так называемые "Клаасъес", потому что их больше не выпекают только в форме слона, как это было раньше. Затем есть "Letterbanket", сделанный, как следует из названия, в форме букв, так что любой желающий может заказать свое имя в торте, а "Marsepein" (марципан) теперь делают всевозможных форм, хотя раньше только в виде конфет в форме сердца, украшенных маленькими горлицами из розового сахара или пылающим сердцем на маленьком алтаре. Говорят, что эти сладости были изобретены самим святым Николаем, когда он был епископом, для пользы влюбленных; ибо святой Николай занимал должность "изготовителя Хиλικов", и он объединил многие пары. Вот почему кондитеры пекут "Вриеры и Вристеры" торта во время Святого Николая. Если молодой человек хотел узнать, неравнодушна ли к нему девушка, он обычно посылал ей сердце из "Марципана" и кусочек торта "Вриер". Если она примет этот подарок, он знал, что ему нечего бояться, но если она откажется принять его, он знал, что в этом отношении у него нет никакой надежды. Эти большие пирожные-куклы обычно украшались наклеенными на них полосками золотой бумаги, но эта мода вышла из употребления и привела к отмиранию другого старого обычая; раньше для детей и молодежи было большим удовольствием пойти и помочь кондитерам (которые написали всем своим покупателям приглашения на этот вечер) 4 декабря приготовить свои изделия для "etalage". Любой торт, который ломался у них в руках, им разрешалось съесть, и, без сомнения, многие ломались.

Маловероятно, что празднование Святого Николая когда-нибудь будет отменено, и владельцы магазинов делают все возможное, чтобы увековечить его, каждый год предлагая новые аттракционы для маленького народца. Фигуры Святого Николая в натуральную величину размещены перед их окнами; а у некоторых даже изображен человек, одетый как добрый Святой, который разъезжает по улицам верхом на белом коне, в то время как за ним следует тележка, нагруженная посылками, которые были заказаны и оставлены таким образом в разных домах. Толпы детей, поющих, кричащих и хлопающих в ладоши, следуют сзади, добавляя шума и суеты и без того многолюдным улицам, но люди слишком добродушны во время Святого Николая, чтобы возражать. Повсюду улыбающиеся лица, веселье, и добрые чувства объединяют всех людей как братьев на этом самом популярном из всех голландских праздников.

Глава XI

Национальные забавы

Голландия, как и другие страны, обязана первобытным и классическим временам большинством своих национальных забав и детских игр, которые передавались из поколения в поколение. Во многие из тех же игр играли при самых разных правительствах и противоположных вероисповеданиях. Голландец и испанец, протестант и католик нашли общий язык в тех играх и видах спорта, которые дают столь желанный перерыв в повседневной работе.

"Хинкельбаан", например, попал в Нидерланды из далекой Финикии, жители которой его изобрели. Игра в кокаль, "Биккелен", в которую до сих пор играют голландские деревенские

дети на голубых порогах старомодных домов, вместе с "Каатсенон", была введена в Голландию Нероном Клавдием Друзом, и утверждается, что он придумал первый "Каатсбаан". Фризский крестьянин очень любит эту игру, а также "Кольвен", более старую разновидность гольфа; и часто воскресным утром после церкви его можно увидеть одетым в бархатный костюм иботинки с низкими пряжками, занимающимся этими видами спорта на открытом воздухе. Около века назад в Южной Голландии и Утрехте повсеместно играли в игру под названием "Малиен". Для этого необходимо было иметь большой участок земли, на одном конце которого были установлены столбы, соединенные между собой крыльцом. Залог приводился в движение "Махен колфом", длинной палкой с железным набалдашником и кожаной рукоятью, и она должна была касаться обоих шестов и перекатываться через крыльцо. "Махевельд" в Гааге и "Махеван" в Утрехте напоминают одно из мест, в которых играли в эту игру.

Во Фрисландии воскресная игра для молодежи называется "Het slingeren met Dimterkoek" - бросание торта "Девентер". Для участия в этой игре требуется четыре человека. Игроки делятся на противоположные партии и играют друг против друга. Сначала они бросают жребий, чтобы увидеть, какая из партий и кто из мальчиков начнет. Тому, на кого падает жребий, разрешается отдать свой ход противнику, что он часто и делает, если, ощупав лепешку, замечает, что она мягкая и может легко разломаться. Если, наоборот, это тяжело, он оставляет первый бросок за собой. Крепко держа пирог в правой руке, он делает небольшой разбег, наклоняется назад и резким взмахом бросает пирог вперед (как бросают камень) так, что он отлетает на приличное расстояние, отламываясь прямо при захвате. Эту фигуру, называемую "ханслик", или наконечник, он должен держать в руке, потому что, если он уронит ее, ему придется пропустить свой ход один раз, и его бросок не засчитывается. Теперь измеряется и записывается расстояние броска, после чего один из противников берет кусок торта и бросает его, и так продолжается поочередно, пока каждый не сделает свой ход. Дистанции бросков каждого двух мальчиков подсчитываются вместе, и побеждает сторона, набравшая наибольшее количество очков.

Существуют также игры, в которые играют только в определенные сезоны года, например, "Эйергарен" на Пасху. Это было очень популярно даже в шестнадцатом и семнадцатом веках. В пасхальный понедельник все деревенские жители собираются на главной улице дорпа, чтобы посмотреть "эйергордер". Около двух часов дня на сцене появляется трактирщик, который поставляет яйца, с корзиной, в которой двадцать пять штук. Их он размещает на дороге на равном расстоянии двенадцати футов друг от друга. Затем посреди дороги ставится бадья с водой, в которой плавает очень большое яблоко, самое большое, которое ему удалось раздобыть. Из числа жителей деревни выбираются двое мужчин. Одного подводят к ванне, связывают ему руки за спиной и велят съесть плавающее яблоко; другой должен взять корзинку в руки и на бегу собрать все яйца и разложить их в корзинке до того, как яблоко будет съедено. Тот, кто первым выполнит свое задание, становится победителем и уносит корзину с яйцами в качестве приза. Очень забавно наблюдать, как мужчина пытается схватить плавающее яблоко, которое так легко ускользает из его зубов, но некоторые мужчины достаточно мудры, чтобы прижать яблоко к стенке ванны, и, конечно, как только они откусывают один кусочек, остальное легко съедается. Когда игра заканчивается, большинство жителей деревни идут в трактир и пьют за здоровье победителя, и поэтому трактирщик также извлекает пользу из этого обычая, и для такой игры, как эта, безусловно, разумно освежиться *после* события. Кегли и бильярд очень популярны среди крестьян и рабочих в воскресные дни - единственное свободное время,

которое у рабочего есть для отдыха. Кроме того, азартных игр, в которых мастерство минимально, в Голландии так же много, как и в любой другой стране.

Детские игры, естественно, занимают большое место в жизни молодежи Нидерландов, особенно подвижные игры на свежем воздухе. Игр в помещении очень мало, и этот факт, возможно, объясняется обычаем разрешать детям играть на улицах. В прежние времена дети всех классов вместе занимались спортом и играми на открытом воздухе и развивали как свои мускулы, так и свой республиканский характер. Даже принц Фредерик Хендрик (который был братом принца Маурица и наследовал ему в 1625 году), когда учился в школе в Лейдене, свободно общался со своими более скромными товарищами, и его часто принимали за обычного школьника, а пожилая женщина однажды резко упрекнула его за то, что он осмелился воспользоваться ее багром, чтобы выудить мяч из воды, в которую он упал. Она также не замечала, к кому обращается, пока прохожий не обратил ее внимание на то, что это принц, после чего бедняжка так перепугалась, что несколько недель не осмеливалась выходить из дома из воображаемого страха попасть в лапы закона и закончить свои дни в тюрьме.

Игры можно разделить на два класса: те, в которые играют с игрушками, и те, для которых игрушки не нужны; но какими бы ни были игры, у всех них есть свои особые сезоны. Однажды один человек написал альманах о детских играх и записал все виды спорта и их сезоны, но, как верно сказал поэт Хаггенс,

'De kindren weten tyd van knickeren en kooten,
En zonder almanack en ist hen nooit ontschoten,'

что в вольном переводе означает, что дети интуитивно знают, какие игры сейчас в сезоне, и им не нужен календарь, так что он мог бы избавить себя от лишних хлопот. "Дети знают, когда играть в шарики и "Кутен", и без календаря ничего не забыли".

В восемнадцатом веке катание с обручем было таким же популярным развлечением среди детей, как и сейчас, только тогда это был еще и спорт, и призы вручались самым умелым. Фактически проводились гонки с обручем, в которых участвовали как мальчики, так и девочки. Они должны были проехать со своими обручами определенное расстояние, и тот, кто первым достиг цели, получал серебряную монету в качестве приза. Эта монета была прикреплена к обручу в качестве трофея, и чем больше шума производил обруч, катаясь по улицам, тем больше чести оказывал его владелец, поскольку это свидетельствовало о том, что было получено великое множество призов. В Дренте популярной игрой для мальчиков является "Man ik sta op je blokhuis", похожая на "Я король замка", но есть также "Заклинание ветра". Для последнего необходимы кусок дерева и мяч. Дерево насаживается на шест, а мяч кладется с одной стороны от него, затем ребенок как можно сильнее ударяет палкой по другой стороне куска дерева, одновременно выкрикивая "W-i-n-d", и мяч взлетает в воздух и может почти исчезнуть из виду.

"Бурский лап-ден-Буис", захватывающая игра с мальчишеской точки зрения, является всеобщей любимицей в Гелдерланде и Оверисселе. Для этого мальчики строят что-то вроде замка из больших камней, и после подбрасывания вверх, чтобы увидеть, кто будет "Буром", мальчик, на которого выпал жребий, стоит в каменной крепости, а остальные бросают в нее камни издалека, чтобы посмотреть, смогут ли они отколоть от нее кусочки. Как только кому-то это удастся, он бежит вернуть свой камень, одновременно выкрикивая "Бур, лап ден буис", что

означает, что "Бур" должен починить замок. Если "бур" выполняет это и прикасается к мешку до того, как он поднимет свой камень, они меняются местами, и игра начинается заново.

У маленьких девочек из рабочих классов не так много времени для игр любого рода, поскольку дома от них обычно требуется выполнение функций нянек и помощь во многих других домашних обязанностях, но иногда летними вечерами они приводят своих младших братьев и сестер, их вязание и скакалку, которые они берут по очереди, и таким образом проводят несколько приятных часов, свободных от своей доли (немалой) домашних забот, или по вечерам, когда младшие члены семьи уже в постели, они будут вполне довольны куском скакалки и своими детьми. песни с пропуском, которых они, кажется, знают много сотен и которые можно было бы петь с таким же основанием, как и в любой другой игре под солнцем, поскольку все слова имеют отношение к пропуску.

После продолжительного дождя первый снегопад встречают с восторгом, поскольку это признак того, что морозы не за горами. Джек Фрост, после нескольких предварительных появлений в декабре, обычно наносит свой первый длительный визит в январе (иногда, однако, это всего лишь мимолетный визит на два-три дня), и, как правило, голландец может рассчитывать на хорошую суровую зиму. Поэтому, как только он видит снег, он вспоминает старую добрую поговорку - "Снев оп слик ин дри даген ис дун оф дик" ("Снег на грязи через три дня, тонкий или толстый"). Следует ожидать появления льда, и он со всей скоростью достает коньки. Это один из немногих случаев, когда жители Нидерландов полны энтузиазма. Безусловно, катание на коньках - это *the* национальный вид спорта. Канавы всегда испытываются в первую очередь, так как вода в них очень мелкая и, естественно, замерзает раньше, чем очень глубокие и открытые воды рек и каналов, над которыми всегда дует ветер в Голландии; но когда они замерзают, тогда катание начинается по-настоящему. Все трассы размечены Hollandsche IJververeniging, обществом, которое было основано в 1889 году в Южной Голландии и к которому теперь присоединились другие провинции. Это общество устанавливает указывающие путь указательные столбы на всех перекрестках и канавах с уведомлениями об опасных местах, в то время как газеты того времени содержат отчеты о том, какими дорогами лучше всего пользоваться и какие поездки можно спланировать. Для людей, живущих в Южной Голландии, первой поездкой всегда является Винк в Лейдене, так как до него можно добраться по узким ручьям и канавам, и это потрясающее зрелище - увидеть фигуристов, сидящих за маленькими столиками с тарелками дымящегося горячего супа перед ними. Ресторан "Винк" уже много лет славится своим гороховым супом и известен как ресторан с 1768 года. Когда Гальгенуотер замерзает (устье Рейна, впадающего в море у Кат-вика), тогда Винк приобретает еще более веселый вид, поскольку не только конькобежцы, но и пешеходы из Лейдена и окрестных деревень *стекаются в это кафе* в Лейдене, чтобы понаблюдать за катанием на коньках и насладиться забавными сценами, которые им дарит наличие льда. Тогда широкое водное пространство, которое летом выглядит таким пустынным и мрачным, когда тихо и мечтательно течет к морю, сплошь усеяно палатками, флагами, "баанвегерами", а если лед крепкий, то даже санями.

Среди крестьян Южной Голландии существует обычай, как только сойдет лед, вместе с мужчинами и женщинами кататься на коньках в Гауду, там покупать длинные трубки с гаудой для мужчин и "Гудше спритс" для женщин, а затем возвращаться домой на коньках с этими хрупкими предметами, не сломав их. Когда они идут бок о бок, фермер, держащий свою трубку высоко над головой, и женщина, бережно держащая свой пакет с пирожными, каждый

прохожий натывается на них и пытается опрокинуть, но им редко удается это сделать, поскольку фермер очень твердо стоит на своих коньках, и, как правило, ему удается сохранить свою трубку нетронутой, проехав много миль на коньках. Самое долгое путешествие для жителей Южной Голландии, Северной Голландии и Утрехта проходит через эти три провинции, и путь по покрытой льдом стране столь же живописен, как и летом: маленькие мельницы, причудливые старые разводные мосты и деревенские домики ничуть не теряют своего очарования в зимнем наряде. По берегам каналов и рек расставлены маленькие палатки, защищающие от ветра; на льду под навесом из рогож стоит грубо сколоченный шаткий столик, и здесь продаются всевозможные продукты, которыми конькобежцы могут подкрепиться: горячее молоко, вскипяченное с анисовыми зернами и подаваемое в очень липких чашках, черствое печенье и сладкий пирог. Владельцы палаток рекламируют свой товар самым поэтичным языком, на который они способны:

-Нога эреис ан! Нога эреис ан!
In het tentje by de man.
Warme melk en zoete koek
En een bevrozen vaatedoek.'

["Переночуй, переночуй
в палатке с этим человеком;
Теплое молоко и сладкий пирог,
И замороженную посудную салфетку".]

и они прямо говорят вам, что вы можете ожидать появления невымытых чашек, поскольку ткань, которой их протирают, замерзла так же, как и вода для их мытья.

Под мостами лед не всегда безопасен, и даже если он стал безопасным, мужчины разбивают его, чтобы заработать несколько центов, проходя по их грубо сколоченным сходням, и поэтому "баанвегеры" укладывают доски, по которым конькобежцы могут переходить, не рискуя своими жизнями. Помимо строительства этих деревянных мостов, "баанвегеры" следят за чистотой путей. Примерно через каждые сто ярдов вас приветствует монотонный крик "Денк эрейс ан де баанвегер", так что в длительных поездках эти подметальщики доставляют массу неудобств, поскольку необходимость доставать кошелёк и давать им центы сильно затрудняет продвижение. Ледовое общество, однако, минимизировало неприятности, назначив "баанвегеров", которые работают на него и получают зарплату из общих фондов, так что члены общества, носящие свой значок, могут с чистой совестью пройти "баанвегер", в то время как в результате этой комбинации вы можете беспрепятственно кататься по милям хорошего и хорошо расчищенного льда за скромную сумму в десять пенсов, которая составляет стоимость членства в обществе в течение всего сезона.

SKATING TO CHURCH.

[Бегу в церковь на коньках.](#)

Кралингер-Плассен и Маас близ Роттердама - очень популярные места для проведения ледовых карнавалов, но самым великолепным местом для катания на коньках и всех видов спорта на льду является Зюйдер-Зее. Суровой зимой это большое ледяное пространство соединяет, а не разделяет Фрисландию с Северной Голландией. Здесь мы видим маленькие ледяные лодочки,

летающие по глянцевой поверхности со скоростью крыла птицы, и сани, запряженные лошадьми с развевающимися плюмажами, в то время как тысячи людей стекаются из Амстердама на маленький остров Маркен, а разнообразие костюмов и расцветок, колышущихся взад и вперед на скованных волнах беспокойного внутреннего моря, заставляет на мгновение подумать, что мечта голландца сбылась, и Зюйдер-Зее действительно снова стал сушей. Зимой каждый, от мала до велика, отдает себя занятиям спортом на льду, и даже бедняки не забыты. В некоторых деревнях объявляются забеги, призами в которых являются дерн, картофель, рис, угли и другие вещи, столь желанные для бедняков в холодную погоду. Гонщик есть в каждой бедной семье, и там, где нет достаточно взрослых сыновей, чтобы участвовать в скачках, молодой человек из лучших слоев общества обычно предлагает свои услуги и, в случае успеха, передает свой приз семье, которой он взялся помочь.

Катание на коньках - вторая натура голландцев, и как только ребенок начинает ходить, его ставят на коньки, даже если они часто бывают слишком большими для этого. Более того, когда лед хороший, зимнее время обеспечивает отдых как для работающих, так и для праздных классов, поскольку каналы и реки превращаются в дороги, а усердным мальчикам на побегушках, мальчикам мясников и пекарей удается обеспечить себе много часов восхитительного удовольствия, отправляясь за заказами на коньках. Молочник также катает свою тележку с молоком на санях, а фермеры едут на рынок на коньках, экономя время и деньги, потому что тогда не нужно платить за проезд по железной дороге, а по-настоящему хороший конькобежец в Голландии ездит почти так же быстро, как поезд, особенно фризские фермеры, потому что фризы славятся своим быстрым катанием на коньках, а самый знаменитый гонщик начала девятнадцатого века Корнелис Инзес Рин проехал четыре мили за пять минут.

Но хотя лед доставляет и всегда доставлял столько удовольствия, в истории были периоды, когда мороз вызывал большое беспокойство у жителей Нидерландов. До городов Наарден и Дордрехт легко добраться по воде, а когда она замерзает, это дает любому свободный доступ в город, и поэтому во время войны морозы были очень страшной вещью. В 1672 году этот страх оправдался, ибо, когда корабли гезенов вокруг Наардена крепко застряли во льдах, а Зюйдер-Зее замерз, враг, вооруженный каноэ и боевыми топорами, переправился по льду от реки У через Зюйдер-Зее в Наарден. Лучшие фигуристы среди гезенов сразу вызвались встретиться с испанцами на льду. Они взяли с собой только свои мечи, и, хотя корабельные пушки стреляли с фальшбортов кораблей над головами гезенов по рядам испанцев, гезены могли бесстрашно и без помех приблизиться к ним для рукопашной схватки. Испанцы, которые, помимо того, что были очень хорошо вооружены, были очень плохими конькобежцами, вскоре потерпели поражение, так как постоянно кувыркались друг о друга. Гезены преследовали их до Амстердама, а затем вернулись на свои корабли, где их встретили с большим энтузиазмом, и, когда на следующий день наступила оттепель, они, к счастью, были спасены от нового нападения.

Глава XII

Музыка и театр

Пение было одним из главных общественных развлечений голландской нации в восемнадцатом и далеко за его пределами в девятнадцатом веке, и жители Северной Голландии особенно

любили вокальную музыку. Когда молодые девушки отправлялись провести вечер в дом подруги, они всегда брали с собой свой "Лидербук" - томик в красивом черепаховом переплете или оправленный золотом или серебром. Песни, содержащиеся в этих книгах, представляли собой странную смесь веселости и серьезности. Веселые застольные песни или "Кермислиджен" нашли бы место рядом с "Размышлениями христианина о смерти". Это была *олла подрида*, в которой учитывались вкусы каждого. Декламации также были характерной чертой этих небольших собраний.

В наши дни эти национальные песни звучат редко. Их место заняли французские, итальянские и немецкие песни, и редко кто слышит настоящую голландскую песню на каком-либо светском рауте. "Народ" тоже, похоже, забыл свой природный поэтический дар, поскольку единственные песни, которые сейчас можно услышать об улицах, - это плохо переведенные французские или английские частушки. Если Англия выпустит шуточную песенку сомнительного искусства, через шесть месяцев эта песня доберется до Голландии и займет популярное место *в репертуаре голландского уличного музыканта*; ее будут насвистывать в разных тональностях мясники и бейкеры, и будет мучительно слышно, как она вырывается из чудесного механизма лишней гармошки. Ибо почти у каждого жителя Голландии есть какой-нибудь музыкальный инструмент, на котором он играет, хорошо или нет, когда заканчивает свою повседневную работу или воскресными вечерами дома. И здесь в качестве контраста следует упомянуть примечательную характеристику голландских высших классов. Какими бы музыкальными они ни были, как правило, обученные хорошо играть и петь, они все же редко проявляют свои способности в дружеской, социальной обстановке после ужина в своих собственных домах. Фактически, они становятся настолько критичными или настолько застенчивыми, что предпочитают платить за то, чтобы послушать музыку в исполнении признанных исполнителей, и поэтому в социальном и домашнем кругу теряется отнюдь не незначительный элемент добродушия.

Упадок народных песен вызывает еще большее сожаление, поскольку Голландия богата старинными балладами, некоторые из которых, дошедшие до нас в том виде, в каком люди пели их столетия назад, причудливы, *наивны* и чрезвычайно красивы. Все мелодии были переложены в современные гармонии талантливыми композиторами и опубликованы для всеобщего пользования.

'Het daghet in het oosten,
Het lichtis overal,'

- это маленькая жемчужина поэтического чувства, и мелодия очень приятная. Эта история, как и большинство песен прошлых смутных веков, повествует о поле битвы, куда молодая девушка отправляется на поиски своего возлюбленного, но находит его мертвым. Итак, похоронив его своими белыми руками, с его мечом и знаменем рядом, она дает обет уйти в монастырь. Этот рассказ представляет собой картину того времени в миниатюре, и как литературное произведение он занимает высокое место.

Та или иная музыка находит место в домах самых бедных, а концерты, театры и оперы посещают как простые люди, так и богатые и благородного происхождения. Класс прислуги в свои "вечерние посиделки" часто ходит во французскую оперу, и на улице нет ни одного мальчика, который не смог бы насвистеть какую-нибудь мелодию из великих современных опер, таких как "Фауст", "Лоэнгрин" и другие стандартные произведения. И неудивительно, ведь хористы в операх целыми днями ходят за тележками с фруктами и часто выкрикивают свой товар

музыкальными интонациями, которым научились, следуя своей более избранной профессии публичных певцов. Некоторые, конечно, не могут прочесть ни одной ноты в музыке, и мелодии, которые они должны петь, приходится вдалбливать им в уши, или, скорее, трубить в них. С этой целью их выстраивают в ряд, и человек с большой трубой становится перед ними и играет мелодию снова и снова, пока они не выучат ее наизусть. Летом целые компании этих еврейских юношей - ибо они в основном евреи - гуляют по субботам в лесу, исполняя партии, которые они берут в операх зимнего сезона, и послушать их стекаются толпы людей, потому что их голоса действительно достойны внимания.

Концерты, естественно, не пользуются таким большим покровительством народа, как оперы и театры. Особенно в крупных городах Голландии театральные представления занимают очень видное место в популярном отдыхе, и даже в небольших городах и деревнях, если в них нет театров и они не могут привлечь хорошие театральные труппы для периодических визитов, организуйте драматические представления местных талантов. О популярности оперы можно судить по тому факту, что в Амстердаме, Гааге, Роттердаме, Гронингене, Арнеме и Утрехте регулярно ставятся оперы на голландском и французском языках, а иногда ставятся произведения на немецком и даже итальянском. Денег в Голландии не хватает, у людей, как правило, мало свободных, поэтому большие оперные театры, которые считаются необходимыми в большинстве европейских городов с любыми претензиями на культуру, невозможны, и певцы редко могут рассчитывать на щедрые гонорары. Но большинство лучших произведений все равно звучат - что, в конце концов, главное, - и удовольствие и назидание, которые в результате получаются, не менее искренни из-за простоты свойств и скромного характера всего окружения.

Тем не менее музыка на открытом воздухе обладает огромной привлекательностью для более скромных слоев населения Нидерландов, как и для тех же самых слоев населения в большинстве, если не во всех странах; и когда летом в Гаагском лесу по воскресеньям днем или в среду вечером звучит музыка, прогулки вокруг "Палатки" заполнены слугами и их возлюбленными, которые чинно разгуливают рука об руку. Счастливые отцы тоже со своими женами и детьми в "Sunday best" прогуливаются по территории или отдыхают на скамейках среди деревьев и слушают "музыку Босха". Только представители высшего сословия являются членами "Общества Витте" и сидят за зеленой изгородью, слушая музыку и выпивая что-нибудь в это время. Ибо странно, но это правда, что голландец, кажется, никогда по-настоящему не наслаждается жизнью, если у него нет под рукой какой-нибудь жидкости, и он никогда не чувствует себя по-настоящему комфортно без своей сигары. Действительно, если бы курение было запрещено в местах общественного увеселения, большинство голландцев больше не посещали бы их. Зимой концерты в Гааге проходят каждую вторую среду - и то, что верно для Гааги, применимо к Амстердаму и всем другим городам любого размера в стране, - и Общественный зал всегда переполнен; но помимо этих концертов "Diligentia", есть и другие, которые дают различные певческие общества, так что есть из чего выбирать.

Летом гаагцев привлекает не только Лес, но и другая достопримечательность, поскольку сезон в Схевенингене открывается 1 июня, а в Курхаусе дважды в день звучит музыка - днем на террасе этого здания и вечером в большом зале внутри. В пятницу вечером дается так называемый "Симфонический концерт". На него стекается весь мир, ибо ни один человек, хоть сколько-нибудь уважающий себя или считающийся с мнением общества, не рискнет пропустить его. Понимают ли все присутствующие музыку высокого класса и наслаждаются ли ею - это другой

вопрос, на который было бы неблагоприятно слишком настаивать, но ходить на концерты - это часть "образования", и поэтому все наслаждаются этим по-своему. Для горожан и рабочих, у которых нет свободного времени в течение недели, летом воскресными вечерами в большом Ворхауте устраиваются концерты, так что в этот день даже самые занятые и бедные могут насладиться отдыхом лучшего качества, чем предлагает им трактир, и эти усилия с их стороны высоко ценятся людьми, которые с радостью пользуются возможностью послушать хорошую и популярную музыку.

Национальная любовь к музыке усердно поощряется Музыкальным союзом Нидерландов, отделения которого расположены по всей стране. В каждом городе есть своего рода музыкальные и певческие общества - как частные, так и государственные, - и они делают жизнь вполне сносной зимой, даже в самых маленьких местечках. Эти "зангверенингены" также не являются членами исключительно высших классов, поскольку у более скромных людей есть свои собственные организации. Даже служанка и поденщик часто оказываются членами каких-либо певческих клубов. Музыка также преподается в большинстве государственных школ, хотя это было задолго до того, как правительство капитулировало в этом вопросе и отвело этому предмету место рядом с рисованием как части обычной учебной программы для детей народа.

К счастью для музыкальных и драматических вкусов нации, и концерт, и театр в Голландии - недорогие развлечения. Как правило, самые дорогие места стоят всего от 3 до 5 шиллингов, в то время как самые дешевые, даже в первоклассных домах Амстердама, Роттердама и Гааги, стоят всего шесть пенсов. Единственными исключениями являются случаи, когда известные артисты гастролируют по стране, и даже тогда цены на лучшие места редко превышают 1 фунт стерлингов. Есть одно музыкальное событие, которое наносит более серьезный удар по кошельку, и это периодические оперные представления Общества Вагнера в Амстердаме. Как правило, дается два представления в год, и некоторые из лучших певцов Европы приглашаются спеть в той или иной опере Вагнера. Играет лучший голландский оркестр, а в хорах принимают участие избранные голоса из Амстердамской консерватории. Декорации достойны самого Байройта, и на эти отборные представления тратятся такие средства и забота, что, хотя зал неизменно полон в каждом случае, плата за вход никогда не окупает затрат, так что музыкальные энтузиасты Амстердама, Харлема и Гааги регулярно восполняют ежегодный дефицит, который иногда достигает 1000 фунтов стерлингов.

Однако, хотя голландцев с уверенностью можно отнести к ярко выраженной музыкальной нации, они, по-видимому, пережили свою славу в области музыкального искусства. Ибо не следует забывать, что Голландия в этом отношении имеет за плечами выдающуюся историю. Так давно, еще во времена папы Адриана I. Голландская музыкальная школа была основана под руководством итальянских мастеров, и она выгодно отличалась от современных школ других стран. Даже в девятом веке Голландия произвела на свет композитора, прославившегося в музыкальных анналах, в лице монаха Хучбальда из Сент-Аманда, что во Фландрии. Именно он изменил нотацию и расставил время, отметив ценность каждой ноты, и его также помнят за его "Органум", древнейшую форму музыки, написанную гармониями. Часто выражают сожаление по поводу того, что современным композициям не хватает оригинальности, которая отличала более ранние произведения. Тем не менее, за прошедшее столетие в стране появилось несколько заметных композиторов. Из них наиболее известны Ж. Верхуист, В.Ф.Г. Николал, Даниэль де Ланж, Ричард Хол и Г. Манн, хотя ни об одном современном композиторе нельзя сказать, что он обладает каким-то особым "обаянием", поскольку молодые люди, вскормленные

произведениями других народов, привыкают к их стилю мышления и письма и почти рабски следуют по их стопам. К сожалению, многих начинающих композиторов невозможно убедить опубликовать свои произведения. Причина в том, что стоимость публикации в Нидерландах почти баснословна, и если их вообще публикуют, то в Германии. Но даже в этом случае тираж настолько ограничен из-за малости страны, что не окупает затрат; и поэтому они предпочитают жить в неизвестности или завоевывать известность, давая частные концерты собственных произведений.

Глава XIII

Школы и школьная жизнь

Если голландский крестьянин, как правило, недостаточно образован, то это происходит не из-за отсутствия возможностей, а скорее потому, что он не воспользовался тем, что ему предложили. В течение многих прошедших лет хорошее начальное образование было доступно всем. Даже небольшая плата, которую обычно запрашивают, может быть возвращена тем родителям, которые не могут позволить себе что-либо платить, без какой-либо гражданской нетрудоспособности; но посещение школы стало обязательным только благодаря Закону, который был принят Второй палатой в марте 1900 года и который на момент написания статьи только что вступил в силу. Говорят, что около шестидесяти тысяч голландских детей не получают регулярного школьного образования. Примерно половина из этого числа живет на лодках, плавающих по каналу, и, вероятно, доставит немало хлопот тем, кто будет исполнять новый Закон; ибо, как мы уже видели, семьи, которым принадлежат эти лодки, не имеют другого жилья и постоянно находятся в разъездах, так что всегда должно быть трудно найти детей, особенно если их родители не видят необходимости отправлять их в школу. Следовательно, еще предстоит выяснить, приведет ли новый Закон к каким-либо значительным улучшениям, тем более что частное обучение может заменить посещение школы, и исключение предоставляется тем, у кого нет постоянного места жительства, и родителям, которые возражают против обучения во всех школах в радиусе двух с половиной миль от их домов. При таких условиях кажется, что любой, кто пожелает обойти закон, не столкнется с большими трудностями в этом. Люди, путешествующие на лодках по каналу, по-видимому, освобождаются до тех пор, пока они не остаются на двадцать восемь дней подряд в одном и том же "gemeente", или коммуне.

Образование, предоставляемое государством, строго нейтрально по отношению к религии и политике, но по всей стране существует множество конфессиональных школ. Протестанты называют свои "библейскими школами", а католики - "католическими школами", и обе они получают субсидии от государства, если удовлетворяют требования инспекторов. Частные школы также существуют, но, как правило, не получают государственной помощи. Однако все они находятся под надзором государства и подчиняются тем же условиям, что и квалификация учителей; и действует очень хорошее правило, а именно, что никто не может преподавать в Голландии, не сдав государственного экзамена.

Обучение в начальных школах, поддерживаемых правительством, ведется в двух классах, хотя разделительная линия не всегда четко проведена. В Амстердаме, например, четыре разных класса. В младших классах, помимо чтения, письма и арифметики, преподаются такие

предметы, как грамматика и история, география, естественная история и ботаника, рисование, пение и вольная гимнастика, а девочки также изучают рукоделие, но значительная часть учениц довольствуется более скромным курсом и знает немногим больше трех "P". Детям, посещающим эти школы, от шести до двенадцати лет, хотя в некоторых сельских округах немногим из них меньше восьми лет, но согласно новому закону они должны начать посещать их в возрасте семи лет и продолжать до тех пор, пока им не исполнится двенадцать или тринадцать в соответствии с достигнутым стандартом. В старших классах те же предметы преподаются в более продвинутой форме, с добавлением всеобщей истории, французского, немецкого и английского языков. Эти языки, поскольку они являются необязательными, преподаются более или менее после обычных школьных занятий.

Все учителя в этих школах должны иметь сертификаты учителей или завучей, для получения которых они должны сдать экзамены по всем предметам, которые они должны преподавать, за исключением языков, для каждого из которых требуется отдельный сертификат. В каждой коммуне должна быть школа, хотя до сих пор никто не был обязан ее посещать, а в последнее время, благодаря новому Закону об образовании, строители во многих местах были заняты расширением школ в соответствии с новыми требованиями. Если детей больше сорока, то теперь необходимы два учителя, а для более чем девяноста должно быть по крайней мере три. В году разрешен десятидневный отпуск, и он должен предоставляться тогда, когда от детей больше всего требуется помощь по дому, в дополнение к этому в определенных случаях окружные инспекторы могут предоставить отпуск. Таким образом, праздники варьируются в зависимости от условий города или деревни.

Все школы в той или иной степени находятся под контролем государства. Они разделены на три класса в зависимости от типа образования, которое они предоставляют. Вопрос о низшем или начальном образовании уже рассматривался. Между этим и высшим образованием в "Гимназиях" и университетах находится то, что называется "middelbaar onderwijs", то есть среднее или, скорее, промежуточное образование. Это представлено техническими или промышленными школами, "вечерними школами для бюргеров" и "Высшими бюргерскими школами". Первые из названных обучают учеников различным профессиям и ремеслам, особенно тем, которые связаны с основными местными отраслями промышленности. Курс обучения длится три года или около того, после курса начальной школы, и, как правило, проводятся вступительные экзамены, но условия в разных коммунах разные. Иногда обучение бесплатное, иногда взимается плата в размере нескольких шиллингов в год, расходы несут коммуны, и в нескольких городах существуют аналогичные школы для девочек, окончивших начальную школу. Технические классы для девочек охватывают такие предметы, как рукоделие, рисование и роспись утилитарного характера, а иногда ведение бухгалтерского учета и пошив одежды. Большинство из них бесплатны, но за некоторые специальные предметы требуется небольшая плата. Рисование, по-видимому, является любимым предметом, и в большинстве этих технических школ есть классы по механическому рисованию, а также по какому-либо виду художественной работы, связанной с промышленностью. Кроме того, существует множество художественных школ, некоторые из которых посвящены поощрению изобразительного искусства, в то время как в других целью является применение искусства в промышленности.

"Вечерние школы для бюргеров", как и технические училища, поддерживаются коммунами, в которых они расположены. Всего их около сорока, и большинство из них очень посещаемы, в некоторых случаях постоянных студентов, которые все являются работающими мужчинами и

женщинами, насчитывается несколько сотен. Обучение аналогично тому, что дается в технических школах, то есть оно в основном практическое, и местным производствам уделяется особое внимание. Раньше существовали дневные школы и для рабочих, на тех же принципах, что и эти, но они не имели успеха, и их место заняли технические школы.

Более высокого класса, но все еще включенное в термин "мидделбаар ондервейс", - это "современное" образование в школах "высшего бюргерства". Большинство этих школ были основаны коммунами, остальные - государством, но внутренне все они одинаковы, и все проверяются уполномоченными, назначенными правительством для этой цели. Ученики поступают в школу в возрасте двенадцати лет и должны сдать вступительный экзамен, который, как и почти все экзамены в Голландии, является государственным делом. Пройдя это, они, как правило, посещают школу в течение пяти лет, но в некоторых из этих учебных заведений курс длится всего три года. В какой-то степени "высшие бюргерские" школы соответствуют современной стороне английской школы: по крайней мере, предметы во многом те же, что и в английской: математика, естественные науки, современные языки и коммерческие предметы, и здесь не преподают латынь или греческий. Образование является полностью современным и практичным, с целью подготовки учащихся к коммерческой жизни. Существуют "высшие бюргерские" школы как для девочек, так и для мальчиков, в которых предоставляется почти одинаковое образование.

Большим преимуществом этих школ является то, что они очень дешевые; в самых дорогих ежегодная плата составляет чуть более тридцати фунтов, но в большинстве случаев она составляет всего четыре-пять. Чтобы преподавать в таких школах, как эта, необходимо иметь диплом об окончании университета. Для каждого предмета необходим отдельный диплом, и сдавать экзамен непросто. Даже иностранец, желающий преподавать свой родной язык, должен сдать тот же экзамен, что и голландец. Нет никакой разницы между учителями в школах для мальчиков и дамами, которые обучают девочек; в обоих случаях требуются совершенно одинаковые дипломы.

"Гимназии", о которых уже упоминалось, - это классические школы, готовящие мальчиков к поступлению в университеты. Возраст для поступления такой же, как в современных школах, двенадцать лет; но курс обучения более длительный, как правило, он охватывает шесть лет вместо пяти, и в конце этого курса сдается государственный экзамен, сдача которого является необходимым предварительным условием для получения университетского диплома.

"Гимназии" были основаны Актом парламента, но поддерживаются коммунами, которыми в данном случае являются более крупные города, но им помогает, как правило, правительственный грант. Сборы очень небольшие, всего около 8 фунтов стерлингов в год.

Есть несколько частных и обеспеченных школ, которые могут отправлять кандидатов на те же экзамены, что сдают ученики государственных школ, и именно среди них мы находим единственные школы-интернаты в стране. Некоторые из них имеют определенные привилегии; например, директор школы может нанимать помощников, не имеющих дипломов, что облегчает ему поиск учителей-носителей современных языков; но в собственно государственных школах выбор младших учителей вообще не зависит от директора, как его называют. Иностранцев преподавателей не так много, поскольку дипломы получить нелегко, а носитель языка, которому приходится переучивать большую часть своего родного языка с голландской точки зрения, практически не имеет преимуществ перед голландцем на экзаменах.

Ни один очерк голландских школ не был бы полным без некоторой ссылки на то, как изучаются современные языки, поскольку это наиболее яркая черта национального образования, имеющая огромное значение, когда мы рассматриваем национальную жизнь и характер Голландии. Преподобные поколения голландцев завоевали место среди "ученых наций" благодаря своему знанию классических языков; и их потомки, по-видимому, унаследовали языковой дар, но используют его более практично. Французский, немецкий, английский и голландский, которые известны под названием "de vier Talen", или "четыре языка", заняли место греческого и латыни. В "Гимназиях" каждый ученик учится говорить на них как нечто само собой разумеющееся, а в "высших бюргерских" школах тем же языкам уделяется особое внимание с целью коммерческой переписки. Даже в старших классах начальной школы мальчиков и девочек обучают некоторым из них или всем сразу. Мальчик, поступающий в одну из высших школ в возрасте двенадцати или тринадцати лет, как правило, обладает некоторыми знаниями по крайней мере одного иностранного языка, приобретенными либо в начальной школе, либо дома, и он никогда не стесняется демонстрировать эти знания. Если его родители состоятельны, он, вероятно, научился говорить по-французски или по-английски в детстве, и иногда случается, что он даже говорит по-голландски с французским или английским акцентом, поскольку был воспитан на иностранном языке и позже приобрел свой родной длинный. Изучение немецкого языка, как правило, начинается не так скоро, поскольку предполагается, что его сходство с голландским облегчает задачу, что, несомненно, в определенной степени верно. Однако в результате очень часто оказывается, что самый простой язык из трех - это тот, на котором говорят наименее правильно.

Как и во всех континентальных странах, в Голландии нет ничего, что соответствовало бы английской системе государственных школ. "Гимназии" готовят мальчиков к поступлению в университеты, а "высшие бюргерские" школы готовят их к коммерческой жизни и некоторым профессиям, примерно так же, как современные английские школы, но на этом сходство заканчивается. Как правило, школьная жизнь голландского мальчика ограничивается часами, которые он проводит на уроках; остальная часть дня принадлежит скорее домашней жизни. В Голландии есть несколько школ-интернатов, но жизнь в таких школах в двух странах отличается почти во всех отношениях. Размер школ может иметь к этому какое-то отношение, хотя сам по себе он недостаточен для объяснения разницы. Директор школы из Голландии однажды обратил мое внимание на отсутствие традиций в его собственной и других школах страны и выразил надежду, что со временем, возможно, что-то изменится. В настоящее время мало признаков таких изменений. Традиция едва успела еще вырасти, ибо немногим из существующих школ намного больше двадцати лет, и ее рост сдерживается небольшим числом, что делает невозможным любое широкое распространение масонства среди старичков. Но есть еще одно, более серьезное препятствие. Единый контроль, который правительство осуществляет над всеми школами, как государственными, так и частными, какими бы преимуществами они ни обладали, безусловно, препятствует развитию той индивидуальности, которая делает "старую школу" для многих английских мальчиков чем-то большим, чем местом, где он должен был делать уроки и готовиться к экзаменам.

Черновой набросок интерьера голландской школы, несомненно, будет интересен. Одну из немногих обеспеченных школ в Голландии можно считать довольно типичной для своего класса, но не для государственных школ, хотя она конкурирует с ними и сочетает классические и современные курсы. Он расположен за городом, недалеко от небольшой деревни, и в этом отношении также отличается от "Гимназий" и "высших бюргерских" школ, которые все

расположены в крупных городах. Одна из первых вещей, которая привлекает внимание, - это большое количество учителей. Поначалу кажется, что мальчиков едва хватает на всех. Это связано с законом, который требует, чтобы каждый магистр был квалифицирован для преподавания своего конкретного предмета либо с университетским дипломом, либо с эквивалентным дипломом. Немногие имеют более двух дипломов, и, следовательно, большая часть преподавания ведется мужчинами, которые посещают эту и другие школы два или три раза в неделю. В этом конкретном фонде три постоянных мастера - иностранца, но такое расположение является исключительным. В классах редко бывает больше полудюжины мальчиков, и очень часто учеников берут поодиночке, и поэтому каждому мальчику уделяется большое количество индивидуального внимания. Такая школа разделена на шесть классов, но не для целей обучения; дневная работа для каждого мальчика организована по-разному, и в этих классах просто фиксируются результаты последнего экзамена. Некоторые уроки длятся час, но остальные длятся всего три четверти часа; однако по количеству они восполняют недостаток продолжительности, составляющий примерно девять с половиной часов в день. Из-за того, что время так сильно распределено, можно усомниться в том, что объем выполняемой работы здесь хоть сколько-нибудь больше, чем в средней английской школе, где совокупное количество рабочих часов значительно меньше. Однако среди наших голландских друзей, возможно, найдутся и другие, разделяющие их мнение, распространено мнение, что английские школьники учатся очень немногому, кроме легкой атлетики.

Что касается спорта и развлечений, то это единственные школы, к которым проявляют какой-либо интерес и поощряют их. Зимой в большинстве полупраздничных дней здесь играют в футбол, а иногда и в воскресенье, а иногда его место занимает хоккей. Следует признать, что уровень игры не очень высок ни в той, ни в другой игре, хотя многие мальчики усердно работают и, при более благоприятных возможностях, могли бы вырасти в высококлассных игроков; но поскольку в школе всего около тридцати мальчиков, конкуренция за места в командах не очень острая. Недавно появилась гребля, но не в пользу футбольной команды eleven. Кстати, можно отметить, что в Голландии играют только в ассоциативный футбол; игра в регби строго запрещена директорами школ и родителями как слишком опасная. Предпринимались попытки ввести крикет, но эта игра не вызывает особого энтузиазма. Однако здесь есть корт для большого тенниса, который постоянно используется в течение летнего семестра. Езда на велосипеде очень популярна не только у нас, но и в Голландии в целом; на самом деле, большинство мальчиков, похоже, предпочитают эту форму упражнений любой из упомянутых игр.

Будь то на работе или в игре, все мальчики находятся под постоянным присмотром того или иного из местных мастеров, и руководитель не за горами. Нескольким старшекласникам разрешено выходить за пределы территории, когда им заблагорассудится, но остальные могут выходить только под присмотром учителя. Однако, несмотря на этот кажущийся строгим надзор, реальной дисциплины не так уж много. Телесные наказания не допускаются; и общественное мнение, и закон страны против этого. Другие наказания, такие как заключение под стражу и принудительные работы, неэффективны и обычно рассматриваются виновным как несправедливое ограничение его свободы. Следовательно, учителя не имеют большой власти над мальчиками, которые могли бы, если бы захотели, совершать бесконечные пакости, не опасаясь болезненных последствий, при условии, что они не сделали ничего, заслуживающего исключения; но молодой голландец, по-видимому, не проявляет особой предприимчивости в этом направлении. Возможно, его привязанность к душистой травке иногда удерживает его от

проказ, поскольку обычно он учится курить в нежном возрасте с согласия родителей, и для его сигары не делается никаких исключений, кроме как во время уроков; но, безусловно, поразительно видеть, как мальчики курят во время своих игр, а также во всех других возможных случаях.

Значительная часть мальчиков в "Гимназии", возможно, большинство из них, поступают в университеты, некоторые, чтобы получить квалификацию для получения изучаемых профессий, другие потому, что в Голландии, как и в других странах, вошло в моду молодым людям, которые не намерены выбирать какую-либо профессию, провести несколько лет в университете в поисках удовольствий и опыта; но опыт в данном случае особенный и уникальный.

Глава XIV

Университеты

Что касается самих университетов, то нет необходимости рассматривать их отдельно, поскольку все четыре из них - Лейденский, Гронингенский, Утрехтский и Амстердамский - схожи по структуре. В них нет жилых помещений, нет красивых зданий, нет конкурирующих колледжей, нет преподавателей или прокторов и нет "ворот"; они также не являются независимыми корпорациями, такими как Оксфорд, Кембридж и Дарем, поскольку, хотя они сохраняют некоторые внешние формы, напоминающие о былой независимости, теперь они поддерживаются и управляются полностью государством, которое платит профессорам и предоставляет необходимые здания. Предметы, которые должны преподаваться, и экзамены, которые должны проводиться на различных факультетах, определены законом. Следовательно, университеты демонстрируют тот же недостаток индивидуальности, что и школы, и, по крайней мере, постороннему человеку, кажется, что при нынешнем *режиме в них нет ничего от "Альма-матер"*, и нет реальных оснований предпочесть какой-либо из них другим. В то же время отцы обычно отправляют своих сыновей в университеты, в которых они сами учились, за исключением случаев, когда они и профессора придерживаются совершенно разных политических взглядов, но такой обычай может быть обусловлен как национальной любовью к порядку и регулярности, так и любой реальной привязанностью к конкретному университету. Что касается политических взглядов профессоров, то их влияние на студентов в большинстве случаев не может быть очень большим, поскольку ограничивается эффектом, производимым лекциями, поскольку между преподавателем и преподаваемыми нет социального общения. Профессора, хотя и очень образованные люди, не пользуются каким-либо большим общественным положением, и это звание не имеет ничего общего с тем же рангом, что в некоторых других странах.

Система, по которой работают эти университеты, может быть, и здоровой и логичной, насколько это возможно, и более современной, чем английская система общежитий, которую ее враги высмеивают как средневековую и монашескую; но это железная система, разработанная с целью подготовки людей к экзаменам, и которая ничего не делает для поиска перспективных ученых или поощрения оригинальной работы и исследований среди тех, кто получил свои степени или, согласно голландскому выражению, получил "повышение". Здесь нет ни стипендий, ни чего-либо еще, что могло бы служить той же цели, хотя какое-либо подобное учебное заведение вряд ли могло бы найти более благоприятную почву, чем Голландия.

Наставления очень ученого и тщательного характера предлагаются тем, кто желает и может их получить, и это все. Занятия открыты для всех, кто платит необходимые взносы, которые невелики, хотя степень доктора может быть присвоена только тем, кто сдал выпускной экзамен по "Гимназии" или аналогичный экзамен, и, при условии оплаты этих взносов, студент волен поступать так, как ему заблагорассудится, в той мере, в какой это касается его университета.

Дисциплины здесь нет никакой, за исключением очень редких случаев, когда закон предусматривает исключение нарушителей; только кандидатов-богословов косвенно удерживают от неоправданного легкомыслия необходимостью получения сертификата о хорошем поведении по окончании курса. Здесь нет часовни, которую нужно содержать, поскольку религия и мораль студента - полностью его личная забота; здесь нет "коллекций", поскольку, если человек не предпочитает читать, он не вредит никому, кроме себя, своим бездельем; и здесь нет суда вице-канцлера, поскольку теоретически студенты наравне с другими людьми стоят перед законом, хотя на практике полиция редко вмешивается в их дела больше, чем может помочь. Неудивительно, что молодые люди, недавно окончившие школу, иногда злоупотребляют такой исключительной свободой, но их представления о наслаждении довольно странны в глазах иностранцев. Кажется, одно из их любимых развлечений - развезжать по городу и окрестностям в открытых экипажах. По особым случаям все члены клуба выходят на улицу в маленьких круглых шапочках своих клубных цветов в сопровождении, скорее всего, оркестра и процессией отправляются в какой-нибудь соседний город, где ужинают; ночью или на следующее утро они возвращаются, все шумно пьяные, поющие и кричащие, размахивающие флагами и разбрасывающие по дороге пустые винные бутылки. Я не хочу подразумевать, что все голландские студенты ведут себя подобным образом, но подобные выставки, к сожалению, не редкость и показывают, до каких пределов дозволено доходить "свободе".

Однако даже свободе студентов есть предел, как явствует из следующего анекдота. Один из этих молодых людей устроил у себя дома вечеринку с вином, и кто-то предложил, шутки ради, разбудить молодую женщину, живущую в доме напротив, и поднять ее с постели, поэтому была выпущена ракета через открытое окно. Бомбардировка возымела желаемый эффект, но в результате также загорелся дом, и отцу джокера пришлось возместить ущерб. Затем делом занялась полиция, и преступник получил несколько недель тюремного заключения за поджог, после чего вернулся в университет и возобновил прерванную учебу. О лишении свободы не могло быть и речи, поскольку суд просто назначил наказание, предусмотренное Кодексом, и не было никакого другого органа, который вообще имел право вмешиваться в это дело.

Как легко себе представить, студенты в целом не пользуются популярностью у горожан, которых возмущает неравное отношение к двум классам, не потому, что они желают одинаковой степени вольности, а потому, что все, что похоже на буйство, сильно контрастирует с их собственными привычками; а экстравагантность, нередкий недостаток среди студентов в Голландии или где-либо еще, абсолютно отвратителен среднему гражданину Нидерландов. Это чувство обиды, кажется, растет и уже оказало некоторое влияние на гражданские власти; если студенты однажды обнаружат, что потеряли свое привилегированное положение, им придется благодарить только самих себя, и, конечно, перемена не причинит им вреда.

Но хотя определенное количество людей поступает в университеты просто для того, чтобы развлечься или быть в моде, большинство из них хорошо работают, даже если они не посещают

лекции регулярно на протяжении всего курса. На некоторых факультетах частный коучинг предлагает более быстрый и простой способ "продвижения", чем более ортодоксальный - через аудиторию. Несомненно, есть те, кто не спешит покидать прелести студенческой жизни, но не многие цепляются за них так упорно, как некий голландский студент, которому родственник завещал щедрое пособие, которое будет выплачиваться ему до тех пор, пока он будет готовиться к получению ученой степени. Он стал известен как "вечный студент", к великому гневу наследников, которые ждали возвращения его наследия. Для большинства мужчин обычный курс достаточно длительный, поскольку в среднем он составляет, возможно, шесть или семь лет, хотя фиксированного срока нет, и кандидаты могут сдавать экзамены, как только им заблагорассудится. Номинальный курс, то есть время, в течение которого читаются лекции, варьируется на разных факультетах: от четырех лет на юридическом факультете до семи или восьми на медицинском, но очень немногим людям удается или пытаются получить степень юриста за четыре года. Другими факультетами являются теология, естественные науки, включая математику, а также литература и философия.

Степень доктора присваивается на этих пяти факультетах, и для ее получения необходимо сдать два экзамена - кандидатский и докторский. После сдачи последнего студент носит звание *doctorandus* до тех пор, пока он не напишет книгу или диссертацию и не защитит ее *живым голосом* перед экзаменаторами. Затем его "повышают" до ученой степени - церемония, которая обычно косвенно влечет за собой определенные расходы. По-видимому, новоиспеченному доктору подобает разъезжать с важным видом, украшенный цветами своего клуба, в сопровождении друзей, великолепно переодетых лакеями, и оставлять экземпляры своей книги в домах профессоров и товарищей по клубу, после чего он, конечно же, отмечает это событие в неизменной голландской манере - ужином. Однако многие студенты не имеют права пытаться получить ученую степень, не пройдя "Гимназию", а другие не желают этого делать. Иногда кандидатский экзамен дает право заниматься какой-либо профессией и открыт для всех, в других случаях, например, на медицинском факультете, он не дает квалификации и открыт только для кандидатов на получение ученой степени, но есть и другой, "профессиональный" экзамен, для тех, кто не стремится к декоративному званию.

Стоимость жизни в университетах, естественно, во многом зависит от вкусов и привычек студента. Он платит Университету всего 200 флоринов (£ 16 13s 4d) в год в течение четырех лет, после чего он может посещать лекции бесплатно, поэтому минимальные годовые расходы невелики; но следует иметь в виду, что курс примерно в два раза длиннее, чем в Англии. Довольно много студентов живут со своими семьями, что дешевле, чем проживание в квартирах; и поскольку представлены почти все классы, существует значительная разница в их уровне жизни. Некоторые из них, безусловно, экстравагантны, как и во всех университетах, что приводит к повышению цен, но, с другой стороны, многие из них - мужчины, чьи родители с трудом могут позволить себе такие расходы, но соблазняются ценностью, которую придает университетская карьера в Голландии, и это снижает средний показатель. Между этими двумя крайностями находится множество людей, которые очень хорошо зарабатывают на 150 фунтов стерлингов или около того в год, и 200 фунтов стерлингов, вероятно, считаются достаточно щедрым пособием для родителей, которые легко могли бы позволить себе большую сумму. Даже студенческий корпус не требует больших затрат, поскольку он состоит из нескольких небольших клубов, и почти все в него вступают, так что темп не всегда одинаков; студенты, которые хотят снизить свои расходы, естественно, объединяются с друзьями, находящимися в

аналогичном положении, оставляя более экстравагантные клубы молодым людям, у которых много свободных денег.

Корпус - единственное связующее звено, которое объединяет студентов там, где нет колледжей, а легкая атлетика играет лишь очень малую роль. У каждого университета есть свой корпус, к которому принадлежат все студенты, за исключением нескольких, которые не принимают участия в обычной студенческой жизни и известны как "боевены", или "лжецы". Ректор и Сенат ежегодно избираются из числа членов, проработавших четыре или пять лет, для управления делами корпуса. Чтобы стать членом клуба, первокурсник, или "зеленый", как его называют в Голландии, должен пройти довольно тяжелое посвящение, которое длится три или четыре недели. Представившись от своего имени Сенату, он должен обратиться к членам корпуса и попросить их расписаться в книге, которую время от времени проверяет Сенат, и при каждом посещении он подвергается изрядной "взбучке", поскольку, поскольку он не может уйти, пока не получит подпись хозяина, он полностью во власти своих мучителей. Если он не подчиняется их приказам беспрекословно и не предоставляет любую информацию, которая им может потребоваться о его личных делах, ему, вероятно, придется несладко, но пока он проявляет должную покорность, его обычно отпускают с небольшим безобидным одурачиванием. Одного "зеленого", застенчивого и замкнутого юношу, которому совсем не нравились дерзкие расспросы о его нравственности и семейной истории, заставили встать у окна и дать полный и подробный отчет о себе прохожим, с интересными подробностями, предоставленными компанией. Иногда, однако, шутки бывают более жестокими и менее забавными. Например, в наказание за то, что он не пользовался бутылкой, жертву заставляли становиться на колени на полу с воронкой во рту, в то время как его мучители вливали возлияния ему в горло.

Когда "зеленое время" заканчивается, ректор назначает новых членов корпуса и они процессией объезжают город, завершая, конечно же, клубным ужином. Штаб-квартира корпуса находится в Студенческом клубе, который более или менее соответствует "Союзу" в английском университете, хотя и отличается от последнего в двух важных отношениях: во-первых, здесь нет дебатов, а во-вторых, членами являются исключительно студенты, поскольку, как я уже заметил, между профессорами и их учениками нет социальных контактов. Читальные залы клуба - любимое место отдыха очень многих студентов, но следует признать, что литература, поставляемая там, не всегда очень полезна, поскольку включает в себя "реализм" самого смелого описания с соответствующими иллюстрациями и непристойные парижские комиксы. Каждый член корпуса также принадлежит к одному из второстепенных клубов, из которых он состоит, и которые, по-видимому, представляют собой не что иное, как беспорядки, очень часто состоящие всего из дюжины членов или меньше.

Существует несколько спортивных клубов, также находящихся под контролем корпуса, но они не играют очень заметной роли, поскольку вкус к спортивным упражнениям присущ лишь незначительному меньшинству. Учитывая небольшое количество игроков, уровень мастерства, достигнутый в таких экзотических играх, как футбол и хоккей, на удивление высок. Гребля еще лучше и привлекает большее количество зрителей, поскольку, возможно, больше соответствует физическим характеристикам гонки, чем те игры, для которых ловкость более необходима, чем вес и сила. Ежегодно между несколькими университетами проводятся лодочные гонки, в которых экипажи, как правило, в очень хорошей форме. Если я не ошибаюсь, некоторые голландские команды, которые выступали в Хенли, представляли университетские клубы.

Однако типичный студент, хотя и достаточно хорошо сложен и мускулист, не имеет никаких амбиций стать спортсменом или смириться с усталостью и самоотречением от тренировок. Вероятно, его образ жизни и отвращение к легкой атлетике в большей степени, чем продолжительность курса обучения, объясняют его пожилой вид, поскольку он не только явно старше среднего студента, но и начинает выглядеть как человек средних лет как по лицу, так и по фигуре почти до того, как начинает расти.

Прежде чем оставить тему студенческого корпуса, необходимо упомянуть о большом карнавале, который каждый корпус проводит каждые пять лет в ознаменование основания своего университета. "Люстрим-маскарад", который является главным событием недели празднеств, представляет собой историческое представление, представляющее какое-либо событие в средневековой истории Голландии. Главные действующие лица выбираются из числа самых богатых студентов и не жалеют сил и средств на подготовку своего костюма, в то время как второстепенные роли распределяются по различным клубам корпуса, каждый клуб представляет отряд слуг или латников на службе у одного из мнимых принцев или рыцарей. В течение шести дней актеры сохраняют свои великолепные костюмы и разыгрывают свои роли, даже когда совершают экскурсии по окрестностям в компании друзей и родственников, которые приходят присоединиться к празднованию, и смесь средневековых и современных костюмов на улицах производит несколько нелепый эффект. В первый день посетителей официально встречают офицеры корпуса. Бывшие студенты всех возрастов встречаются со своими старыми товарищами, и мужчины каждого года, пообедав вместе, вместе идут в сад или парк, где проводится прием. Невозможно представить себе что-либо менее похожее на обычное спокойное и серьезное поведение этих старшекласников, чем то, как они танцуют и поют по городу, ибо самые старые и степенные из них полны такого же дикого и нелепого энтузиазма, как и самые юные студенты; и их прибытие на прием в сопровождении музыкальных коллективов, скачущих и горланящих студенческие песни, как их сыновья и внуки, по меньшей мере, комично. Но такой случай выпадает только раз в пять лет, и они, естественно, используют его по максимуму.

На следующий день проводится маскарад, начинающийся с шествия к земле, и повторяется два или три раза перед огромными толпами зрителей, поскольку горожане взволнованы не меньше студентов и родственников, по крайней мере, в первые два дня. Всегда прилагаются большие усилия, чтобы обеспечить историческую достоверность каждой детали, и ведущие роли часто исполняются превосходно, и, должно быть, неромантическая одежда зрителей портит эффект и наводит на мысль о цирке. Если бы только толпу можно было привести в гармонию с маскарадистами в вопросе одежды, иллюзия была бы полной; а так трудно даже на мгновение представить, что рыцари, которые так храбро атакуют на ристалище, намереваются нанести друг другу какой-либо серьезный ущерб. Турнир очень часто является темой конкурса или важной его частью, а иногда вызов и единоборство вводятся как своего рода *антракт*. В последние четыре дня праздника нет фиксированного порядка действий; балы, концерты, вечеринки в саду и так далее устраиваются так, как может быть удобнее, в то время как промежутки времени тратятся на визиты, ужины и поездки. Только к концу недели ни один студент не снимает свой веселый костюм и не надевает более прозаичную одежду своего времени. В течение всей недели влияние корпуса, который является жизнью университета с точки зрения студента, проявляется в коллективном характере всех праздников, все делается либо самим корпусом, либо под его руководством. Сравнивая это празднование с неделей

Памяти, мы, возможно, сможем составить очень четкое представление о типичных различиях между студентами Голландии и нашей собственной страны.

Глава XV

Искусство и литература

Искусство страны всегда находится в единстве с характером народа. Она отражает их идеи и чувства; их история отмечена своим прогрессом или упадком; и она демонстрирует влияния, которые действовали в умах и самой жизни нации, из которой она происходит. Если это верно для всех стран, то нигде это не проявляется так явно, как в Голландии. Там искусство претерпело наиболее решительные изменения в различные периоды войны и вооруженного мира, через которые прошла маленькая страна. Действительно, можно сказать, что "первой улыбкой молодой Республики было искусство, ибо это произошло только после восстания голландцев против испанцев ... эта картина достигла высокой степени совершенства. "Мы привыкли слишком легко считать само собой разумеющимся, что слава голландского искусства осталась в прошлом; что работы и слава Ван Эйка, Рубенса, Рембрандта, Ван Дейка и Рейсдаля подводят итог вкладу Голландии в мировое искусство и что эта глава ее истории, как и главы, посвященные ее морскому господству, промышленному величию и борьбе за свободу, закрыта навсегда. Ничто не может быть дальше от этого факта. Голландское искусство никогда не было более мужественным, более оригинальным, более самосознательным, чем сегодня, когда оно представлено группой людей, чей гений и энтузиазм напоминают великие имена прошлого. Профессор Ричард Мутер хорошо сказал в своей "Истории современной живописи", что "голландское искусство сейчас не находится в состоянии застоя, оно такое же свежее и разнообразное, как в былые дни своей славы".

Среди современных голландских художников действительно немало людей самого высокого ранга, и некоторые из них, как, например, три брата Марис, не имеют себе равных. Джейкоб Марис, умерший совсем недавно, в 1890 году, был известен своими великолепными пейзажами, а еще больше - городскими снимками и пляжными сценами. Виллем Марис питает пристрастие к лугам, на которых спокойно пасется крупный рогатый скот. У Тиса Мариса совсем другой стиль. Он рисует серые и туманные фигуры и пейзажи, все туманные и едва различимые. Его любовь к неясному и наводящему на размышления привела к тому, что посетители часто отказывались от его портретов, жалуюсь, что им не хватает четкости. Однако ни один художник не предлагает таких высоких цен, как он, и от 2000 до 3000 фунтов стерлингов - не редкость для его полотен.

Х. В. Месдаг - самый знаменитый художник-мореход Голландии. Он с удивительной силой изображает вечно бушующий океан и переносит пение волн и крик диких морских птиц в свои великие картины, которые рассказывают о жизни и тяжелом труде рыбаков, никогда не устающих водах и постоянно меняющихся аспектах моря и неба. В этой области ему нет равных, и он, безусловно, проделал великолепную работу. Каждое воскресное утро Месдаг проводит выставку своих работ в своей студии в Гааге, и любой желающий может посетить ее, а для широкой публики в том же городе есть панорама Месдага.

Мауве, умерший в 1887 году, был наиболее известен своими пасторальными сценами. Его фотографии овец на вересковых пустошах и болотах вызывают приятные воспоминания о летних днях и солнечных часах.

Джозеф Изразлс в значительной степени руководствовался своими мотивами, связанными с жизнью рыбаков, хотя одна из его самых известных работ - благородная "Давид до Саула".

Босбум естественным образом ассоциируется с церковными интерьерами, выполненными на удивление хорошо; Бломмерс, Артц и Блес также рисуют интерьеры, причем первые двое предпочитают выбирать сюжеты из домов рабочего класса, в то время как Блес ограничивается жилищами богатых.

Биссшоп, несомненно, лучший из голландских художников-портретистов, хотя его натюрморты считаются даже более художественными, чем портреты. Выдающейся художницей женского портрета и фигур является Тереза Шварце, которая, как и Джосселин де Йонг, часто выбирает королеву Вильгельмину в качестве благодарного объекта для своей кисти.

Вышеперечисленных можно рассматривать как художников старой школы, хотя каждый из них обладает такой оригинальностью, что фактически является инициатором отдельного направления. Новые школы представлены такими людьми, как Дж. Туроп, Воерман, Ферстер, Камерлинг Оннес, Бауэр и Хойтема.

Туроп - известный символист. Его стиль скорее восточный, чем голландский, и его темы по большей части носят мистический характер. Он известен также своим декоративным искусством. Этот многогранный человек, вероятно, величайший художник Голландии. Он эксперт практически во всех областях искусства. Офорт, пастель и акварель, живопись маслом, резьба по дереву, литография, работа с серебром, медью и латуной, лепка из глины в равной степени относятся к его достижениям, хотя как художник он, конечно, наиболее известен.

Воерман, когда-то известный своими детально нарисованными цветами, теперь является ярко выраженным пейзажистом. Его этюды с облаками великолепны, хотя, возможно, краски пейзажа несколько жестковаты и преувеличены в попытке добиться желаемого эффекта. Он рисует, как правило, движущиеся кучевые облака и является одним из первых молодых художников.

Ферстер больше всего известен своим импрессионистским способом рисования цветов цветными пятнами, хотя сейчас он перешел к мелкому и мистическому методу их изображения.

Оннес, как и Туроп, убежденный мистик, и во всех его картинах чувствуется нотка мистицизма. Он известен своими световыми эффектами в стекле и керамике и особенно замечательно умеет рисовать хоры в церквях в мечтательном свете.

Бауэр, пожалуй, больше известен по своим рисункам и офортам, чем по картинам. Он рисует поразительной красоты старые церкви, храмовницы и мечети, в основном экстерьеры, и эффект от его мельчайших работ замечателен. Бауэр также является одним из лучших голландских художников-декораторов.

Хойтема известен своими иллюстрациями. Животный мир - его *сильная сторона*, особенно совы и обезьяны.

Среди других молодых художников, которые, хотя еще и не приобрели европейской репутации, все еще могут быть причислены ко многим представителям старшего поколения, Ян Вет и Х. Хаверман, оба преуспевают в портретах. К женщинам-художницам, которые лучше всего зарекомендовали себя у сильного пола, относятся, помимо названных, мадам Бильдерс ван Боссе, которая с поразительной силой рисует леса и лиственные рощи; и покойная мадам Дж. Фогельс-Рузевум, которая черпала свое вдохновение во флоре Природы. В свое время (она умерла в 1894 году) она была первой из художников-флористов, и всякий раз, когда она поднимала кисть, прекраснейшие цветы расцветали как по мановению волшебной палочки. Второй после нее, хотя и не столь известной, была мадемуазель В. ван дер Санде Бахейзен.

Голландцы - нация не только художников, но и любителей картин, хотя в Голландии, как и в других странах, нередко можно увидеть на стенах, от которых следовало бы ожидать большего, безвкусовые произведения искусства, о которых все, что можно сказать, - это то, что они были куплены дешево. В стране есть несколько хороших общественных галерей, и многое делается таким образом и путем частых выставок картин, чтобы привить любовь к искусству. Основные выставки - это выставки студии Пульхри и художественного кружка (Kunst-kring) в Гааге, а также "Искусство и дружба" в Роттердаме. Стать работающим членом студии Pulchri считается большой честью, поскольку художники, входящие в комитет, очень разборчивы в том, кого они допускают в свой круг, и они безжалостно вычеркивают любого, кто хоть немного "дилетант" или кто не соответствует их высоким стандартам. По этой причине так много молодых художников устраивают выставки своих собственных работ как единственный способ привлечь к ним всеобщую известность.

Скульптура в Голландии не очень распространена. Казалось бы, это искусство, почти полностью принадлежащее южному климату, хотя было время, когда голландцы лепили бюсты и головы из снега. Памятник Питу Хайну изначально был сделан из снега, и он настолько понравился жителям Делфтсхейвена, места его рождения, что они приказали воздвигнуть ему каменный памятник на том месте, где раньше стоял памятник из снега. Однако лишь недавно скульптура была вновь представлена в Голландии как изобразительное искусство, и тем художникам, которые взялись за нее, вряд ли стоит опасаться конкуренции со своими собратьями из других континентальных стран, поскольку их имена уже на каждом языке. Первым среди тех, кто продемонстрировал реальную власть, является Пьер Пандер, сын-калека фризского плетельщика циновок, который приехал из Рима (куда он уехал для завершения учебы) по специальному приглашению королевы, чтобы создать модель бюста принца-консорта, герцога Хендрика Мекленбург-Шверинского. Другими известными скульпторами являются Ван Маттос, Ода, Барт де Хов и Ван Вик.

Существует также другое искусство, которое находится в большой моде и в котором было проделано много хорошей работы, - резьба по дереву. В этом художник и иллюстратор Хойтема проявил значительное мастерство. Нет нужды говорить, что Голландия также, как и прежде, славится своей керамикой. Делфтская посуда всегда была славой голландской нации, хотя керамика Розенбаха и Гауды сейчас завоевывает признание. Однако можно усомниться в том, что любовь к последней совершенно лишена наигранности. Можно предположить, что многие из его поклонников с энтузиазмом относятся к заказу. Они восхищаются, потому что ведущие авторитеты уверяют их, что это их долг.

Нидерланды, хотя и очень ограничены по площади и малочисленны по населению, также могут похвастаться тем, что внесли большой вклад в мировую литературу, и в их списке известных литераторов можно найти имена, которые избавили бы любую страну от обвинения в интеллектуальном бесплодии. Спиноза, Эразм и Гуго де Гроот (Гроциус), не говоря уже о других, образуют трио, влияние которого на мировоззрение и на движения, способствующие человеческому прогрессу, было неоценимо и которое по сей день остается нетленным наследием человечества.

В качестве иллюстрации всемирной известности Хьюго де Гроота интересно отметить, что по случаю Мирной конференции, состоявшейся в Гааге в 1899 году, американские представители пригласили всех своих коллег-делегатов в Делфт, и там, в церкви его захоронения, были зачитаны документы, в которых требование великого мыслителя о вечном почитании было перенесено в память собравшихся представителей цивилизованного мира.

Однако эти страницы должны касаться современной литературы и литературных движений Голландии, и для практических целей мы можем ограничиться главным образом последней частью завершившегося столетия. Ибо начало девятнадцатого века отнюдь не было плодотворным в литературных достижениях и не могло похвастаться многими великими именами, если не принимать во внимание писателей, чьи жизни связывали это столетие с его предшественником, таких как Бетъен Вольф и Агата Декен. Когда в 1814-15 годах Голландия снова стала отдельным королевством, это важное событие не ознаменовало новую эру в голландской литературе. Как ни странно, хотя политические перемены того времени оказали сильное влияние на родственные искусства музыку и живопись, которые демонстрируют явные следы перехода к тому кризису в истории страны, на литературу они не оказали никакого влияния. До 1840 года на первый план не выходили особо блестящие писатели, хотя в тот период не обошлось без известных имен, таких как Виллем Билдердаик, Хендрик К. Толленс и Исаак да Коста, все они пользовались значительной популярностью. Главной претензией Билдердейка на известность является тот факт, что он написал более 300 000 стихотворных строк и считал себя выше Шекспира; Толленс славился редким патриотизмом и написал много прекрасных исторических поэм и баллад; в то время как Да Коште, который был обращенным евреем, приходилось до последнего, несмотря на значительную популярность как поэта, бороться с часто фатальными насмешками.

Однако около 1840 года начался новый период в движении *Gids*, продвигаемом Э.Дж. Потгитером и Р. К. Бахейзенем ван ден Бринком, которые были редакторами *Gids* и самыми строгими литературными критиками. *Gids* был голландским эквивалентом *Edinburgh Review* под руководством Джеффри, и нервный голландский автор того времени так боялся его критики, что журнал получил название "Голубой палач", поскольку обложка была синего цвета. Однако, если Потгитер и Бакхейзен были беспощадны в использовании томагавка, услуга, которую они оказали голландской литературе своим решительным обращением с грубыми и незрелыми произведениями, была полезной и оказала длительное влияние, поскольку это, несомненно, подняло тон и стандарт литературного творчества как в те дни, так и на долгое время вперед, и таким образом помогло установить современную голландскую литературу на прочной основе. Возможно, выдающейся фигурой в последовавшем литературном возрождении был Конрад Бускен Хьюэт, бесспорно, величайший голландский критик прошлого века, чья книга "Литературная критика и фантазии", содержащая разборчивый обзор всех писателей от Билдердейка и далее, необходима для тщательного изучения голландской литературы

девятнадцатого века. Хьюэ также освободил литературу от ортодоксальности в мышлении, которая была характерна для ранних голландских писателей, особенно своим романом "Лидевайд".

Ни один романист так верно не отразил старомодные идеи и простую домашнюю жизнь Голландии, как Николас Битс, который до сих пор живет и даже время от времени пишет, хотя ему уже почти двадцать. Его "Камера-обскура", переведенная на английский, дает право Битсу быть признанным голландским Диккенсом, а два его романа, "Семейство Стасток" и "Семейство Кегге", знакомы каждому голландцу. Нельзя упускать из виду писателей-историков Якоба ван Леннепа и миссис Босбум Туссен.

Одним из выдающихся голландских поэтов столетия является Петрус Августус де Женесте. Хотя он не свободен от риторики и часто использует старые и избитые сравнения, его общий взгляд на вещи шире, а чувства глубже, чем у любого из его современников в стихах. Контраст, например, между ним и Карелом Восмаэром, хотя они принадлежат к одному и тому же жепериоду, очень разителен, ибо, в то время как поэзия Женесте полна чувства и идеальности, поэзия Восмаэра бесстрастна; и хотя он облакает свои мысли в красивые слова, впечатление, оставляемое в уме после прочтения его стихов, такое же, какое может остаться после взгляда на изящно вылепленный кусок мрамора - он прекрасен как произведение искусства, но холоден и мертв, и поэтому не вызывает ответной симпатии в уме смотрящего.

Но величайшим из современных голландских авторов и тем, кого можно назвать предтечей возрождения 1880 года, был Э. Доувс Деккер, умерший тринадцать лет назад. У Деккера была насыщенная событиями карьера. В возрасте двадцати одного года он отправился в Голландскую Индию и провел там около семнадцати лет в официальной жизни, постепенно поднявшись до должности помощника резидента Лебака. Во время занятия этого поста у него открылись глаза на несовершенную систему управления, существующую в Колониях, и на злоупотребления, которым подвергались туземцы. Он пытался заинтересовать высших должностных лиц от имени подвластных рас, но поскольку все его усилия оказались тщетными, он впал в уныние и, оставив свой пост, вернулся в Голландию с целью отстаивать в правительственных кругах на родине дело, которое он принимал так близко к сердцу. Поскольку ко всем его мольбам по-прежнему не прислушивались, он решил, в качестве последнего средства, ходатайствовать о слушании дела в суде общественного мнения. Он занялся литературой и написал волнующий рассказ "Макс Хавелаар", в котором озвучил обиды туземцев и жестокую несправедливость, творимую колониальными властями. Книга произвела большую сенсацию и, несомненно, имела очень полезные результаты, открыв общественности глаза на некоторые из наиболее вопиющих недостатков колониальной администрации.

В 1880 году голландская литература вступила в совершенно новую фазу. Главными авторами начавшегося тогда движения были Лодеврик ван Дейссел, Альберт Вервей и Виллем Клоос, которые в ежемесячном журнале "*Новые гиды*" оказали своей резкой критикой такое же благотворное и сдерживающее влияние на литературу того времени, какое Потгитер и Бахуизен оказали сорока годами ранее. Колонки *Nieuwe Gids* были открыты только для самых лучших голландских авторов, и любые произведения, не соответствующие высоким представлениям редакции о литературном совершенстве, безжалостно "отметались" этими компетентными критиками. Независимость была характерной чертой авторов того периода. Они освободились от старых мыслей и сравнений и проложили новые пути, на которых их умы находили более

свободное выражение. Новые мысли требовали новых слов, отсюда возникла практика словосочетания, которая прямо противоречила преобладавшим до сих пор консервативным канонам литературного стиля, так что в наши дни почти каждый автор добавляет в голландский язык свой собственный словарный запас, тем самым усиливая очарование своих произведений и приумножая литературное богатство нации в целом.

Поэтесса, которую Голландия сегодня больше всего любит читать, - Хелена Лапидот Суорт, чьи произведения с каждым годом становятся все ценнее и красивее. Ее владение голландским языком и умение извлекать из него литературные ресурсы, недостижимые для любого другого писателя, сделали ее предметом восхищения всех критиков журнала *penetration*. Луис Куперас - еще один ныне живущий поэт Марка, который, однако, не ограничивается формальным стихосложением, поскольку его проза - это тоже поэзия. Его лучшие произведения - "Эльме Вере", первая написанная им книга, персонажи которой, как говорят, взяты из жизни, а также его романы "Величество" и "Всеобщий мир", которые снискали ему европейскую известность, поскольку были переведены на большинство современных языков.

Женщины-писательницы, написавшие произведения с особым уклоном, - это Корнели Гюйгенс, известная, в частности, по своему роману "Бартольд Мэриан"; миссис Гекуп де Йонг, которая отстаивает права женщин; и Анна де Саворнин Ломан, которая в поразительной книге под названием "Зачем дальше сомневаться?" очень резко выступила против политических условий в том кругу общества, в котором она вращается.

В то время как современные авторы благотворно влияют на общественное мнение, прививая более высокие и здоровые чувства, в Голландии, как и везде, есть авторы, которые принижают хороший металл и пишут с чисто материальной точки зрения. К этому классу авторов принадлежат Марцеллус Эмантс и Франс Нетчер.

Из голландских драматических писателей Герман Хейерманс является одним из самых примечательных, и некоторые из его пьес были переведены на французский и поставлены в парижских театрах.

Большим недостатком литературной деятельности в Голландии является то, что *гонорары*, выплачиваемые авторам, настолько низки, что большинство писателей, которые не являются финансово независимыми - а их большинство, - не в состоянии сносно зарабатывать на жизнь дома только пером и вынуждены вносить свой вклад в зарубежные публикации, а некоторые даже прибегают к преподаванию. Многие голландские авторы высокого ранга анонимно пишут в английские, французские и немецкие журналы и, вероятно, зарабатывают таким образом гораздо больше, чем своим вкладом в голландскую эфемерную литературу, поскольку обычная плата за лист в три тысячи слов - что соответствует средней длине печатного листа в голландском журнале - составляет всего сорок франков.

Жаль, что голландская литература сама по себе известна не так хорошо, как она того заслуживает, ибо любой, кто потрудится овладеть голландским языком, найдет для себя достойную награду за сокровища мысли, содержащиеся в произведениях современных голландских авторов.

Глава XVI

Голландцы как читатели

Хотя книгопечатание было изобретено не в Голландии, нация не была бы недостойна этой чести, поскольку книжная культура широко распространена среди всех классов населения, а газеты и периодическая печать вносят в дальнейшем очень большой вклад в ее интеллектуальную пищу. Почти две тысячи книготорговцев и издателей заняты тем, чтобы сделать доступным для своих покупателей все, что они желают прочитать. Нет ничего необычного в том, чтобы найти прилично оборудованный розничный книжный магазин в довольно незначительных городках и даже в деревнях. По замечательной договоренности каждое издательство отправляет посылки с книгами для различных розничных продавцов по всей стране в один центральный дом в Амстердаме - "het Bestelhuis voor den Boekhandel" (Бюро сбора и распространения книг). В этом заведении вскрываются посылки издателей, и все книги, отправленные различными издателями для одного розничного продавца, упаковываются вместе и пересылаются ему по железной дороге, паромом или другим дешевым видом транспорта. Как следствие, любой врач, священнослужитель или школьный учитель может получить брошюру стоимостью пенни или два пенни у себя дома, а также любую книгу или периодическое издание из Лондона, Парижа, Берлина, Вены и т.д. В удивительно короткие сроки, без проблем и без дополнительных почтовых расходов, просто обратившись к местному книготорговцу.

Голландцы очень космополитичны в своем чтении. Многие дети из высших слоев рабочего класса изучают французский в начальных школах; большинство детей среднего класса также изучают английский и немецкий в средних школах, и значительная часть из них способна разговаривать на этих трех иностранных языках; а поскольку возможностей для общения в небольших городах не так уж много, они поддерживают свои знания этих языков чтением. Действительно, пять миллионов голландцев являются, относительно, крупнейшими покупателями иностранной литературы в Европе. Переводчик, однако, приходит на помощь тем, кому удастся настолько сильно забыть свои иностранные языки, что чтение на них доставляет им весьма умеренное удовольствие. Этот вопрос перевода является довольно большим вопросом в отношениях между голландскими и иностранными авторами и издателями. Материальный ущерб, нанесенный иностранным авторам, однако, очень незначителен, в то время как репутация их пошла на пользу; ибо если голландские частные библиотеки не лишены Шекспира, Мотли, Маколея, Диккенса, Теккерея, Кингсли, Браунинга, не говоря уже о французской и немецкой классике, то это в основном связано с тем фактом, что родители нынешнего поколения имели возможность покупать переводы на голландский и объясняли своим детям ценность и красоту этих произведений.

Более того, большинство авторов и издателей в зарубежных странах, использующих языки, распространенные во всем мире, склонны неверно оценивать прибыль, получаемую голландскими издателями из-за их очень ограниченного рынка сбыта. Гонорар в размере 5 фунтов стерлингов за право перевода какого-либо романа считался бы ничтожно малой суммой в английском книжном мире, но 5 фунтов стерлингов в голландской валюте сильно давят на бюджет голландского перевода, из которых всего несколько сотен экземпляров могут быть проданы по розничной цене менее пяти шиллингов, и это почти непомерно высокая цена за авторские права на роман, который используется только в качестве *фельетона* местной газеты

тиражом менее тысячи экземпляров в неделю. На самом деле, многие голландские издатели выплачивают авторские отчисления своим иностранным коллегам, как только публикация становится достаточно важной, чтобы покрыть расходы; но большинство явно откажется от своего древнего "права" на свободный перевод и согласится присоединиться к Бернской конвенции, только если будет найден практически осуществимый способ преодолеть финансовые трудности. Таким образом, в настоящее время голландцы являются читателями-космополитами, прямыми или косвенными. В обычном книжном магазине можно найти, конечно, большинство романов - романов всех видов и состояний, - дополненных литературными эссе и стихотворениями. В ряде случаев книготорговец - это не просто владелец магазина, торгующий печатной продукцией и поставляющий именно то, что просят его покупатели, а образованный и рассудительный человек, который хорошо способен высказать свое мнение о книгах и авторах. Он часто читал их, хотя чаще, конечно, он руководствуется ведущими ежемесячными и еженедельными журналами и обзорами, а также колонками издателей ведущих ежедневных газет. Таким образом, книготорговец во многих случаях является доверенным менеджером и руководящей силой одного или нескольких "Leesgezelschappen", или "Обществ чтения". У этих обществ есть история. В конце восемнадцатого века они часто были политическими и даже революционными организациями. Члены или подписчики встречались, чтобы обсудить книги, брошюры и периодические издания, но часто они предпочитали обсуждать отрывки из книг, касающиеся политических условий, и обсуждали улучшения, которые они считали желательными или необходимыми. С течением времени, когда свободные институты перешли во владение голландцев, политическая миссия Общества чтения была исчерпана, но само учреждение выжило и продолжается по сей день.

Своей особой формой "Лесгезельшап" обязан другой особенности голландцев - их чрезвычайно одомашненному, любящему дом характеру. Семейная жизнь, с ее тонкой близостью между мужем и женой, между родителями и детьми, является самой привлекательной чертой национального существования в Нидерландах. Семейная жизнь действительно является центром, из которого исходят национальные добродетели, потому что там отдельные члены семьи обучают друг друга практике личных добродетелей. Голландец от природы не сдержан и не застенчив; он знает, как жить полноценной, сильной общественной жизнью; он никогда не уклоняется от гражданских обязанностей и общения в обществе; но его любовь к семейной жизни занимает первое место после его страсти к свободе и независимости. Клубная жизнь в Голландии незначительна, и лишь немногие клубы даже пытаются заменить домашнюю жизнь; они просто используются для дружеского общения в течение часа или около того каждый день и как рестораны высшего класса. Голландец предпочитает читать дома, в домашнем кругу, с членами своей семьи, или в своем кабинете, если он занимается каким-либо научным делом, и его "Leesgezelschap" предоставляет ему такую возможность. Существуют военные, богословские, образовательные, филологические и всевозможные научные общества чтения, помимо обществ общей литературы. Они работают по кооперативной системе. Менеджером во многих случаях является местный книготорговец, покупающий голландские и иностранные книги, журналы, обзоры, иллюстрированные еженедельники и брошюры в одном или нескольких экземплярах, в зависимости от количества, вкусов и пожеланий участников. Большинство обществ пользуются книгами и периодическими изданиями на четырех языках - голландском, французском, немецком и английском, - и поэтому их члены хорошо знакомы с мировым мнением. И все это, добавим к этому, обходится

подписчику значительно дешевле, чем плата за услуги англоязычных библиотек, с их ограниченными преимуществами и большими расходами на доставку. Между книгой и газетой находится форма литературы, которая является специфически голландской - "Vlugschrift", *брошюра*, или памфлет. *Брошюра* является старым историческим учреждением. В восемнадцатом веке он был очень популярен как средство выражения рвения пламенных реформаторов, которые таким образом высказывали свое мнение по животрепещущим политическим вопросам того времени. В наши дни нет необходимости в этих маленьких буклетиках, которые так легко спрятать от посторонних глаз, хотя *брошюра* по-прежнему используется всякий раз, когда ведущие деятели Голландии в волнующей речи или страстной проповеди обращаются к эмоциям времени. Эти *брошюры*, как правило, стоят не более шести пенсов, но, тем не менее, у бережливых голландцев есть "Leesgezelschappen", которые покупают и распространяют их среди своих подписчиков; они берут все у всех, никогда не заботясь о том, чье мнение они читают по различным актуальным вопросам, - черта, свидетельствующая о весьма похвальном отсутствии предвзятости.

Это отсутствие предвзятости не так очевидно, когда речь идет о чтении газет. Как и другие люди, голландцы воспринимают такие газеты как защищающие или представляющие их собственные политические взгляды, и часто проявляют по отношению к журналам другой стороны презрительное безразличие, которое является лишь наполовину реальным.

Политические партии Голландии немного отличаются от партий Великобритании, за исключением того, что в первой стране политика и религия идут рука об руку. Таким образом, в Голландии вряд ли существует либерал, который в то же время не продвинут в религиозной мысли, и вряд ли ему можно доверять. В результате либералы потерпели поражение на последних всеобщих выборах не потому, что они были либералами, а потому, что их оппоненты (антиреволюционеры и римские католики) осудили их как нерелигиозных и атеистичных. В политической борьбе религиозный спор принимает форму аргументации за и против влияния религиозных догм на политику и образование.

Теперь, что касается журналистики, либеральные и радикальные газеты, несомненно, лидируют. Римские католики, как и антиреволюционеры, очень стремятся снабжать своих читателей полезными новостями, но это беспокойство не подкрепляется заботой о том, чтобы эти полезные новости были также ранними; следовательно, их журналистика несколько отстала от времени. О большинстве прогрессивных газет можно сказать, что их содержание интересно в целом; что касается остального, то они интересны только благодаря передовым статьям, которые иногда пишут выдающиеся люди.

Что касается тиража, *Het Nieuws van den Dag* может похвастаться тем, что является ведущим журналом, его тираж составляет почти 40 000 экземпляров в день. До настоящего времени его редакторами были продвинутые, или "Современные", протестантские священнослужители в лице Саймона Гортера, Х. де Вира и П.Х. Риттера. Несмотря на то, что газета не занимает сильной политической позиции, она явно склоняется к умеренному либерализму, и, благодаря своей дешевой цене - 14,6 шиллингов в год, - обширному, предусмотрительно и тщательно подобранному и сформулированному источнику новостей, а также мудрому управлению, она стала семейной газетой голландцев, превосходно удовлетворяющей скромный вкус среднего класса страны. Она встречается повсюду, за исключением тех немногих мест, где Римско-католическая церковь имеет достаточное влияние, чтобы добиться ее бойкота. В "*Ньюс*", как его

обычно называют, содержится от двадцати четырех до тридцати двух, а то и больше страниц мелко напечатанного материала, из которых реклама занимает более половины. Ее читают публично не чаще, чем любую другую голландскую газету, и это объясняется двумя причинами. Одним из них является тот факт, что, как уже было сказано, голландец предпочитает читать дома - "*met een boekje, in een hoekje*" ("с моей книгой в тихом уголке") - голландский идеал уютного литературного наслаждения. Кроме того, голландские издатели газет предпочитают систему безопасной ежеквартальной подписки шансу продать в один день на несколько тысяч экземпляров меньше, чем в другой, поскольку даже самый большой тираж в Голландии слишком ограничен для рискованных коммерческих операций. Поэтому они так завышают цену на отдельные номера, что только перспектива долгих часов в железнодорожном вагоне заставляет голландца покупать одну или несколько газет.

The Новая Роттердамская газета "Курант" - еще одна типичная голландская газета, но апеллирующая к совершенно иным инстинктам, чем *новые газеты*. В своей спокойной манере голландцы скорее гордятся своим *новым роттердаммером*, который внушает нечто вроде благоговения своими неоспоримыми, но немного тяжеловесными достоинствами. "*Ньюве Роттердамер*" абсолютно либеральна и не терпит радикальной или социал-демократической чепухи; ее передовые статьи ясны, хладнокровны, логичны и по существу; у нее есть корреспонденты повсюду, дома и за границей; и все убежденные либералы четкого, даже догматического толка, которые любят свободную торговлю и считают муниципальное и государственное вмешательство пагубным, клянутся в этом. Нынешний главный редактор - доктор Заайер, в прошлом либеральный член Второй палаты Генеральных штатов, проницательный, начитанный голландец с великолепным университетским образованием; а управляющий Дж. К. Нидж - самый умный деловой человек, какого только может произвести Роттердам. Насколько возможно руководить голландцами с помощью печатных изданий, *Nieuwe Rotterdammer* делает это. Новости в нем настолько свежие и надежные, что их читают все, даже католики Северного Брабанта и Лимбурга, двух католических графств Голландии.

Следующей важной газетой является *Het Algemeen Handelsblad* из Амстердама, которая является своеобразным журналом амстердамских купцов, судовладельцев и коммерсантов. "*Хандельсблад*" не столь исключительно либеральна, как ее конкурент из Роттердама, поскольку ее взгляды более прогрессивны, и она всегда готова принять довольно радикальные статьи на социальные темы, если их пишут серьезные люди. Его главным редактором является доктор А. Полак, о котором говорят, что то, чего он не знает о работе и значении голландской конституции и голландского законодательства, вряд ли стоит знать. Его статьи демонстрируют спокойный, здравый научный подход и честный, прямолинейный ум. Ответственным редактором журнала является Шарль Буассевен, чей вклад в статью, озаглавленную "Ван Даг тот Даг" ("Изо дня в день"), в равной степени заслуживает восхищения за блеск стиля, широту духа и мужественную откровенность содержания. Этот журнал также располагает обширным штатом сотрудников и огромной армией корреспондентов в стране и за рубежом.

Третьим либеральным журналом, пользующимся растущим влиянием, является *Radical Vaderland*, главным редактором которого на протяжении многих лет был покойный министр внутренних дел мистер Х. Гоман Боргезиус, ныне член Второй палаты, хотя между ними больше не существует никакой личной связи, а *Vaderland*, пожалуй, более продвинут в политике, чем его бывший редактор. Ее главное влияние находится в Гааге, бывшей оплотом консерватизма, пока Консервативная партия полностью не исчезла.

Другие либеральные, радикальные и социал-демократические газеты издаются по всей стране, наиболее важной и влиятельной из которых является Либерально-демократическая *Arnhemsche Courant*.

Г-н Троелстра, один из лидеров социалистов, редактирует ежедневную газету "*Het Volk*" ("Народ"), хорошо написанную партийную газету, влияние которой, однако, не распространяется за пределы ее партии.

Профессор Абрахам Кайпер, лидер контрреволюционной или кальвинистской партии, крупнейшей, но единственной в стране, был редактором *Standaard*, пока не стал президентом-министром Нидерландов. В противовес либеральному принципу, сформулированному итальянским реформатором Кавуром, "Свободная Церковь в свободном государстве", он утверждает, что Библия, будучи Словом Божиим, является единственно возможной основой для любого государства, и считает, что король и правительство черпают свою силу и авторитетность не от людей, а от Бога. Его *стандарт* является еще одним доказательством того, что все, что делает этот универсальный гений, носит безошибочный отпечаток его силы и индивидуальности. Кто-то может быть категорически против его принципов, но никто не может не восхищаться безупречными достоинствами его передовых статей. Если Кайпер напишет или выступит на какую-либо тему под солнцем, вы будете уверены, что он полностью знаком с ней; но тогда его образ мыслей настолько оригинален, а стиль настолько блестящ, что он раскрывает точки зрения, которые придают им новый интерес для тех, кто наиболее искренне с ним не согласен. Однако блеск его журналистских способностей присущ не только его руководителям. У *Стандарта* есть еще одна, более чисто полемическая особенность, его "Сухие заголовки" - короткие абзацы, разделенные в колонке тремя звездочками, откуда и их название. Эти "Сухие звезды" являются гордостью и чудом голландской прессы из-за их резких, умных, смелых формулировок, формулировок, которые, несомненно, подстрекают оппонента к ожесточенной защите или пламенной атаке и предоставляют приверженцу аргументацию, настолько отточенную и отшлифованную, что он наслаждается владением таким превосходным оружием.

Политическим оппонентом доктора Кайпера в кальвинистской партии является г-н А. Ф. де Саворнин Ломан, лидер аристократов, тогда как Кайпер является главой "кляйне лайден" - скромных тружеников полей и городов. Г-н Ломан был членом первого кальвино-католического кабинета и до сих пор обладает большой властью в своей партии; вследствие этого его *нидерландец* оказывает некоторое влияние, хотя и не такое сильное, как *Стандарт*.

Две наиболее известные римско-католические газеты - консервативная *Tyd* ("Тайм") и несколько демократическая *Centrum*. Оба являются чистыми и незамысловатыми партийными документами, и в том, что касается партийной политики, они превосходно редактируются умными, хорошо образованными, начитанными людьми. *Центр* часто пользуется сотрудничеством доктора Германа Шапмана, священника-поэта, чье несколько тяжеловесное красноречие приятно смягчается пылающим энтузиазмом и освежающей силой убеждения.

Кайпер, Буассевен и Шепман действительно являются тремя журналистами, которыми могла бы гордиться любая страна. Их стиль, их индивидуальность и сила ума одинаково замечательны, и хотя они живут и работают в разных сферах жизни, используют разные способы мышления и лелеют разные идеалы, они производят сильное впечатление и влияют на своих читателей чистотой своих целей, честностью своих убеждений и рыцарством своих противоречивых методов. Но из троих Буассевен - единственный, кто работает журналистом ради журналистики.

Однако ни кальвинистский, ни католический журнал не пытается конкурировать с *Nieuwe Rotterdammer* или *Handelsblad* в публикации оригинальной и высококлассной информации. Их цель скорее в том, чтобы предоставить своим читателям необходимые партийные аргументы, а новости имеют второстепенное значение.

Что касается провинций в целом, то из 1300 городов и деревень Голландии почти 300 являются счастливыми обладателями местной газеты определенного профиля, а всего по всей стране издается 1700 ежедневных и еженедельных журналов, посвященных различным вопросам представительства политических, клерикальных, коммерческих, научных и других интересов.

Голландцы любят просматривать более одной газеты, но большинство людей не могут позволить себе иметь двойных подписчиков, а очень многие не могут позволить себе даже регулярно покупать один выпуск новостей. Следовательно, существуют агентства для распространения статей от одного читателя к другому. Больше всего платят те, кто получает их непосредственно от издателя, а те, кто довольствуется новостями однодневной, двух- или трехдневной давности, платят лишь небольшой гонорар. Агентство по распространению газет в Голландии очень распространено, и в центрах с ограниченными внутренними ресурсами оно играет очень важную роль в социальной и политической жизни.

Глава XVII

Политическая жизнь и мысль

Голландия - демократическое королевство. Демократия зародилась там в шестнадцатом веке и, несомненно, процветает до сих пор. Но демократия родилась в особых обстоятельствах; она была воспитана людьми, чьи представления о демократии отличались, поскольку, хотя лидеры нации последовательно работали на народное правительство, они не все или не всегда подразумевали под словом "народ" одно и то же и, следовательно, не стремились к одной и той же цели. Французская революция восемнадцатого века изменила внешнюю форму Голландского содружества; она покончила с древними и более или менее устаревшими оковами, которые оказались уже недостаточно прочными, чтобы поддерживать рост политической жизни, хотя все еще были достаточно сильны, чтобы препятствовать ему. Это ничего не могло сделать и ничего не добавить к глубокой любви к свободе и стремлению к независимости, которые каждому голландцу дороже самой жизни, но это могло и действительно расширило благословение политической и религиозной свободы на большее число людей. Любовь к свободе привела к упразднению Церкви, а любовь к терпимости заставила Голландию последовать этой мере в пятидесятых годах, освободив римских католиков.

Каждый, кто знаком с голландской историей, понимает, что эти две вещи имеют такое же значение для голландской политической, как и для голландской религиозной жизни. Но бок о бок с религиозной и политической свободой пришла и экономическая свобода. Гильдии были упразднены, и таким образом, узы, из-за которых ремесла не могли двигаться в ногу со временем и, следовательно, вести здоровый образ жизни, были уничтожены. Социальная революция действовала подобно врачу, который входит в тесную и душную палату больного и распахивает окна и двери, чтобы больной мог получить самую первую жизненную потребность - свежий воздух. Поэтому голландцы - и не они одни - со вздохом облегчения заявили: "Никакого

вмешательства государства в дела торговли и промышленности, давайте оставим открытыми окна и двери!"

Однако ни один врач не заставит своего пациента жить на постоянном сквозняке зимой и летом, поскольку однажды для спасения жизни этого пациента был необходим обильный приток свежего воздуха. Не может быть никаких сомнений в том, что в девятнадцатом веке двери и окна слишком долго держали открытыми. Крупные работодатели были достаточно сильны, чтобы выдерживать тягу, ибо столетия процветания сделали их могущественным классом; но у их работников не было таких преимуществ, и они оказались в худшем положении, когда паровая энергия произвела еще одну революцию, создав так называемую систему "капиталистического производства" и рост крупной промышленности. Отсюда следует, что Голландия, как и все цивилизованные страны, сейчас пытается выяснить, насколько глубоко должны быть закрыты окна и двери, чтобы позволить мужчинам жить так же хорошо, как и хозяйевам. Это, в нескольких словах, характеризует политику голландской партии с социальной и экономической стороны.

Очевидно, что политические партии в Нидерландах различаются не только своими взглядами на политические, религиозные и экономические вопросы, но и степенью приоритета каждой из этих трех сфер национальной жизни и мысли. Либералы говорят: "Политика превыше всего; если она разумна, а религия и коммерция свободны, все будет хорошо". Социал-демократы отвечают: "Политика интересует нас только как средство достижения реальной и существенной экономической свободы и материального равенства; религия нас вообще не затрагивает и, конечно, не помогает решать практические проблемы человеческой жизни". В отличие от того и другого, антиреволюционисты утверждают: "Всякий, кто покидает твердую почву Слова Божьего, Священного Писания, как единственно верной основы для общественных и частных действий, не может иметь ни здоровой политики, ни здоровой экономики". Римские католики также ставят религию на первое место, но они находятся в самом трудном положении из всех. Они составляют меньшинство, даже уменьшающееся, и прекрасно знают, что они никогда не будут большинством; поэтому они признают, что, во-первых, они должны стараться быть хорошими голландцами, верными гражданами государства, а во-вторых, они не должны отказываться ни от одного идеала своей Церкви. Их вера в вечное существование их церковной системы позволяет им, с одной стороны, быть терпеливыми и ждать, точно так же, как, с другой стороны, она учит их не сидеть на месте, а действовать, трудиться либо самостоятельно, либо совместно с любой партией, которая может помочь им реализовать или даже приблизиться к любому из их религиозных идеалов.

Когда либералы в середине девятнадцатого века совершили акт великой терпимости, освободив Римско-католическую церковь, протестанты свергли Либеральный кабинет, и лидер либералов Торбеке был возвращен в парламент самым католическим городом Голландии, Маэстрихтом, в Лимбурге. Но впоследствии контрреволюционеры подняли крик о деноминационном образовании, и голландским либералам было весьма обидно обнаружить, что их бывшие друзья присоединились к их противникам. Болезненность была следствием просчета; либералы забыли, что, став эмансипированными, римские католики не стали либералами, но остались католиками, как и прежде, верными своему вероучению и своим идеалам, даже ценой политической дружбы.

Общей основой, на которой встречаются контрреволюционеры и римские католики, является убеждение в том, что религия должна быть отправной точкой во всем. Антиреволюционеры

принимают Священное Писание как таковое; римские католики принимают решения Папы, данные *cathedr*, как вдохновенные Святым Духом и переданные ему Конклавами и Соборами. В остальном, кредо Рима - это чистое идолопоклонство протестантам-антиреволюционерам, в то время как Рим смотрит на всех протестантов как на заблудших еретиков. Но оба, опять же, считают таких протестантов - так называемых "современных", - которые отвергают Троицу, чудеса, Божественное происхождение Библии и некоторые другие догмы, простыми атеистами, а поскольку большинство "современных" - либералы, *инаоборот*, они провозглашают Либеральное государство атеистическим государством.

Строго говоря, в Голландии на самом деле нет Консервативной партии, поскольку она прекратила свое существование в начале семидесятых. После того, как Торбек дал Голландии Либеральную конституцию 1848 года, консерваторы некоторое время пытались воспрепятствовать политическому развитию страны, но в конечном итоге они отказались от этой попытки, и их лучшие и способнейшие люди, г-н Дж. Химшерк Азн и граф К. Т. ван Линден ван Санденбург, возглавили либеральные кабинеты как люди, исповедующие очень умеренно прогрессивные взгляды, но открыто выступающие против восстановления несколько автократических и аристократических условий, которые преобладали до 1848 года в результате реакции против хаотической эпохи Французской революции и Наполеона Бонапарта. И все же, хотя в Голландии нет Консервативной партии, консерваторы, тем не менее, есть в каждой партии.

Либеральная партия состоит из трех частей: Старых либералов, радикал-либералов и либерал-демократов. Старые либералы придерживаются принципов Торбеке и утверждают, что первоочередной задачей Либерального государства является поощрение индивидуальности и создание на этой основе общих условий, при которых может быть достигнуто социальное развитие. Согласно им, государство не имеет права вмешиваться во все, лечить все, обеспечивать всем, как хотелось бы коллективисту; напротив, его первой обязанностью является воздержание - просто сохранять справедливое поле деятельности и не выказывать никаких поблажек. Эти старые либералы, по сути, рассматривают государство как юридическую корпорацию, которая существует лишь для отправления правосудия и охраны конституционных прав своих граждан.

Их политическими друзьями и ближайшими родственниками являются радикал-либералы из "Либерального союза", которые в настоящее время составляют основную часть партии. Они признают ценность индивидуальной энергии и предприимчивости и считают, что им должен быть предоставлен неограниченный простор; они даже утверждают, что в целом система ничем не ограниченного индивидуализма оказалась скорее в пользу рабочего, чем наоборот; но они также признают, что это условие не такое, каким могло бы и должно быть, и, следовательно, они не возражают против социального законодательства там, где индивидуальные усилия терпят неудачу.

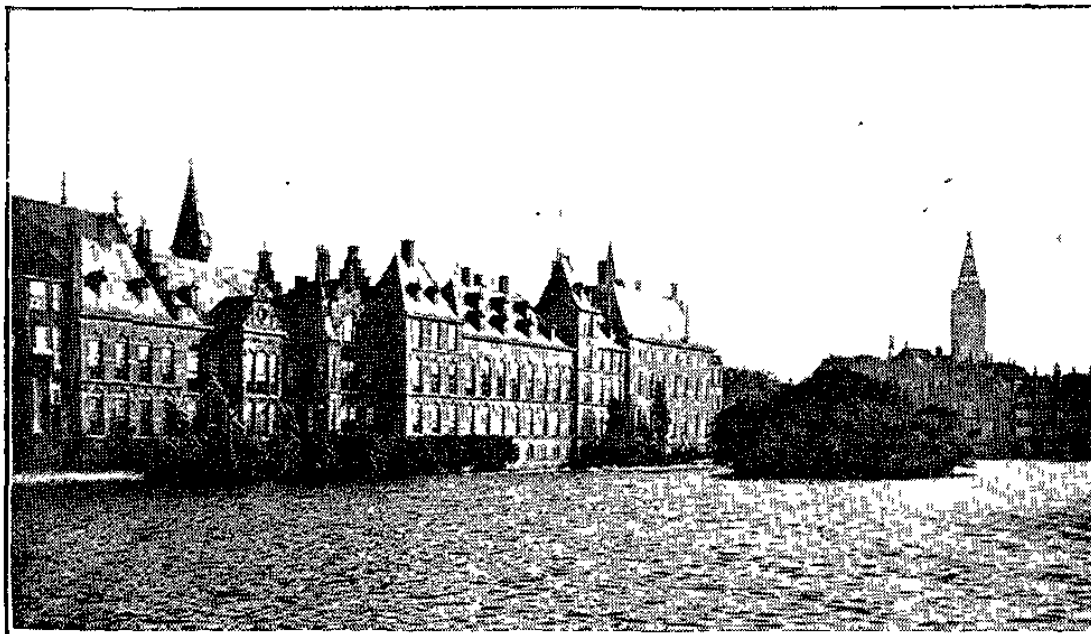
Передовые либеральные демократы ("de Vryzinnige Democraten") коренным образом отличаются от обеих вышеперечисленных партий. Они придают большое значение политическим правам и привилегиям и, следовательно, противоречат главному пункту (статья 80) конституции, который наделяет избирательными полномочиями только тех взрослых жителей мужского пола, которые "обладают характеристиками способностей и достатка". Члены "Либерального союза" признают, что требование определенного уровня благосостояния лишает ряд граждан права

влиять на дела своей страны своими голосами. Они также признают, что конституция должна быть изменена по этому пункту, но они сомневаются, разумно ли с практической точки зрения выдвигать этот пункт на передний план. По сути, они говорят: "Мы вполне можем обеспечить страну адекватным социальным законодательством, с помощью или без помощи лишенной избирательных прав части населения, поскольку, если мы предложим меры, направленные на решение социальных проблем, даже самые консервативные из нас не будут возражать, и эти меры войдут в свод законов. Но нет ни малейшего шанса на то, что мы когда-либо заставим Старых либералов предоставить избирательное право бедным и обездоленным людям, которые не имеют никакой финансовой заинтересованности в стране. Таким образом, настаивая на избирательном праве взрослых, вы просто откладываете социальное законодательство на неопределенный срок. Более того, целью нашего социального законодательства может быть только повышение способностей и процветания беднейшего класса, и как только эта цель достигнута, они автоматически получают избирательные права без какого-либо изменения конституции". На это либерал-демократы отвечают: "Социальное законодательство не следует рассматривать как неохотно признаваемую необходимость, это первостепенная обязанность государства, и поскольку социальное законодательство в основном затрагивает тех, кто сейчас лишен избирательных прав, стоит только начать с предоставления им возможности выражать свое мнение по этому вопросу, и, следовательно, изменить конституцию таким образом, чтобы дать им голосовать, потому что они лучше знают, чего хотят.

Либерал-демократы фактически отрицают, что государство может издавать какие-либо законы, которые не влияют на социальную жизнь, а также на правовое положение его граждан, и утверждают, что те, кто придерживается мнения, что естественные законы управляют социальными отношениями человека к человеку, и что на этом основании государству следует воздерживаться от вмешательства, просто позволить государству защищать более сильных от более слабых классов, тогда как его долг - обратное. Позитивное вмешательство в социальные вопросы является, по их мнению, обязанностью государства, и оно может воздерживаться только тогда, когда свободное действие социальных сил не создает условий или отношений, которые противоречат современным идеям справедливости. Демократы, несомненно, своим отделением сильно подорвали силу Либеральной партии, и пройдет много времени, прежде чем молодое поколение либералов сможет занять освободившиеся таким образом места и из нынешних разногласий сможет выйти обновленная и единодушная партия.

Единственной политической партией в Голландии, которая не принимает религию как единственную безопасную отправную точку для политики, являются социал-демократы. Когда немецкие социалисты школы Маркса обнаружили, что за внезапным развитием пара и машин последовало огромное бедствие среди трудящихся классов, затронувшее также низы среднего класса, которые в основном торговали с рабочими, они сразу же пришли к выводу, что то же самое должно было продолжаться вечно. Возможно, именно поэтому отец голландской социал-демократии Ф. Домела Ньювенхейс с чувством отчаяния постепенно скатился к анархизму, или, как он предпочитает это называть, Свободному социализму, и в конце концов отказался от всякой политической деятельности. Однако молодое поколение, возглавляемое Ф. ван дер Гоусом, Х. ван Кодем и, последним, но не менее важным, П. Дж. Троэльстрой, все еще энергично продолжает борьбу, и за ними следует очень значительное число голландских рабочих. Их амбиции состоят в том, чтобы завоевать политическую власть в Голландии, и как только они ее получают, произвести революцию, не в стране, а в своде законов, таким образом, чтобы они могли приобрести и экономическую власть. Конечно, они хотят отменить

индивидуальную собственность на все средства производства и сделать государство владельцем всего этого; и они надеются, что всеобщая любовь к государству и рвение к общему благосостоянию всех могут занять место нынешнего эгоизма и низменной погони за богатством.

PARLIAMENT HOUSE AT THE HAGUE. VIEW FROM THE
GREAT LAKE.

Здание парламента в Гааге. Вид с Большого озера.

У контрреволюционеров также есть свои консерваторы и прогрессисты. Доктор Кайпер всегда говорит о "левом" и "Правом" крыле своей партии, а поскольку консервативное "Правое" в основном состоит из представителей голландской знати, он однажды насмешливо назвал эту фракцию "людьми с двойными именами". Их настоящее название - "Свободные контрреволюционеры", а их лидер, Дж.Р. А.Ф. де Саворнин Ломан, который в 1888 году вместе с бароном А.Е. Маккей (двоюродный брат лорда Рея) возглавлял первое антиреволюционно-католическое большинство во Второй палате Генеральных штатов.

Третью фракцию возглавляет доктор Бронсвельд, и она называется "Христианские историки", которые отличаются от двух других одним великим принципом, поскольку они стремятся к восстановлению нидерландского Хервормде Керка в качестве Государственной церкви.

Но, как бы сильно они ни отличались в практических мерах, их объединяет признание Священного Писания единственной правильной основой для управления государством и их убежденность в том, что нынешнее современное государство - это всего лишь преходящее, не относящееся к Голландии следствие Французской революции и ее катастрофических учений. Все они согласны с тем, что Нидерландами следует управлять в соответствии с принципами, которые сделали Голландию великой и могущественной со времен Реформации шестнадцатого века. Доктор Кайпер полностью убежден, что Французская революция сбила Голландию с исторического пути развития, и он хочет вернуться, насколько это возможно, к точке,

достигнутой до этого события, или, по крайней мере, повести государство вперед в старом направлении.

Все контрреволюционеры считают, что их первый гражданский долг - повиновение Богу; - если совесть требует сопротивления властям, сопротивляйтесь им, что бы вам ни пришлось вынести. В то же время они сторонятся клерикализма и возражают против любой формы государственной Церкви. Следовательно, одной из их главных антипатий является статья 171 конституции, которая продолжает, как и доупразднения Церкви, выплаты Казначейства различным священнослужителям всех конфессий. В противовес этому они требуют полной свободы и равенства для всех церквей и конфессий и, теоретически, допускают, что можно быть членом их партии, не придерживаясь их вероисповедания. Что касается образования, они не желают заменять конфессиональные государственные школы нынешними нейтральными, но они возражают, что в настоящее время государство вынуждает родителей, желающих получить религиозные школы для своих детей, не только изыскивать все необходимые деньги для этих "бесплатных школ", но и вносить дополнительные взносы в школьные налоги в интересах тех родителей, которые считают, что светское и религиозное образование лучше разъединять, поскольку религиозное образование обязательно должно быть догматическим и сектантским, и что церкви, а не государство, должны заботиться об этом, тогда как школьное образование вполне может даваться вообще без привязки к религии.

Позиция антиреволюционеров, с другой стороны, заключается в том, что государство не обязано предоставлять школу или любое другое образование, поскольку любое образование является частной заботой отдельной семьи, а вовсе не общественным делом; хотя они допускают, что там, где родители не в состоянии содержать их, школы могут быть построены на деньги налогоплательщиков. Они также осуждают законодательство против невоздержанности, безнравственности и проституции, потому что считают, что такие законы не устраняют зло само по себе, а лишь воздействуют на его видимые признаки и освобождают нарушителей моральных норм от части их ответственности, защищая их от определенных последствий их действий. Они выступают против законного и обязательного соблюдения субботы, считая, что это дело церквей и отдельных людей; но они поддерживают законы, обязывающие работодателей предоставлять своим работникам достаточный еженедельный отдых по воскресеньям. Они допускают ограниченное вмешательство государства в социальные вопросы, но утверждают, что оно не должно препятствовать индивидуальным усилиям или создавать множество чиновников, инспекторов и контролеров. Избирательное право, по их мнению, никогда не должно позволять одной части нации вытеснять другую исключительно численным превосходством; они не признают, что мажоритарная система является окончательным и единственным критерием законности и справедливости; более того, семья является ячейкой, из которой возникло содружество, они утверждают, что главы семей являются естественными избирателями. Там, где старые либералы говорят, что финансовый тест является правильным для избирателей, антиреволюционисты считают, что никто по-настоящему не заинтересован в стране, если у него нет семьи и он ничего не знает о связанных с этим обязанностях. Доктор Кайпер является демократическим лидером того, что он называет, на классическом, но устаревшем голландском, "Kleine luyden" ("Маленькие люди") среди контрреволюционеров. Он знает, что "дважды названные" свободные контрреволюционеры мало симпатизируют его социальной программе, но это не имеет значения, поскольку они прекрасно осознают тот факт, что всем, что касается политической власти, они обязаны "Маленьким людям".

Наконец, есть Левое крыло римско-католической партии, которое черпает свои социальные убеждения из Энциклики папы Льва "Rerum Novarum", в которой содержится множество пунктов, по которым возможны совместные действия, для Льва XIII. в Голландии его часто называют "папой рабочих". И антиреволюционеры, и римские католики придерживаются совершенно разных политических идеалов, но они согласны в том, что современное либеральное государство на самом деле не нейтрально в вопросах религии, а является "современным протестантским", а "современный" протестантизм в их глазах означает атеизм; и оба считают слабого и хрупкого христианина лучшим гражданином, чем самого лучшего атеиста или агностика. По этой причине их объединяет враждебность к существующей Системе начального образования, которую они подозревают в атеистической тенденции. Эти два вопроса, религия и школы, фактически исчерпывают жизненно важные пункты соглашения между контрреволюционерами и римскими католиками, хотя в чрезвычайной ситуации они, возможно, могли бы объединиться по социальному законодательству или какой-нибудь мягкой форме защиты. Последнее, однако, должно быть действительно очень мягким, поскольку доктор Кайпер - Свободный Торговец, а "Маленькие люди" любят дешевый хлеб так же, как и другие люди. Для Голландии было бы очень важно, если бы главной работой Кайпера стало прогрессивное социальное законодательство.

Несомненно, в таком смешении всеми политическими и религиозными партиями есть большой недостаток. Кайпер, кальвинист; Шапман, католик; Друкер, Трауб и Моленграаф, либеральные демократы; Гоэман Боргезиус, член "Союза либералов"; и Троэльстра, социалист, - все они имеют много общих идей по социальным вопросам, хотя они могут отличаться принципами и преследовать разные цели. У каждого из них, однако, есть консервативные оппоненты в его собственной партии, и вполне возможно, что следующие несколько лет могут привести не только к здоровому социальному развитию, но и к столь желанной перестройке партий на нетеологических, недогматичных принципах.

Глава XVIII

Отправление правосудия

Между отправлением правосудия в Голландии и Англии есть два очень заметных различия. Первый заключается в том, что так называемые "мелкие правонарушения" в бывшей стране не рассматриваются в судебном порядке. Там преступник в таких случаях подвергается процессу, известному как "вербализация", то есть полиция отмечает его имя, адрес, возраст и все подробности преступления; после этого ему сообщают, что позже от него потребуют отчета о себе. Может пройти неделя или две, прежде чем правонарушитель получит устное или печатное уведомление, требующее его присутствия в Суде кантонального судьи, который в некоторой степени соответствует английскому полицейскому суду. Эта задержка в отправлении правосудия рассматривается как большой недостаток даже в Голландии, который все больше и больше признается. Поэтому создание Полицейского суда в том виде, в каком он известен и осуществляется в Англии, считается большим *желанием*, и отнюдь не маловероятно, что оно может быть введено в ближайшее время, поскольку голландцы всегда проявляли готовность принять любые модификации своих собственных институтов, которые опыт других стран может оказаться явно желательным.

Второе отличие заключается в том, что суда присяжных в понимании англичан в Нидерландах не существует. Но здесь голландцы вряд ли откажутся от своих традиций. Присяжные в Голландии состоят из опытных и квалифицированных судей, которые не склонны менять свое мнение относительно вины или невиновности обвиняемых из-за слез последних или страстных призывов их адвокатов. Справедливо или ошибочно, но самые выдающиеся юристы Голландии приписывают часто повторяющиеся случаи судебной ошибки в некоторых странах, принявших систему присяжных, самой этой системе, и поэтому очень маловероятно, что в этом отношении голландцы будут копировать кого-либо из своих соседей.

Организация правосудия в Голландии зародилась в Кодексе Наполеона, который был введен вскоре после присоединения страны к Французской империи. В современной судебной системе, которая является результатом изменений, вносимых в разное время в течение прошлого столетия, и в частности законом 1895 года, отправление правосудия возложено на Высокий суд (*Hooge Raad*), провинциальные суды (*Gerechtskoven*), округа (*Rechtbanken*) и кантональные суды (*Kantongerechten*).

Высокий суд состоит из президента, вице-президента, от двенадцати до четырнадцати членов Совета, Генерального прокурора, трех генеральных адвокатов (которые вместе с Генеральным прокурором образуют "Государственное министерство" или прокуратуру), также Греффье, или Секретаря суда, и двух заместителей Греффье. Большинство назначений производятся Сувереном и являются пожизненными. Высокий суд находится в Гааге, и его основной обязанностью является контроль за отправлением правосудия судами низшей инстанции, процесс, известный как "кассация". Если, например, один из судов низшей инстанции вынес приговор, который не подлежит обжалованию в этом суде, и одна из спорящих сторон придерживается мнения, что приговор является чрезмерным, эта сторона может потребовать от Высокого суда отменить (*обжаловать*) приговор. Таким образом, когда подается кассационная жалоба или аннулирование решения, Высокий суд должен рассматривать не вопрос о виновности или невиновности спорящих сторон, а просто вопрос о том, правильно ли Суд низшей инстанции вынес решение и был ли он компетентен рассматривать дело вообще. Такие "кассации" происходят почти ежедневно, и не потому, что Высокий суд славится отменой приведенных ниже приговоров, а потому, что этот процесс дает, по крайней мере, хорошие шансы добиться смягчения приговора. Государственное обвинение, однако, имеет право инициировать кассационный процесс без обращения к нему с просьбой, если, по его мнению, этого требуют интересы правосудия. К юрисдикции Высокого суда относятся также дела о пиратстве, распределении военных трофеев и рассмотрении обвинений против государственных должностных лиц в злоупотреблении властью.

Провинциальных судов насчитывается пять, каждый из которых состоит из должностных лиц, схожих по имени, хотя и не по рангу, с должностными лицами Верховного суда, и они тоже по большей части назначаются короной, хотя и не все пожизненно. Эти провинциальные суды выносят решение во второй инстанции, то есть когда решение суда низшей инстанции было обжаловано. Фактически, это их основная функция, хотя они также выносят решения в первой инстанции по делам о разногласиях между судами кантонов или округов. Последние названы так в честь подразделений, на которые страна была разделена в административных целях во времена наполеоновского режима, поскольку существующие границы округов практически такие же, как и девяносто лет назад.

Существует двадцать три окружных суда, тринадцать первого класса и десять второго класса. Их основная задача - выносить решения в первой инстанции, даже по уголовным делам, но они также принимают решения в последней инстанции по спорам между кантональными судами, которые находятся под их юрисдикцией. Они также выносят решения по искам о компенсации в пределах определенной суммы, по спорам о границах земли и собственности, а также по жалобам, связанным с водоснабжением, дренажом и т.п., В то время как дела о нищенстве, бродяжничестве и уклонении от уплаты налогов рассматриваются этими судами в упрощенном порядке.

Кантональные суды, как уже говорилось, являются ближайшим аналогом английских полицейских судов в Голландии. Их члены, однако, являются юридически подготовленными и получающими зарплату мужчинами, хотя к каждому Суду прикреплено несколько не получающих жалованья заместителей. Судьи этих судов назначаются короной пожизненно, а второстепенные должностные лица - сроком на несколько лет. Все мелкие дела, которые в Англии рассматриваются полицейским судом, в Голландии рассматриваются кантональными судами. Браконьерство, личное насилие, жестокое обращение с животными, ущерб, нанесенный жилищам, деревьям или посевам, - все это дела, рассматриваемые этими судами, и до тех пор, пока налагаемые штрафы не превышают двух гиней, их решение является окончательным, но в других случаях существует право на апелляцию.

Только что упоминался тот факт, что даже в Суде низшей инстанции Голландии судья-любитель строго исключен. Никому, кто не получил диплом доктора права в одном из университетов Нидерландов, не разрешается брать на себя какие-либо ответственные обязанности, связанные с отправлением правосудия. Такие же строгие требования предъявляются к юридической профессии в целом. Одно только наличие диплома доктора права и литературы дает человеку право заниматься адвокатской практикой. Между собой представители юридической профессии также осуществляют своего рода взаимный надзор посредством своих Советов по надзору и дисциплине, в обязанности которых входит следить за тем, чтобы адвокаты не совершали ничего такого, что противоречило бы закону или чести профессорско-преподавательского состава. Эти Советы избираются из числа самих юристов во всех городах, где проживает более четырнадцати адвокатов, но в небольших населенных пунктах их обязанности выполняют суды провинции или округа. Если адвокат виновен в каком-либо серьезном проступке, его незамедлительно исключают из Сообщества адвокатов, и ему может быть даже отказано в праве выступать в любом из государственных судов. Кстати, интересной особенностью судебной системы Нидерландов является то, что в каждом месте, где есть Суд высшей или низшей инстанции, существует Консультационное бюро, где люди без средств могут получить бесплатную консультацию по юридическим вопросам. Если только расходы, возложенные на это Консультативное бюро, на первый взгляд не кажутся непосильными, Бюро назначает одного из своих членов в качестве юрисконсульта для заявителя бесплатно. По уголовным делам председатель соответствующего суда назначает обвиняемому юрисконсульта, хотя последний может выбрать другого адвоката, если пожелает.

Будет интересно обратиться в один из этих голландских судов, и кантональный суд, возможно, лучше всего может служить примером, поскольку он больше всего напоминает английский форум народа - Полицейский суд. Давайте предположим, что мы привилегированные лица, хотя и занимаемся серьезным юридическим бизнесом. Нам приказано явиться без четверти одиннадцать утра, и, явившись в назначенный час, мы занимаем свои места на удобных стульях,

расставленных вокруг длинного квадратного стола в большом общественном зале ожидания. Поскольку входит много других людей, и зал грозит вскоре оказаться переполненным, внимательный служитель, зная, что мы пользуемся благосклонностью серьезных и преподобных сеньоров, председательствующих в Суде, проводит нас в другую, меньшую комнату, где сидит один из заместителей секретаря (Греффье) и работает над своими книгами. Один за другим приходят другие люди, выплачивают небольшие суммы денег, о которых заместитель секретаря, очевидно, ведет точный учет, вместе с именами и адресами плательщиков, суммами, которые еще не причитаются - всем, что, по сути, относится к делу каждого человека. Мы отмечаем, что некоторые плательщики спрашивают, сколько они еще должны, и, когда им сообщают сумму, они немедленно удаляются. Мы узнаем, что все это люди, которые некоторое время назад были оштрафованы за мелкие правонарушения и которые не в состоянии заплатить всю сумму сразу или делают вид, что не могут. Следовательно, им разрешается платить частями, и в обязанности Клерка входит точный учет их взносов.

Когда подошла наша очередь, нас проводят в Зал Суда, где мы видим Его Преосвященство Судью, сидящего во главе - так получилось, что это середина - длинного стола, покрытого неизменной зеленой скатертью. Перед ним лежат бумаги, чернильницы и перья; по левую руку от него сидит Клерк, а рядом с ним первый заместитель Клерка. Мы также замечаем, как тщательно соблюдаются приличия в том, что касается одежды. Все присутствующие судебные чиновники одеты в костюмы, состоящие из черной тоги, доходящей до пят, с белым "бэфом", или воротником-повязкой, свисающей спереди до середины талии, а также черной заколки, или квадратной шапочки, как во Франции.

Пять человек сидят на стульях рядом с нашими и напротив Судьи. Они только что засвидетельствовали, что последняя воля их родителей была должным образом исполнена и что каждый из них получил свою долю, составляющую в данном случае "3887 гульденов 71/2 цента". (не забудьте о полценте, поскольку внимание к мелочам - одна из тех характеристик голландцев, которая поражает нас на каждом шагу). Вскоре судья спрашивает старшего в группе, не зовут ли его "Такой-то". Получив утвердительный ответ, Его Милость кивает Секретарю, который начинает зачитывать ясным и размеренным тоном:

"Я, Такой-то (далее следуют описание и адрес), настоящим заявляю и свидетельствую, что получил в качестве своей доли в наследстве моего родителя сумму, причитающуюся мне по закону, в размере 3887 гульденов 71/2 цента".

Затем судья спрашивает: "Готовы ли вы поклясться, что это правда и что, насколько вам известно, ничто не утаено, чтобы правосудие не свершилось в полной мере?" Это юридическая формула, используемая в подобных случаях, и она дает ожидаемый ответ. "Тогда очень хорошо, - продолжает судья, - повторяйте за мной: "Да поможет мне Всемогущий Бог!" - Знакомые слова голландской клятвы сопровождаются поднятием правой руки и указыванием на небо двух первых пальцев. Затем следуют остальные четыре члена семьи в порядке их возраста. Все они ругаются обычными словами, за исключением второй дочери, которая возражает, на что брови судьи удивленно приподнимаются. Похоже, что девушка страдает религиозными угрызениями совести, поскольку твердо придерживается мнения, что приносить клятву запрещено Священным Писанием. Судья уважительно выслушивает и просто отвечает: "Тогда повторяйте за мной: "Настоящим я торжественно заявляю, что слова, только что зачитанные мне, являются правдой, всей правдой и ничем, кроме правды". Добросовестный свидетель, не возражающий

против простого утверждения, немедленно повторяет слова, дело завершено, и всем участникам разрешается удалиться.

Теперь настала наша очередь. Мы предположим, что один из нашей партии был назначен кантональным судьей опекуном несовершеннолетнего сына другого члена нашей группы. Все заявляют, кто, что и откуда они, и что опекун получил свое назначение с их общего согласия, в то время как сам опекун делает официальное заявление о принятии на себя этой обязанности. После этого судья приводит его к присяге при исполнении им своих обязанностей, обещая "действовать во всем, как подобает настоящему и преданному опекуну, да поможет мне Всемогущий Бог". Эти несколько инцидентов довольно типичны для того рода дел, которые привлекают внимание этих судов низшей инстанции. Однако, выходя из здания, мы узнаем еще одну интересную информацию в ходе беседы с заместителем секретаря, с которым мы познакомились впервые. Дело в том, что принцип "рассрочки наказания" применяется в отношении беднейших классов не только в отношении штрафов, но и в отношении тюремного заключения, за исключением уголовных дел. Например, многие бедняки, которым вскоре после приговора, скажем, к недельному или двухнедельному тюремному заключению удалось найти работу, были бы разорены, если бы их немедленно отправили в тюрьму. Поэтому ему разрешено, как и в России, самостоятельно выбирать время для сдачи себя тюремным властям, и если, как это часто бывает в делах о браконьерстве, за два разных преступления ему назначено два срока тюремного заключения, ему разрешается предстать перед судьей с просьбой о том, чтобы он мог объединить эти два срока, начав свое тюремное заключение с установленной даты. Суд, к милосердию которого он таким образом апеллирует, обычно удовлетворяет просьбу, и мужчина, таким образом, получает возможность зарабатывать себе на жизнь, пока спрос на рабочую силу является общим, и отправиться в тюрьму, когда он окажется без работы, и ему придется прокормить всего один рот дома, где его жене и детям и без того достаточно трудно сводить концы с концами. Таким образом, по истечении срока тюремного заключения правонарушитель получает от суда документ, по предъявлении которого у дверей тюрьмы начальник тюрьмы допускает его в качестве временного обитателя одной из камер. Со старыми тюремщиками, однако, обращаются не так нежно, но судьи вскоре на собственном опыте узнают, когда и как следует применять это милосердное правило, а когда и вовсе отказаться от него.

В целом статистика преступности дает Голландии явно благоприятную репутацию. Серьезные правонарушения сравнительно редки. Такие преступления, как кражи со взломом, воровство и тому подобное, безусловно, совершаются достаточно часто, но нет никаких свидетельств того, что их число растет, в то время как жизнь и имущество в крупных голландских городах, по крайней мере, в такой же безопасности, как и где-либо еще в Европе. Гаага, хотя и является городом с населением 220 000 человек, достаточно защищена сравнительно небольшим числом полицейских численностью 220 человек. В Роттердаме и Амстердаме количество полицейских на тысячу жителей больше, чем в Гааге, но это естественно из-за более разнородного характера населения этих крупных коммерческих центров. Примечательным фактом является то, что в каждом городе Голландии бургомистр или мэр является высшим руководителем полиции, и что главный комиссар полиции должен не просто сотрудничать с ним, но в конечном итоге подчиняться его прямому командованию.

Несмотря на то, что в Голландии не существует судов общей юрисдикции английского типа, полицейское управление обладает значительной властью. Упоминался процесс

"вербализации" применительно к обычным мелким правонарушениям. Однако в случае пьянства или драки правонарушители немедленно доставляются к комиссару полиции, который незамедлительно разбирается с ними. Правонарушения, против которых полиция совершенно бессильна, - это подделка продуктов питания, бытовые ссоры, пока они остаются в определенных рамках, и преступление вполне современного происхождения, известное как "извлечение бутылки" (*по-английски*, "мошенничество на длительной основе"). Последнее представляет собой хитроумный вид мошенничества, который в последние годы стал очень распространенным в Голландии. Человек заказывает некоторое количество товаров у торговцев из разных городов под предлогом открытия счетов, которые, как он обещает, быстро приобретут большие размеры. Партия за партией товаров отправляется, но так и не оплачивается, и когда, наконец, слишком доверчивый торговец обнаруживает, что играл на руку мошеннику, он не получает возмещения, поскольку искусный интриган исчез, прихватив с собой выручку от полученных товаров. Какое-то время этот вид мошенничества был довольно популярен, но затем глаза бизнес-сообщества открылись, и сильная рука закона обрушилась на нескольких правонарушителей с сокрушительным весом, после чего "розыгрыш бутылки" потерял привлекательность. В целом полиция Голландии похвально энергична и исполнительна, а отношения между полицейскими властями и общественностью, как правило, дружественные и доверительные.

Следует отметить, что законодательство Нидерландов настоятельно не рекомендует разводиться. В целом нынешнее поколение склонно относиться к раздельному проживанию и разводу с большей благосклонностью, чем это делали его отцы, но, хотя это чувство может в некоторой степени влиять на решения голландских судей в бракоразводных процессах, сам закон при строгом толковании дает мало надежды тем, кто желает ослабить брачные узы. Когда супруги расходятся во мнениях до такой степени, что разрыв между ними неизбежен, и выдвигается требование о разводе, требуются доказательства того, что требование исходит только от одной стороны, поскольку развод по обоюдному согласию противоречит закону, за исключением случаев супружеской измены. В любом другом случае судья кантонального суда должен сделать все возможное для достижения примирения. Однако, если требование о расторжении брака будет повторено, этот же судья или судья Вышестоящего суда должен снова попытаться свести стороны вместе, и только в случае неудачи объявляется судебное раздельное проживание *мужчин и женщин*, и это раздельное проживание должно длиться несколько лет - как правило, семь - прежде чем может состояться фактический развод. Тем не менее, как раздельное проживание, так и развод в наши дни происходят гораздо чаще, чем десять или двадцать лет назад, во многом благодаря склонности судей толковать закон в большем соответствии с так называемыми "современными представлениями".

Голландия - одна из немногих стран, которые больше не допускают смертной казни. Она была упразднена тридцать лет назад, и, несмотря на напряженные усилия реакционной партии, вряд ли будет восстановлена. Совсем недавно г-н К. Лосьес написал брошюру в защиту восстановления смертной казни, и его должность в Министерстве юстиции придала этой работе значительный вес. Он утверждал, что с тех пор, как смертная казнь была отменена, количество преступлений, связанных с убийством, покушением на убийство, отравлением и отцеубийством, увеличилось, но г-н Лоусджес не смог в достаточной степени учесть тот факт, что за период, охватываемый его статистикой, население страны значительно увеличилось. Дело в том, что за двадцать лет, предшествовавших отмене смертной казни, произошло значительно больше преступлений, наказуемых смертной казнью, чем за двадцать лет, последовавших за этим

актом милосердия, цивилизации и просвещения, в то время как по сравнению с другими странами Голландия занимает действительно очень выгодное положение, стоя вместе с Англией, Бельгией и Германией во главе стран с наименьшим количеством преступлений такого рода, которые обычно караются смертной казнью.

Глава XIX

Религиозная жизнь и мышление

Голландцы - насквозь религиозный народ. Религиозные чувства и склонность к самоанализу должны были развиваться и процветать в Низинах, где обширные плодородные равнины ограничены лишь бескрайним морем внизу и непостижимой синевой небес вверху; где человек чувствует себя атомом, затерянным в необъятности творения, но в безопасности, потому что он помещен туда по воле милосердного Создателя.

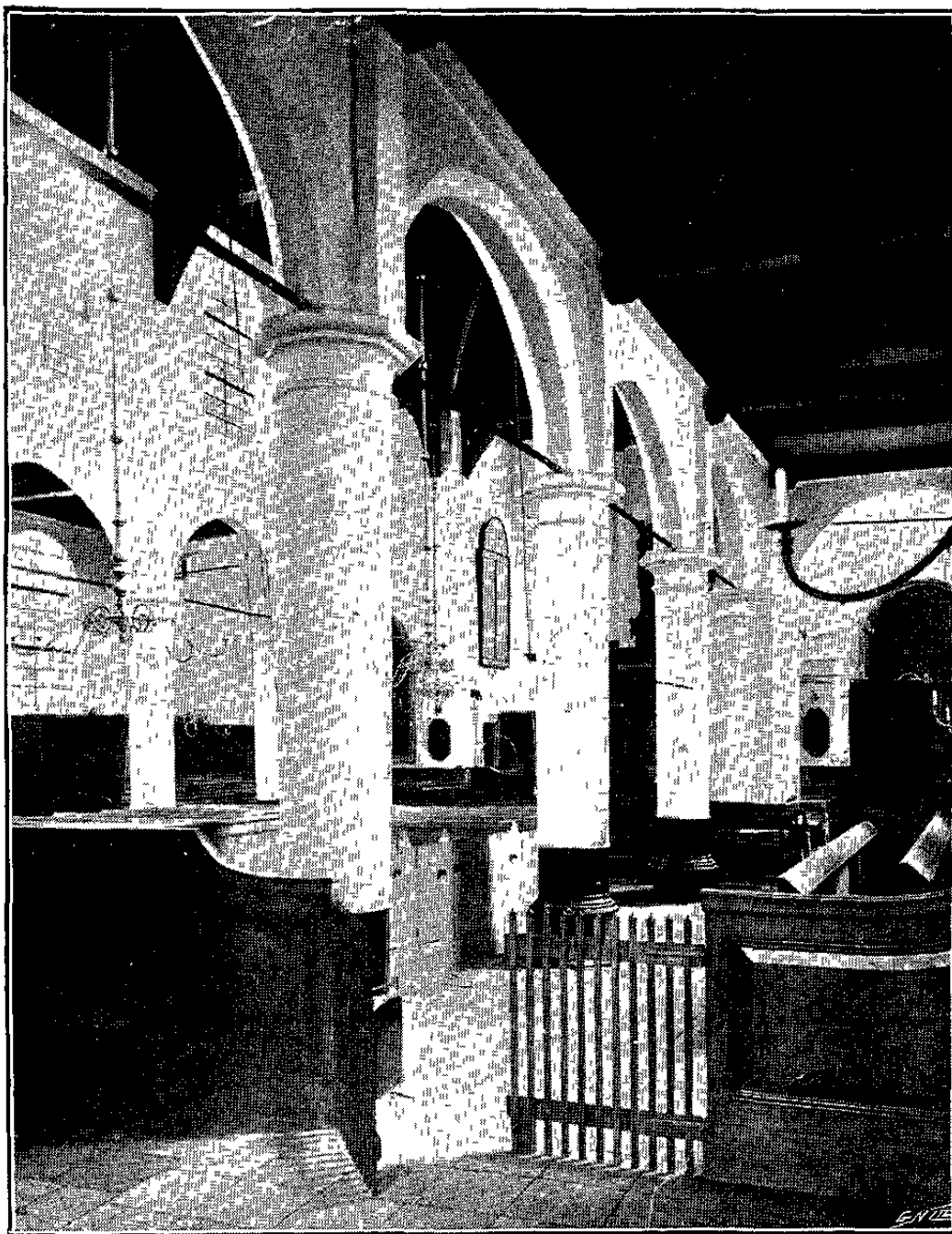
Интроспективными, личностными, индивидуалистическими, эгоцентричными являются их художники и их поэты. Это было особенно важно, когда голландский флот правил морями, и когда влияние и мощь Голландии ощущались далеко за пределами ее собственных узких границ; и это все еще так и в наши дни.

Этим индивидуализмом объясняется множество сект, встречающихся среди голландских реформатов. Римско-католическая церковь, единственное епископство в Голландии, насчитывает только две части: тех - большинство - кто признает непогрешимость Папы Римского, и тех - небольшое меньшинство - кто, хотя и признает Папу Римского главой Церкви, не согласен с решениями Ватиканского собора 1870 года, провозглашающими эту папскую непогрешимость. Римско-католическая церковь является относительно процветающим учреждением благодаря абсолютной свободе, которой она, как и все Церкви-сестры, пользуется в Голландии, где с момента революции 1795 года государственная церковь была неизвестна. Однако в целом его рост не поспевает за увеличением численности населения. Предыдущая перепись показала, что римско-католики составляли две пятых всего населения, но по последним данным их всего одна треть, а во Второй палате Генеральных штатов всего двадцать пять членов-католиков из общей численности в сто представителей. Их нынешняя организация восходит к 1853 году, когда либералы согласились на назначение папой одного архиепископа в Утрехте и четырех епископов в Харлеме, Буа-ле-Дюке, Бреде и Рурмонде. Епископства разделены на деканаты, и в 1858 году папа завершил организацию, учредив отделения, каждое из которых управлялось одним проректором и восемью канониками. Архиепископы и епископы официально не участвуют в политической жизни Голландии, хотя, как само собой разумеющееся, никто не может не заметить их влияния на электорат; младшее духовенство, как правило, менее осмотрительно в этом вопросе, чем их начальники, тогда как политическим лидером римско-католической церкви во Второй палате является доктор Герман Шапман, священник, профессор семинарии Райзенбурга, государственный деятель, оратор и поэт, достижениями пяти человек которого в равной степени восхищаются, хотя его научное значение обычно считается не столь значительным. весомый, как и вся остальная его незаурядная личность.

Гораздо большее значение для религиозной жизни Нидерландов имеют остальные две трети населения, до мозга костей протестанты. Бывшая государственная церковь, Нидерландская реформатская церковь, оказалась в крайне неловком положении, когда в 1795 году ее принудительно ликвидировали. Вплоть до 1848 года, когда Янн Рудольф Торбеке спас Голландию и Королевский дом от очередной революции, навязав Либеральную конституцию сопротивляющемуся королю Вильгельму II, Нидерландская реформатская церковь не имела надежного, хорошо регулируемого статуса; но не раньше 1870 года была разорвана последняя связь, соединяющая государство и Церковь. Государство теперь больше не осуществляет духовный или иной надзор, а просто выплачивает ежегодное пособие различным священнослужителям, не отстаивая и не требуя взамен никаких прав.

С другой стороны, государство больше не платит и не назначает университетских профессоров преподавать конкретное реформатское богословие; каждая Церковь любого типа заботится об этом от имени своих студентов, и в то время как римско-католическое духовенство получает образование в семинариях, Генеральный синод, высший руководящий совет Нидерландской реформатской церкви, назначает по два профессора для каждого из четырех голландских университетов в Лейдене, Утрехте, Гронингене и Амстердаме.

Здесь необходимо указать на особенность религиозной и политической жизни Нидерландов. В то время, когда в Голландии развивалась либеральная политика, критические и исторические исследования занимали видное место в учении ведущих голландских священнослужителей, таких как Шолтен и Куэнен. Реформация подорвала Божественный авторитет папы Римского; эти современные критики отрицали и разрушили веру в Божественный авторитет Библии. Они получили образование, а затем преподавали в Лейденском университете, где будущие либеральные государственные деятели Голландии готовились к выполнению своей задачи; у них были те же идеалы, тот же образ мыслей.

INTERIOR OF DELFTSHAVEN CHURCH (WHERE THE PILGRIM FATHERS
WORSHIPPED BEFORE LEAVING FOR NEW ENGLAND).

Интерьер церкви в Делфтсхейвене (где отцы-пилигримы совершили богослужение перед отъездом в Новую Англию).

Церковники называли себя "современными"; политики назывались "либералами". Оба отстаивали высшее право на свободу во всем: свободной критике, свободном исследовании, свободе мысли, свободе слова. Воцарился чистый интеллектуализм; каждая эмоция, каждое чувство были препарированы, измерены меркой неумолимой логики; и рационализм, позже обреченный на банкротство, в те дни торжествовал всеобщее.

Так получилось, что либералы были "современными", а "современные" либералами; и поскольку Государством в течение четверти века управляли либералы, которые невольно сделали Церковь "Современной", населенной либералами, так получилось и так, что их религиозные оппоненты стали их политическими врагами.

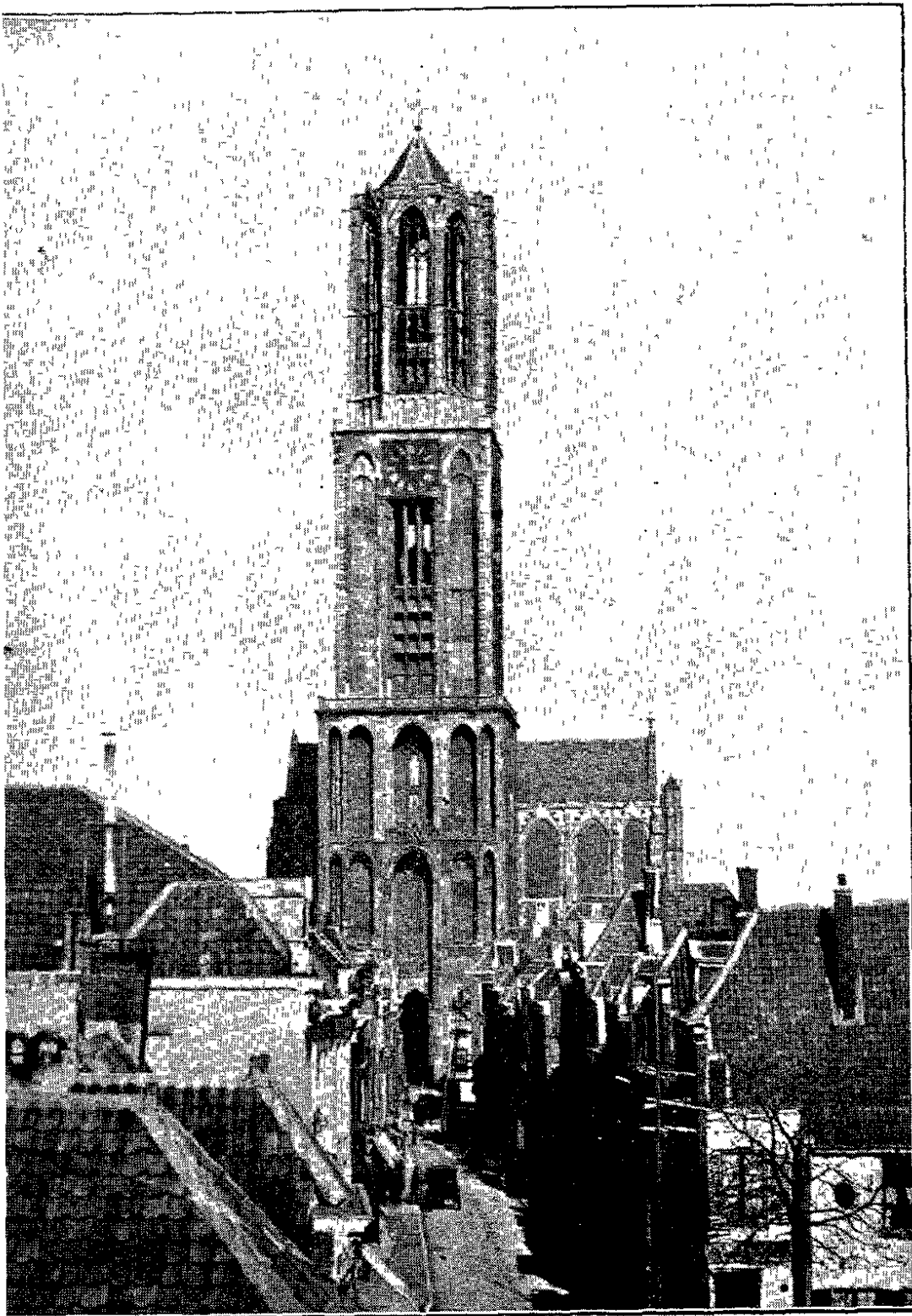
Этих противников называли "ортодоксальными"; они воспринимали это навязывание свободы как худшее принуждение, которое один человек может применить к другому, - принуждение совести. Им было неприятно видеть, что к Библии относятся как к произведению исключительно человеческого труда, каким бы возвышенным оно ни было; они считали жгучим позором необходимость платить налоги на содержание нерелигиозных или даже антирелигиозных научных кафедр и колледжей. Они думали о своих суровых предках, которые сокрушили мощь могущественной Испанской империи, укрепленной Словом Божиим и только им. Для них Нидерландская реформатская церковь и Нидерландское государство потеряли свою прочную и единственно безопасную основу из-за утверждения, что в Библии есть что-то изменчивое, что-то не вечное; что эта Библия, почитаемая как содержащая Священное Писание, может быть заменена любой человеческой системой мышления, которая послужит основой для структуры государства.

Это смешение модернизма и либерализма дало им абсолютное доказательство того, что любой отказ от древнего вероучения и почитаемой конфессии означал гибель как государства, так и Церкви. Поэтому они последовали освященной веками практике голландской расы; они отделились, порвали со свободой, которая им не нравилась, и стали "антиреволюционерами" и "сепаратистами" ("Afgescheidenen"); Кальвин с его стойким, суровым протестантизмом был их идеалом государственного деятеля и духовного лидера.

В голландском языке есть два слова для обозначения одной вещи: "Возбуждение" и "Реформирование". Но существует огромная разница между нидерландскими церквями "Hervormde" и нидерландскими церквями "Gereformeerde". Первая - поздняя государственная церковь, вторая - церковь "Afgescheidenen", которые до присоединения к Нидерландскому Гереформирде называли себя "Christelyk Gereformeerde". Эти двое объединились в 1892 году и теперь известны как "Gereformeerde Kerken" (реформатские церкви).

Их лидером является профессор Абрахам Кайпер, нынешний президент-министр Нидерландов. Он, как и доктор Шапман, прирожденный оратор, плодовитый автор, ученый священнослужитель, сильный демократический лидер людей, замечательный организатор и, возможно, самый блестящий журналист в Голландии; но помимо этого, он убежденный протестант самого строгого кальвинистского толка, для которого Римско-католическая церковь является богохульным и идолопоклонническим учреждением. В 1879 году он создал "Общество высшего образования на реформированной основе", а в 1880 году его "Свободный университет" был освящен в "Ньюве Керк" (Новой церкви) в Амстердаме, доктор Кайпер с момента открытия выступал в качестве одного из профессоров. Его паства сейчас многочисленна, но его и их вера сильнее и творит чудеса, строя церкви и школы, поддерживая проповедников и учителей, находя деньги на все и, наконец, во второй раз одерживая политическую победу с помощью таких странных пособников, как римские католики. Что их объединяет, так это общая убежденность в том, что государство и правительство, не руководствующиеся религией, должны вести нацию к гибели. Для них либеральные правительства, хотя теоретически и свободны от клерикального влияния, на самом деле находятся во главе и под чрезмерным

влиянием "современных" протестантов Голландии. Эти "современные" протестанты отвергают догмат о Святой Троице и различные другие догмы, которые римские католики и православные протестанты считают сутью христианского вероучения; следовательно, по мнению последних, они простые атеисты и, следовательно, непригодны для управления судьбами нации.

UTRECHT CATHEDRAL.

Утрехтский собор.

Эти "современные" протестанты вышли на первый план за последние пятьдесят лет. Университет Гронингена преподавал гуманизм, который вызвал реакцию на древних

исповедников символа веры, "откровения", или пробуждения. Впоследствии современная космофилософия попыталась приспособить свои взгляды к современной науке и результатам современных исследований во всех отраслях человеческого знания. Это был сильный удар по вере предков и почтенному Исповеданию. В те дни Козэнраад Бускен Хуэт опубликовал свои "Письма о Библии", популяризирующие научную критику Священной книги. Постепенно лидирующую позицию занял Лейденский университет, Йоханнес Хенрикус Шолтен, Абрахам Куэнен и утрехтский философ Корнелис Виллем Опзумер помогали новому движению своими глубокими знаниями, неотразимой логикой, блестящим стилем и высоким энтузиазмом. В те годы Голландия прошла через все муки, сопровождавшие зарождение новой жизни; это было время интеллектуального напряжения, время противоречивых бурь, в ходе которых безжалостная критика и критические исследования уносили все, что не могло существовать в свете точной науки и еще более точного мышления.

Якобус Изаак Доедес, Йоханнес Якобус ван Остерзее, Шантепик де ла Соссе, преемники Гийома Груна ван Принстерера, Яна Рудольфа Торбеке, и Исаак Да Коста, знаменитый ученик Виллема Билдердика, защищали древний символ веры, но Генеральный Синод был "современным", и "ортодоксальным" приходилось нелегко.

Во многих местах "доминанты", или проповедники, были православными, и, чтобы обеспечить своих последователей духовной пищей, "Современные" основали в 1870 году "Нидерландскую протестантскую ассоциацию", или Нидерландскую протестантскую лигу. Эта Лига следит за тем, чтобы по всей стране читались "Современные" проповеди, открывались "Современные" воскресные школы, устраивались собрания протестантов и делалось все, что может поддержать или продвинуть религиозную жизнь.

Помимо этих двух больших групп протестантов, православных и модернистов, в Голландии довольно много лютеран, баптистов или меннонитов, а также протестантов. Из лютеран наиболее многочисленными являются евангелические лютеране, которые верно придерживаются Аугсбургского исповедания, в то время как современные, известные как восстановленные лютеране, отказались от этого органа вероучения. Однако в настоящее время между двумя сектами нет особой вражды, ни одна из них не делает сильной догмы, но обе отводят видное место требованиям христианской практики.

Меннониты, названные так в честь голландского реформатора Менно Саймонса (1496-1561), в старину были самыми преследуемыми протестантами из всех. Римские католики, лютеране и кальвинисты были одинаково суровы к ним, и многие из них расстались с жизнью из-за своих убеждений. У них нет испытания, нет церкви, нет обряда, нет духовенства. У них есть братства, и в них священник является "voorganger" (проводником или лидером), хотя его образование, социальное положение и общие обязанности такие же, как у всех других протестантских священников. В Амстердаме у них есть своя семинария, и имена профессоров Сэмюэля Мюллера, Ситске Хукстра, Якоба Гисберта де Хооп Схеффера и Яна ван Гильзе почитаются в стране и за пределами "Всеобщего баптистского общества", как называется их центральный орган. Их учение и проповедь апеллируют не только к религиям, но и в значительной степени к этическим и нравственным тенденциям человечества.

Ремонстранты (бывшие арминиане) появились на сцене ближе к концу шестнадцатого века. Дирк Форлкеркт Курнхерт написал очень убедительное опровержение догмы о предопределении. Городской совет Амстердама приказал Якобу Арминиусу написать книгу

против работ Курнхерта. Но смотрите! когда Арминий приступил к выполнению этой задачи и внимательно прочитал аргументы Курнхерта, он пришел к выводу, что собеседник был прав, и из оппонента он превратился в могущественного союзника. Это счастливое отсутствие предвзятости всегда было отличительной чертой арминианской доктрины, и, подобно меннонитам, протестанты придерживаются мнения, что ценность религии определяется ее благотворным влиянием на этику. Принимая во внимание этическое или социальное брожение, свидетелем которого Голландия, как и любая другая страна, стала за последние десятилетия, неудивительно, что очень много "современных" членов нидерландского "Хервормде Керк" присоединились к протестантскому братству, которое предоставляет абсолютную свободу в отношении догм и вероисповедания и в то же время удовлетворяет их альтруистические наклонности.

Одно из самых распространенных утверждений нашего времени заключается в том, что этика и религия могут существовать в одном существе независимо друг от друга. Одна очень развитая секта современных голландских протестантов - пока, однако, не насчитывающая большого числа приверженцев - не доходит до такой крайности, но в "Врие драгоценности", или "Свободном сообществе", они представляют религию как нечто завершенное само по себе, нечто, относящееся исключительно к индивидуальной духовной жизни. Это "Свободное сообщество" было основано в 1878 году двумя амстердамскими министрами, Питером Германнусом Хугенхольцем и Фредериком Виллемом Николаасом Хугенхольцем. Они не соблюдают ни День Вознесения, ни Троицу; они отменили крещение и Евхаристию; и, какими бы милосердными ни были члены в своем частном качестве, Свободная община как таковая не практикует помощь бедным или благотворительность в какой-либо форме.

В этой связи интересно добавить несколько слов о голландском свободном масонстве. Голландские вольные каменщики наших дней - не столько моралисты, сколько сторонники этики. Благополучие содружества, основанное на благополучии каждого члена - духовном, интеллектуальном и материальном - является их тройственной целью. Они чувствуют и выражают глубокое восхищение каждой формой религиозной жизни, совершенно безразличные к существованию или несуществованию какой-либо догмы, сопровождающей ее, поскольку они свободно осознают, насколько сильным мотивом религии является этика; они принимают в свое братство римских католиков, православных или современных протестантов, евреев, буддистов, мусульман, атеистов и агностиков, никому не подвергая никаких конфессиональных испытаний; они требуют только добросовестного сотрудничества для общего улучшения человеческого общества в целом.

Еврейская церковь также пользуется полной свободой с тех пор, как конституция 1848 года сделала право собрания абсолютным и неоспоримым. Но после стольких столетий пребывания в оковах даже этой энергичной и стойкой расе потребовалось около двадцати лет, чтобы освободиться от давнего влияния длительных ограничений. Только в 1870 году была создана Нидерландская израэлитская конгрегация; у португальских евреев в Голландии есть отдельный руководящий орган. Современные и древние взгляды сталкиваются здесь, как и везде, но сознание их прославленной истории, не запятнанной, а украшенной еще большим блеском столетиями преследований, постепенно приобретает все большую силу в сознании голландского еврея и усиливает его естественную и национальную склонность к древним обрядам и доктринам его классического вероучения.

Глава XX

Армия и флот

Хотя голландцы сохранили свою независимость в шестнадцатом веке против самой грозной регулярной армии в Европе, а также изрядно повоевали в семнадцатом и восемнадцатом веках, они давно перестали претендовать на звание военной державы. Отделение от Бельгии в 1830-31 годах положило конец политике оранжистов по созданию могущественного Нидерландского государства от Лотарингии до Северного моря, которое могло бы самостоятельно противостоять либо Франции, либо Пруссии, и с тех пор Голландия постепенно опустилась, и, казалось бы, без недовольства, до положения третьеразрядной державы. Это произошло без какой-либо очевидной потери старой любви к независимости, но неизбежно сопровождалось снижением не только воинского духа, но и военной эффективности и боеготовности. Зрелище огромных многомиллионных армий в соседних государствах, по-видимому, вызвало чувство беспомощности у народа Нидерландов и заставило его поверить, что сопротивление, если бы оно было необходимо, было бы бесполезным. Бесславная кампания 1794 года, когда Пишегрю почти без потерь оккупировал Голландию, служит своего рода наглядным уроком, демонстрирующим безнадежность любых попыток сопротивления, в отличие от похвальной кампании 1793 года, когда голландцы изгнали Дюмурье из своей страны. Достаточно любопытно, что война в Трансваале возродила национальную надежду и уверенность, показав, на что способен хорошо вооруженный народ без военной подготовки, находясь в обороне. Необходимо время, чтобы доказать, избавит ли это новое чувство от фаталистического чувства беспомощности, охватившего голландских общественных деятелей, и придаст им сил для усилий, достойных их предков.

Чувство бессилия охватило не только сухопутные войска. В этом вопросе считалось, что нация численностью менее пяти миллионов человек не может конкурировать с теми, кто насчитывал сорок-пятьдесят миллионов. Но то же самое мнение существует и в отношении морской мощи, где конкуренция исходит не от людей, а от денег. Огромные военно-морские силы современности и огромные затраты на их содержание и реконструкцию, по-видимому, исключают малые государства из числа военно-морских держав. Голландия, располагающая лучшими материалами для укомплектования военно-морского флота любого континентального государства, не может быть исключением из общего правила. Ее небольшой военно-морской флот является образцом эффективности, ее небольшие крейсера водоизмещением 5000 тонн не уступают ни одному крейсеру такого же размера, *иморальный дух* ее офицеров, можно не сомневаться, достоин службы, которая породила не только Рюйтеров и Тромпов прежних времен, но и Сюффрена, нашего самого умелого противника во время долгой наполеоновской борьбы. Тем не менее, военно-морской флот Нидерландов остается небольшим военно-морским флотом, находящимся в тени огромных организаций современности и не имеющим никаких шансов конкурировать с ними.

Этот самоочевидный факт оказывает угнетающее влияние на общественное мнение Нидерландов, которое в последнее время проявляет явное желание объединить свою страну с кем-либо другим. Союз с Бельгией, союз Северных и Южных Нидерландов, старый Союз провинций, разорванный в 1583 году и несовершенно восстановленный с 1815 по 1830 год, был бы встречен с восторгом. Трудность достижения такой консолидации мнения и ресурсов Нидерландов из-за ярко выраженных религиозных различий привела к формированию

значительной части общественного мнения, благоприятствующего союзу с Германией. На данный момент события в Южной Африке поставили старую английскую партию в безнадежное меньшинство.

Хотя голландцы, вероятно, в неизменной степени обладают всеми сильными качествами, которые отличали их в старину, создается впечатление, что процветание несколько притупило остроту патриотизма, по крайней мере, до такой степени, что они не желают подчиняться тяготам воинской повинности, когда она в полной мере применяется ко всему народу. Как следствие, голландцы не стоят во главе вооруженной нации, и боеспособность их армии составляет менее 70 000 человек.

Правила, применяемые к армии, основаны на законе 1861 года, который был изменен в одной важной особенности Законом 1898 года. Армия должна была пополняться частично за счет призыва, а частично - на добровольной основе. Ежегодный контингент по призыву был установлен на уровне 11 000 человек. Каждый мужчина подлежал призыву в возрасте девятнадцати лет, но поскольку право выкупа оставалось в силе до принятия упомянутого Закона 1898 года, все состоятельные лица, настроенные таким образом, освобождались от обязанности военной службы. В то же время его условия были сделаны максимально легкими. Номинально призывники должны были служить в течение пяти лет, но на самом деле они оставались под знаменами один год, а затем были призваны всего на шестинедельные тренировки в течение каждого из четырех последующих лет. Полученная таким образом регулярная армия насчитывала в мирное время 26 000 человек и 2000 офицеров, а в военное - 68 000 офицеров и 108 орудий, исключая крепостную артиллерию. Принимая во внимание интересы, вверенные ее ведению, голландскую армию следует признать самой слабой из всех государств, владеющих колониями, - положение, имеющее немалое значение с исторической и политической точки зрения.

Несомненно, скажут, что Голландия располагает другими сухопутными войсками помимо своей регулярной армии, и это правда, но они, по признанию самих голландцев, плохо организованы и не соответствуют уровню своих обязанностей. Есть Шуттеридж, или Национальные добровольческие силы - возможно, более правильным термином было бы Ополчение, потому что закон, создающий их, основан на принуждении. Закон об организации Шуттериджа был принят в апреле 1827 года, согласно которому все мужчины должны были служить в нем в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет, а с тридцати до тридцати пяти - в Шуттеридж-резерве. Действующая дивизия формируется из неженатых мужчин и вдовцов без детей. Эта дивизия будет мобилизована сразу же после начала войны и займет свое место рядом с регулярной армией. Вероятно, она насчитывает пять тысяч человек из общего числа 45 000 активных Шуттериев. Численность заповедника Шуттеридж не превышает 40 000 человек, но за всеми ними стоит то, что безразлично называют Ландштурмом, или *дамбой в массовом порядке*. В этом устройстве есть только один недостаток, который заключается в том, что гораздо большая часть населения никогда не проходила никакой военной подготовки, за исключением той, что была предоставлена шуттериджам, которой практически нет вообще. *Массовая дамба* в Голландии имела бы именно ту ценность, и не более, которую она имела бы в любом другом невоенном государстве, которое либо не обладало регулярной армией достаточной эффективности и численности, либо не проводило свое население через ряды призывной армии.

Голландский Schutterij якобы основан на модели Швейцарских стрелковых клубов, и обязательная часть его службы связана с тренировками по стрельбе из винтовки по мишеням, но на этом сходство заканчивается. Нет места ставить под сомнение эффективность швейцарских стрелков, и применяемые испытания очень суровы. Но в Голландии практика совсем иная. Собрания в Шуттеридже используются как предлог для веселья, еды и питья. Это скорее пикники, чем собрания с серьезной целью получить квалификацию защитников нации. Даже в меткой стрельбе дальность стрельбы настолько мала, а ожидаемая эффективность столь мизерна, что военная ценность этой гражданской силы чрезвычайно сомнительна. Ее можно сравнить только с Гражданской гвардией Бельгии, но ни со Швейцарским стрелковым корпусом, ни с нашими собственными добровольцами.

Достаточно любопытно, однако, что существует ответвление Шуттериджа, также основанное на старой организации древней гильдии под названием "Снайперы". Предполагается, что ее члены хорошо стреляют или, по крайней мере, прилагают усилия, чтобы стать таковыми, и они тренируются на чем-то, приближающемся к дальноточности. Но это очень ограниченная и несколько эксклюзивная организация, основанная на значительной подписке. Это общество или клуб состоятельных людей, склонных к стрельбе из винтовки. Применение к Шуттериджу обязательств, составляющих часть добровольных условий, принятых снайперами по собственному желанию, несомненно, значительно повысило бы его эффективность и могло бы со временем дать Голландии исправный вспомогательный корпус стрелков.

Помимо армии крайовой, Голландия располагает очень значительной колониальной армией, которая широко известна как индийский контингент. Эти силы размещают гарнизоны на Яве, Суматре и других колониях на Востоке. Армия Ост-Индии насчитывает 13 000 европейцев и 17 000 местных жителей, в основном малайцев Явы. Помимо этого регулярного гарнизона, на Яве находятся силы Шуттериджа. Он состоит из 4000 европейцев и 6000 местных жителей. Европейцы - плантаторы и члены государственной службы. Туземцы - вассалы некоторых туземных князей, а также надсмотрщики и более ответственные люди, работающие на европейских плантациях. Следовательно, общий гарнизон голландской Ост-Индии очень значителен, если рассматривать его обязанности, но следует учитывать нескончаемую войну в Атчине, в которой постоянно участвуют несколько тысяч человек и, кажется, никогда не приблизится конец.

Голландские власти сталкиваются с большими трудностями при наборе своей армии для Ост-Индии, и с ростом благосостояния эта трудность возрастает. Действительно, гарнизон не смог бы сохраниться в его нынешней численности, если бы не многочисленные добровольцы, которые приезжают на эту хорошо оплачиваемую службу из Германии и Бельгии. В свое время этих внешних рекрутов стало так много благодаря заманчивым предложениям, сделанным им голландскими властями, что два заинтересованных правительства подали официальные протесты против их действий. Германия всегда очень болезненно относилась к потере любого из своих солдат, а Бельгия очень нуждается во всех мужчинах, которые могут служить за границей, в государстве Конго. В голландской индийской армии все еще есть иностранцы немецкой и бельгийской расы, но любые планы превратить ее в Иностранный легион по той же модели, что и силы, которые так хорошо служили Франции в Алжире и ее колониях, провалились.

Единственная активная служба или практический опыт войны, который голландская армия имела после окончания борьбы с Бельгией, был в Ост-Индии. Ломбокская экспедиция 1894 года до сих пор памятна своими потерями и катастрофами, но в тот раз голландцы проявили прекрасный дух стойкости при поражении и завершили кампанию, образумив враждебно настроенного султана. Долгая борьба с китайцами была отмечена героизмом с обеих сторон и свидетельствует о том, что голландцы не утратили своего былого упорства. В то же время правительство сталкивается со значительными трудностями в получении необходимого количества добровольных изгнанников для сохранения своих владений на Восточном архипелаге, и оно может оказаться вынужденным сократить эффективную численность своего гарнизона.

Более того, гигиенические условия по-прежнему крайне неблагоприятны, а уровень смертности среди европейцев на Яве и Целебесских островах особенно высок. Возможно, уже не соответствует действительности, как было сказано, возможно, с некоторым преувеличением, во времена маршала Данделса в начале прошлого века, что европейские голландские гарнизоны вымирают каждые три года, но уровень смертности, безусловно, высок, и значительная часть гарнизона возвращается инвалидами из-за лихорадки через несколько месяцев после его прибытия на Восток. В настоящее время Голландская Индия абсолютно безопасна, потому что Англия не жаждет ее и никогда бы не подумала о том, чтобы досаждать голландцам в ней, при условии, что она сама останется в безопасности. Но если в этой части света начнутся международные соревнования, Голландия может столкнуться с некоторыми трудностями в поддержании своего гарнизона в достаточном количестве для надлежащего выполнения своих международных обязанностей, но эта непредвиденная ситуация вряд ли возникнет в ближайшие двадцать или тридцать лет.

Войска регулярной голландской армии будут выгодно отличаться от войск любого из своих соседей. Они не так чопорны на параде, как немцы, и они более солидны, чем французы. Их телосложение хорошее, хотя из-за практики покупки заменителя, которая слишком недавно перестала позволять изменениям вступать в полную силу, в пехоте ненормально много низкорослых людей, что дает неверное представление о среднем росте представителей расы. Минимальный рост пехотинца составляет 5 футов 11 1/2 дюйма, что очень мало для людей, чей общий рост находится на одном уровне с нашим собственным. Безусловно, есть один момент, в котором голландские солдаты кажутся наблюдателю непохожими на своих соседей. Они кажутся беззаботными и веселыми, нисколько не угнетенными суровыми требованиями дисциплины и в то же время совершенно свободными от сутулости, которая придает бельгийскому лайнсмену невоенный вид.

Сила голландской армии, несомненно, заключается в ее офицерском корпусе, состоящем из специально квалифицированных людей, способных выполнять обязанности, возложенные на руководителей любой армии. Большинство из них проходят обучение в Королевской военной академии, учебном заведении, у которого мы могли бы с пользой позаимствовать некоторые особенности. Кандидаты принимаются в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет и проходят четырехлетний курс обучения, прежде чем они получают право на зачисление. Поскольку плата за обучение в Академии ограничена *22 10 фунтов стерлингов* в год, расходы на получение офицерского звания не являются чрезмерно высокими, и в течение четырехлетнего курса обучения курсант может стать полностью квалифицированным офицером, прежде чем ему доверят выполнение практических обязанностей. Более того, его обучение не

прекращается с его уходом из Академии. Предполагается, что его необходимо завершить дальнейшим курсом в учебных лагерях, а затем так называемыми государственными миссиями на временной службе в других армиях. Эта практика довольно распространена на Континенте, хотя к ней никогда не прибегают британцы, которые менее знакомы с организацией континентальных армий, чем даже с третьеразрядными государствами.

Штаб-квартира голландских инженеров находится в Утрехте, артиллерии - в Зволле, пехоты - в Гааге, а кавалерии - в Бреде. Утрехт - самая важная из этих военных баз, потому что Инженеры являются самым важным родом войск, а также потому, что это центр системы каналов и дамб Голландии. Школа или колледж государственных инженеров-строителей, которым доверен уход за дамбами, находится в Утрехте. Они известны как Waterstaat, и Утрехт может быть проведен в дополнение к механизмам, существующим в столице Амстердаме, для затопления страны. Теоретически и на бумаге оборона Голландии основана на предположении, что в случае вторжения территория, окружающая Амстердам до Утрехта с одной стороны и Лейден с другой, будет затоплена. Есть много тех, кто сомневается в том, что будет принято решение санкционировать огромный сопутствующий ущерб. Говорят, что национальный дух не бьется так высоко, как тогда, когда юный Вильгельм прибегнул к этой мере в 1672 году, чтобы сбить с толку французского монарха, а затем подготовил свой флот на случай неудачи, чтобы перевезти реликвии голландского величия и богатства Оранжа в новый дом и страну за морями. В этом случае воды выполнили свою работу на совесть. Но говорят, что в следующем случае они могут не выполнить того, чего от них ожидали, в то время как нанесенный ущерб останется. Ничто не может решить этот вопрос, кроме практического теста, но нет оснований полагать, что в глубине души сегодняшняя голландская раса менее патриотична или решительна, чем раньше.

В то же время следует отметить очень важное изменение во взглядах голландских стратегов. Раньше вся система национальной обороны сосредотачивалась в Амстердаме, и следует добавить, что дамбы были построены в основном с целью затопления окрестностей. Это был старый план, санкционированный древностью и обычаями, защитить столицу любой ценой и сделать ее последним прибежищем расы. Но в последнее время среди военных распространилось мнение, что Роттердам стал бы гораздо лучшим местом для последней битвы, чем Амстердам, потому что после взятия фортов Текселя столице может угрожать морская атака со стороны Зюйдер-Зее или Северного канала. В старые времена Амстердам был защищен от любого морского десанта, но внедрение пара сделало его открытым для атаки, по крайней мере, флотилий торпедоносцев. Вход в Маас, как представляется, можно было бы сделать неприступным без особых трудностей, а подходы к Роттердаму со стороны суши гораздо больше зависят от надлежащего сдерживания вод в их искусственных или естественных каналах, чем подходы к Амстердаму. Есть еще один аргумент в поддержку Роттердама. Союзникам Голландии было бы легче направить помощь туда, чем в Амстердам, в то время как сильная позиция в Роттердаме представляла бы серьезную угрозу для любой вражеской армии в Утрехте, а также внесла бы существенный вклад в оборону Амстердама. Но голландцы - народ медлительный. Предполагается, что Амстердам готов выдержать осаду в любое время, в то время как оборона Роттердама в основном на бумаге. Гарнизон Роттердама насчитывает всего несколько сотен человек, и превращение его в укрепленную позицию, без сомнения, повлекло бы за собой затраты в добрых несколько миллионов флоринов. Тем не менее, распространяется убеждение, что Роттердам вытеснил Амстердам в качестве реального центра голландского процветания и национальной жизни.

Шуттеридж, как ни странно, не пользуется популярностью. Причина этого не очень ясна, поскольку обязанности носят вполне номинальный характер и никоим образом не мешают гражданскому трудоустройству. Отвращение к любой форме военной службы является довольно общим, и передовая радикальная партия взяла на вооружение в качестве одного из своих лозунгов: "Никто не хочет быть солдатом". Вероятность указывает, однако, не на отмену Шуттериджа, а на то, что он стал более эффективным, и, следовательно, условия службы в нем должны стать более строгими. Есть одна часть обязанностей Шуттериджа, которая далеко не непопулярна среди сотрудников полиции. Когда домовладелец пренебрегает уплатой налогов, к нему приставляют одного или нескольких ополченцев, и он обязан обеспечивать своих гостей не только хорошей едой и жильем, но и обильными запасами табака и джина. Помимо подобных инцидентов, которые, без сомнения, из-за характера наказания чрезвычайно редки, Шуттеридж, похоже, проводит довольно скучное и монотонное время.

Есть один факт о голландской армии, который заслуживает упоминания. В ней очень хорошо воспитаны, и солдаты доставляют своим офицерам очень мало хлопот. Дисциплина здесь ниже, чем в большинстве армий. Между офицерами и рядовыми континентальных вооруженных сил царят необычайно теплые чувства, и в то же время общественность и военные находятся в прекрасных отношениях друг с другом. Это, без сомнения, связано с очень коротким сроком службы под знаменами и с тем фактом, что последние четыре года, за исключением шести недель ежегодно в лагере или крепости, проходят в гражданской жизни дома.

Военно-морской флот Нидерландов, хотя и небольшой по сравнению с его прошлыми достижениями и с нынешними конкурентами, признан хорошо организованным, эффективным в своем состоянии и укомплектованным прекрасным *персоналом*. Обычно говорят, возможно, несправедливо, что лучшие представители мужского пола Голландии идут во флот, предпочитая его армии. Один факт показывает, что нет никаких трудностей с получением необходимого количества новобранцев для укомплектования флота, поскольку, хотя номинальным законом является призыв на военную службу как для военно-морского флота, так и для армии, весь необходимый контингент набирается путем добровольной вербовки. Несомненно, большие классы рыболовства и катания на лодках дают отличный материал, а сравнительно короткий период службы на борту военного корабля обеспечивает приятный перерыв в их жизни. Голландцы являются морской расой по традиции, а также благодаря повседневной работе значительной части из них, и в карьере моряка нет ничего необычного. Нет никаких трудностей с получением услуг семи тысяч моряков и двух с половиной тысяч морских пехотинцев, составляющих постоянный штат голландского военно-морского флота, и если бы финансы страны позволили ей построить больше кораблей, не возникло бы серьезных трудностей с обеспечением необходимого количества людей для укомплектования их экипажей.

В 1897 году были предприняты некоторые шаги в этом направлении, и был выделен кредит в размере пяти миллионов фунтов стерлингов на программу кораблестроения. Его операции еще не завершены, но для обороны Зюйдер-Зее был создан торпедный флот, дополняющий оборону в Хелдере и Текселе. Кое-что было также сделано в том же направлении для защиты Батавии и портов Явы. Военно-морской флот Нидерландов можно было бы правильно охарактеризовать как хороший маленький флот, вполне справляющийся с требуемой от него повседневной работой, но не того размера или стандарта, чтобы играть амбициозную *роль*. Мы не должны, однако, упускать из виду тот факт, что добавление к военно-морскому флоту другой державы было бы таким же важным усилением силы, как это было в случае, когда Пишегрю присоединил

голландский флот к французскому, захватив его кавалерией и конной артиллерией, когда он был скован льдами в Зюйдер-Зее. Мы также не всегда можем рассчитывать на то, что Дункан закончит историю так, как в Кэмпердауне.

У наблюдателя, наблюдающего за военными и военно-морскими классами в Голландии, создается впечатление, что они не воодушевлены очень сильным боевым духом. Одетые в военную форму, они по сути все еще остаются мирными людьми, которым было бы жаль совершить акт насилия или причинить кому-либо вред. Офицеры как класс преданы технической части своей работы и основательно разбираются в военной науке. Но связано ли это с длительным миром, распространением процветания среди всех классов общества или с лимфатическим характером расы, нелегко убедить себя в том, что голландская армия, взятая в целом, является грозным орудием войны.

Это чувство должно быть исправлено изучением истории и признанием того, что нет никаких симптомов ухудшения стойких качеств голландского народа. Физически и морально нынешние нидерландцы равны своим предкам, но условия их национальной жизни, счастливые обстоятельства, которые так долго делали их незнакомыми с ужасными испытаниями войны, отвлекли их мысли от воинственной политики и утвердили в их миролюбивых взглядах. Насколько эти тенденции уменьшили их боевую мощь и сделали их неспособными принять или понести жертвы, которые повлекла бы за собой любая энергичная защита их страны от серьезного вторжения Великой Державы, должно оставаться вопросом общественного мнения. Возможно, их организация несколько заржавела. Признается необходимость реформ. Ежегодный контингент в целом слишком мал для нужд эпохи; следует создать большой и боеспособный национальный резерв; и своевременно следует увеличить численность армии до такой, которая позволила бы ей укомплектовать и удерживать многочисленные и превосходные форты, построенные во всех жизненно важных пунктах. Голландские планы обороны превосходны, но для их осуществления потребовалась бы очень значительная армия, а в настоящий момент Голландия располагает лишь костяком армии.

Оставляя в стороне вопрос численности и военной организации, можно только похвалить голландского солдата в отдельности. Он чист, вежлив, с хорошим характером и гораздо больше похож на англичан в том, что мы считаем необходимым, чем любой другой континенталец. Офицеры в самом прямом смысле этого слова являются джентльменами, свободными от чванства и не заносчивыми по отношению к своим подчиненным и гражданским соотечественникам. Они представляют собой подлинный тип мужественности, свободный от искусственности или лжи. Инстинктивно чувствуешь, что они говорят то, что думают, и что они сделают скорее больше, а не меньше, чем обещают.

Глава XXI

Голландия над морем

Голландия занимает второе место среди успешных стран-колонизаторов, хотя такие державы, как Англия, Франция и Германия, превосходят ее по фактической площади своих колоний и протекторатов. Помимо своих владений в Ост-Индии, которые на сегодняшний день составляют наиболее важную часть ее колониальной империи, она владеет Суринамом, или Голландской Гвианой, и шестью небольшими островами, включая Кюрасао, в Вест-Индии, а всего ее

колониальных подданных насчитывается более тридцати шести миллионов, что столько же, сколько колониальных подданных Франции, и по меньшей мере в семь раз превышает население Нидерландов в Европе. Восточно-Индийский архипелаг, принадлежащий Нидерландам, состоит из пяти крупных островов и множества более мелких. В рамки книги, подобной этой, не входит вдаваться в подробности географического деления, но взгляд на карту покажет нам, что три группы, составляющие эту зависимость, простираются на длину около трех тысяч миль и включают Яву и Суматру, Борнео, Целебес, Новую Гвинею, архипелаг Тимор-Лаут и Молуккские острова. Северная часть Борнео является британским владением, а восточная половина Новой Гвинеи разделена между Англией и Германией, в то время как половина острова Тимор принадлежит Португалии; остальная часть архипелага образует владение, известное как Нидерландская Индия, или Голландская Ост-Индия. Самыми важными и густонаселенными из этих островов являются Ява и Суматра; по последней переписи населения 1899 года, только на Яве проживало двадцать шесть миллионов человек, что более чем в четыре раза больше, чем в 1826 году, но богатство ее почвы настолько велико, что могло бы прокормить гораздо большее население, хотя остров всего лишь примерно такого же размера, как Англия.

Ява была отнята англичанами в 1811 году у французского флага, но по Венскому мирному договору была возвращена Нидерландам вместе с некоторыми другими голландскими колониями. Как отмечает доктор Брайт в своей "Истории Англии", "считалось, что его ценность и богатство в то время не были досконально известны или оценены Министерством". В настоящее время он стал, безусловно, самым важным из голландских владений и излюбленной колонией охотников за приданым.

Учитывая огромное богатство Голландской Индии, немного удивительно, что так мало молодых людей испытывают искушение отправиться туда в поисках своей удачи. Как это обычно бывает в тропиках, низменные и болотистые участки побережья очень вредны для европейцев, которые не могут оставаться в таких местах сколь угодно долго, не став жертвами малярии, хотя малайцы, по-видимому, не подвержены влиянию климата; но выше, на высоте от 500 до 1000 футов над уровнем моря, достаточно здоровы, а выше по холмам, на более крупных островах, климат оставляет желать лучшего. Температура обычно колеблется от 70 до 90 градусов круглый год, хотя между одним островом и другим существует определенная разница. К северу от экватора дождливый муссон длится с октября по апрель, а сухой сезон - с апреля по октябрь, в то время как на юге эти сезоны меняются местами. Однако на линии пассаты и муссоны появляются очень нерегулярно, потому что здесь четыре сезона вместо двух, то есть два дождливых и два сухих, и погода также подвержена частым изменениям местного характера, особенно в окрестностях горных хребтов и вулканов. За исключением Борнео и центральной части Целебеса, все эти острова вулканического происхождения. В основной группе, которая простирается от Суматры и Явы до архипелага Тимор-Лаут, насчитывается не менее тридцати трех действующих вулканов, из которых двенадцать находятся на Яве, помимо ряда так называемых потухших, которые могут в любой момент возродиться к жизни. Некоторые из небольших островов представляют собой просто затонувшие вулканы, такие как, например, Гебех и острова Банда, где "Гу-Нонг Апи" (Огненная гора) является живым доказательством. Самым известным из всех этих вулканов является ужасный Кракатао, один из трех, которые можно увидеть в Зондском проливе. Читатели, возможно, помнят великое извержение 1886 года, когда половина острова Кракатао и часть горы, которая была полностью расколота надвое, были поглощены морем, а части побережий Явы и Суматры были затоплены приливной

волной, сопровождавшей взрыв, корабли целиком вынесло на сушу и оставило торчать среди холмов. За один день и ночь погибло 100 000 человек, и, за исключением небольшого землетрясения, которое, поскольку землетрясения не редкость в этой части мира, естественно, не считалось серьезным, не было никакого предупреждения о надвигающейся катастрофе, поскольку кратер не подавал признаков жизни в течение 200 лет. Во время извержения в центре Явы, в 400 милях от места происшествия, был слышен грохот, похожий на отдаленную артиллерийскую стрельбу.

Форма островов препятствует существованию очень больших рек; самые крупные находятся на Борнео, единственном невулканическом острове архипелага, который может похвастаться тремя судоходными реками, каждая длиной около 400 миль. Из-за узости Явы и Суматры реки, текущие к северо-восточным берегам этих островов, очень быстрые, и поскольку они подвержены внезапному разливу из-за сильных дождей, были прорыты каналы, а другие находятся в процессе строительства, чтобы обеспечить регулярный отток воды и защитить землю от наводнений. В предприятии такого рода голландцы чувствуют себя как дома, ибо, как всем известно, они непревзойденные мастера в искусстве укрощения вод; но здесь им не приходится оттеснять море, как они делали и продолжают делать у себя на родине; реки делают это за них, снося массы гравия и ила, которые образуют широкие берега в их устьях и вскоре зарастают деревьями. Маяк в Батавии, на Яве, был построен примерно в середине семнадцатого века на месте, которое тогда было входом в гавань; сейчас он находится в двух с половиной милях от входа, берег продвинулся на это расстояние за 250 лет.

Прежде чем перейти к вопросу о правительстве, было бы неплохо отметить основные расы, с которыми приходится иметь дело голландцам. Помимо коренного населения, в 1892 году в Голландской Индии проживало около 446 000 китайцев, 20 000 арабов и 26 000 других азиатов, но только 55 000 европейцев, включая солдат, многие из которых немцы. Большая часть всего этого находится на Java. Из оставшихся 355 миллионов большинство составляют малайцы, включая собственно малайцев и несколько родственных рас, и к этому последнему классу принадлежат яванцы, которые живут на Яве, Мадуре, Балли (или Бали) и Ломбоке. Другими аборигенами, помимо малайцев, являются даяки во внутренних районах Борнео; баттаки во внутренних районах Суматры; и, наконец, папуасы, населяющие Новую Гвинею, или Папуа, и некоторые из близлежащих небольших островов. Говорят, что эти папуасы принадлежат к той же расе, что и австралийские аборигены, и являются единственными чернокожими людьми на этих островах, остальные жители светло-коричневые или медного цвета. По религии большинство малайцев - мусульмане, но жители Балли и Ломбока все еще являются браминами, в то время как даяки и баттаки придерживаются очень примитивных верований. С незапамятных времен до 1478 года брахманизм и буддизм были основными религиями, но в том году вера ислама начала вытеснять их. Древние религии были ответственны за уровень цивилизации, которого мусульмане никогда не достигали, следы которого видны в многочисленных руинах городов и храмов, которые, должно быть, отличались особой красотой и величием и которые находятся на Яве, а также в яванской литературе, написанной своими особыми персонажами, и в "вайангах", или спектаклях теней, которые разыгрываются по каждому праздничному случаю, и все они относятся к истории завоеваний и войн, которые велись во времена брахманизма.

Здесь проблема, с которой сталкиваются голландские власти, - это старая проблема объединения под единым правительством населения, отличающегося по крови и религии,

проблема, которая всегда представляет большие трудности и даже определенную опасность. Принятая система в некоторой степени напоминает ту, что применялась к некоторым коренным штатам Британской Индии, и островами управляют местные короли и принцы под отеческим надзором правительства Нидерландской Индии, которое состоит из генерал-губернатора, или вице-короля, и Совета из четырех государственных советников, президентом которого является вице-король. В их подчинении находятся три губернатора и тридцать четыре резидента, все европейцы, с несколькими резидентами-помощниками и "Контролерами", за каждым из которых закреплён район, в котором он должен поддерживать порядок и следить за надлежащей обработкой земли. Индийские принцы становятся правительственными чиновниками благодаря тому, что им платит голландское правительство, и они носят официальные титулы регента, "Деманга" и т.д., Но они также сохраняют свои собственные более громкие титулы, такие как "Раден Адипатти" и т.д., Которыми они, естественно, очень гордятся. Долг местного жителя давать советы регенту своего округа и в то же время следить за ним и следить, чтобы он не притеснял своих подданных. Если доказывается, что регент виновен в угнетении, или в случае подстрекательства к мятежу, или в подстрекательстве к мятежу, он смещается правительством, и на его место назначается лучший человек, по возможности один из его собственных родственников, чтобы низшие классы могли быть защищены и в то же время авторитет местной знати был поддержан. Однако в некоторых "северных" районах, на Борнео и Целебесе, местные правители практически независимы, и голландское правительство в настоящее время не склонно утверждать свою власть силой оружия; в то время как на северо-западе Суматры, хотя с китайскими пиратами наконец покончено, партия войны еще не вымерла.

Во всех этих странах цель правительства состоит в том, чтобы управлять жителями через людей их собственной расы, а не заменять туземцев иностранцами; и если в этой политике можно найти ошибку, то она заключается в том, что слишком мало сдерживается смешение белой и цветной рас.

Великолепное плодородие почвы и огромное количество еще не обработанных земель естественным образом побудили голландцев искать какие-то средства, с помощью которых можно было бы лучше использовать природные преимущества их островов, и с этой целью они принялись за преодоление ленивых привычек туземцев, которые не были склонны делать больше, чем они считали необходимым для собственного существования, и побудить их уделять больше времени и энергии сельскому хозяйству. В обмен на хорошие дороги и мосты, а также защиту, предоставляемую правительством, туземцев заставили уделять определенное количество своего времени выращиванию кофе, сахара, индиго и других культур. Таким образом, они облагались налогом не в монетах, а в рабочей силе; и эта система, известная как "Культурная система", принесла очень хорошие результаты, особенно на Яве и в Мадуре. Постепенно, однако, под влиянием молодых представителей правящей нации, выращивание сахара и частично кофе также было прекращено правительством и передано частному предпринимательству, но, поскольку надзор со стороны правительства был таким образом прекращен, имели место случаи злоупотребления властью со стороны концессионеров; и хотя многое было сделано для предотвращения таких злоупотреблений, следует признать, что положение местных рабочих в частных концессиях не так хорошо, как это было под прямым руководством правительства.

Между тем перспективы многообещающие; разработка природных ресурсов островов неуклонно продолжается, хотя темпы прогресса могут быть не особенно быстрыми, а жители в целом миролюбивы и хорошо себя ведут, в то время как их численность увеличивается со скоростью, которая, по-видимому, указывает на продолжающееся и растущее процветание. Школы тоже работают хорошо, и все больше и больше туземцев изучают язык своих правителей. Когда малаец достаточно выучил голландский, чтобы достаточно ясно выражаться на этом языке, он очень гордится своим достижением и редко упускает возможность продемонстрировать свои знания.

Одним из величайших недостатков морального развития туземцев является плохой пример, подаваемый европейцами, о котором необходимо будет подробнее сказать позже. В этом отношении дела обстоят далеко не так плохо, как раньше, но все же беспринципная жизнь, которую ведут многие белые люди, порождает в сознании коренных жителей сомнения в благах западной цивилизации.

О том, что коренные народы в целом хорошо расположены к голландцам, свидетельствует число тех, кто поступает на государственную службу в качестве полицейских и солдат. Каждые две-три мили на государственных дорогах Явы можно встретить "Гардо", или патруль сельской полиции, состоящий из трех босоногих яванских констеблей в форме полувосточного покрова и вооруженных кизами.

Как мы уже видели, армия, которую голландцы содержат в своих ост-индских колониях, совершенно отличается от Армии Крайовой Голландии. По прибытии солдаты размещаются в казармах, а офицеры и женатые унтер-офицеры находят поблизости дома за умеренную плату. Казармы состоят не из отдельных зданий, а из множества отдельных, так что различные расы среди туземных войск могут быть разделены. Малайцы, яванцы, мадурезе, амборезе, буги, макассарезе и остальные должны иметь отдельные здания для себя. Раньше там тоже были ашанти, но набор их был прекращен, когда колония Сент-Джордж-дель-Мина на Золотом берегу была передана Англии после отказа от британских притязаний на севере Суматры; они были очень хорошими солдатами, но жестокими на войне, не дававшими пощады, и их было очень трудно сдерживать в пылу боевых действий. Местными войсками командуют европейцы, но сержанты и капралы всегда той же расы, что и подчиненные им люди.

Большое внимание уделяется охране здоровья военнослужащих не только при обустройстве казарм и выборе позиций для гарнизонов, которые выбираются как по гигиеническим, так и по стратегическим соображениям, но и при создании военных госпиталей. В большинстве крупных городов и в небольших местечках на побережье, где были построены форты, есть военные госпитали, и в них немедленно госпитализируется любой заболевший европеец, будь то солдат или гражданское лицо; фактически, других не существует, за исключением нескольких санаториев, недавно основанных на холмах. Морской офицер, который часто посещал эти госпитали, а также госпитальные суда во время войны, описывает их как "образцы опрятности, чистоты, порядка и полезности". "Жизнь в таком госпитале, - заявляет он, - это роскошь, которую нельзя сравнить ни с чем подобным в соседних колониях".

В течение многих лет в Атчине постоянно использовались значительные силы, и несколько военных кораблей курсировали вдоль побережья, помогая в пресечении пиратства.

Колониальный флот состоит из нескольких военных кораблей, построенных в Голландии, и других, построенных в Индии, специально для индийской службы, включая ряд небольших каботажных пароходов и парусных судов, а также один или два парохода, специально выделенных для гидрографических работ. Необходимость в последних возникает из-за мелей и коралловых рифов, которыми изобилуют моря Ява и Флорес, Макаassarский пролив и Молуккские острова, а также из-за того факта, что заливы и устья рек очень мелководны и полны удобных укрытий для пиратских кораблей; поэтому наиболее важно, чтобы как военные, так и торговые суда были снабжены хорошими картами.

Пиратство - это зло, для борьбы с которым специально создан Колониальный флот, и одно время, до Баллинезийской войны 1845 года, оно было очень плохим. За год до этого голландское торговое судно "Овериссел" выбросилось на берег Балли, и команда была перебита, а корабль и груз разграблены баллинезийцами. Это привело к трем экспедициям: одной в 1845 году, другой, которая была предпринята с недостаточными силами и закончилась катастрофой для голландцев, в 1847 году, и третьей и последней, успешно проведенной армией из 10 000 человек и шести военных кораблей вместе с 6000 вспомогательными войсками с острова Ломбок. Но в то время как пиратство, таким образом, было подавлено к востоку от Явы, китайские пираты стали смелее, чем когда-либо, на западе, и жалобы от малайских торговцев, которые были подданными Нидерландов, становились все более частыми. Против пиратствующих раджей на северо-западе Суматры были отправлены многочисленные карательные экспедиции, но в большинстве случаев настоящие преступники спасались бегством. Наконец, примерно в 1873 году правительство решило положить конец такому положению вещей, и войска под командованием генерала ван Свитена захватили Кратон, или главную крепость. Генерал ван дер Хейден принял командование в 1877 году и вскоре захватил и укрепил Кота-Раджу, а два года спустя, хотя его войска сильно страдали от климата, он покорил всю страну Атчин. Правительство Метрополии, однако, введенное в заблуждение очевидной покорностью врага, покончило с военным правлением прежде, чем убедилось, что предательство не замышляется, и с прибытием гражданского губернатора все завоеванные преимущества были снова утрачены, и, наконец, пришлось снова объявить военное положение. С этого времени атчинская война стала хронической болезнью, но с тех пор, как в 1898 году была принята агрессивная политика, военная партия в Атчине быстро уменьшилась, и сейчас она почти вымерла. Время от времени поступают сообщения о партизанских боях, но мир восстановлен настолько, что генерал может отправить часть своих людей домой, и люди могут беспрепятственно возделывать свои рисовые поля и перечные грядки. Они по большей части хорошо расположены к голландцам, чьи офицеры в своих прокламациях всегда старательно объясняли, что война ведется только против убийц и грабителей, которые сделали побережье и страну небезопасными, и что никому не причинят вреда, пока он мирно занимается своими делами. Пиратство на китайском побережье теперь тоже ушло в прошлое, и так будет до тех пор, пока правительство остается твердым.

Перейдем к более мирным темам: Нидерландская Индия превосходит большинство стран по богатству и разнообразию своей продукции, одних только ее минеральных богатств достаточно, чтобы сделать ее наиболее ценным владением с коммерческой точки зрения. Часть государственных доходов поступает от продажи олова, которое встречается на нескольких островах, а месторождения угля существуют на Суматре и Лауте, в то время как золото находят на западном побережье Борнео, а также на Суматре, где район Офир, без сомнения, обязан своим названием наличию драгоценного металла. Другим минеральным продуктом является

нефть, которая сколотила состояние нескольким удачливым колонистам; ее можно найти во многих местах, но основные запасы поступают с Суматры. Это одни из основных продуктов, но они ни в коем случае не исчерпывают список, и богатство колоний не ограничивается полезными ископаемыми; например, на маленьких островах, лежащих к юго-западу от Новой Гвинеи, ведется промысел жемчуга, а Молуккские острова добывают перламутр и панцирь черепахи, но истинное богатство островов заключается в необычайном плодородии почвы. Большая часть земли состоит из глины, окрашенной в красный цвет из-за содержащейся в ней железной руды, и на ней можно выращивать практически все, что угодно, к тому же она очень подходит для изготовления кирпичей. Сахар, чай, кофе, индиго и табак выращиваются в больших количествах на экспорт, а основными культурами, выращиваемыми местными жителями, являются рис (в болотистых районах), кукуруза, хлопок и многие виды фруктов, которые также выращиваются в Британской Индии. Большинство жителей - земледельцы, но морские аборигены, естественно, заняты главным образом рыболовством, и в любой маленькой рыбацкой деревушке очень приятно наблюдать, как лодки отправляются за долгожданной добычей. Незадолго до восхода солнца десятки маленьких рыбацких лодочек с бамбуковыми мачтами и огромными треугольными матовыми парусами выскальзывают из протоков под свежим береговым ветром, который длится ровно столько, чтобы отнести их к месту лова неподалеку, а около четырех часов дня поднимается морской бриз, и все они возвращаются, как правило, нагруженные великолепной рыбой. Вечерний бриз часто достигает такой силы, что маленькие лодки перевернулись бы, если бы не выдвинутая с наветренной стороны балансирующая доска, на которой один или два, а иногда и три человека стоят в качестве противовеса, так что, возможно, не потребуются укорачивать паруса. Малайцы преуспевают в строительстве лодок и занимают очень высокое место в искусстве придания судам формы, оказывающей наименьшее сопротивление воде, а их лодки самым чудесным образом летают по поверхности моря. Если исключить грубые древесные бревна, используемые здесь и там, то суда, сделанные малайцами, могут служить и служили образцами для быстроходных парусных судов по всему миру.

Среди других отраслей промышленности, которыми славятся малайцы, и особенно яванцы, главной является производство текстильных тканей; иногда их очень искусно окрашивают орнаментом и демонстрируют значительный художественный вкус.

Помимо строительства лодок и ткачества, следует упомянуть ремесла кузнеца и плотника, а также кузнеца по золоту и серебру, поскольку это указывает на источник многих сокровищ, которыми изобилуют богатые голландские дома на старой родине.

Теперь, когда война в Атчине практически закончилась, не исключено, что в ближайшие несколько лет могут наблюдаться большие успехи в торговле и промышленности Нидерландской Индии, тем более что торговые отчеты сообщают, что в настоящее время в Голландии происходит великое промышленное пробуждение, и в этом случае произойдет прилив эмигрантов в колонии. Как уже было сказано ранее, климат там, как правило, не является вредным для здоровья, но, конечно, европейцам приходится приспосабливать свою жизнь к окружающей среде. Пользуясь примером туземцев, они научились делать свои дома очень просторными и прохладными. Большая нависающая крыша затеняет входы спереди и сзади, а окна без стекол, за исключением старых городов, их место занимают бамбуковые жалюзи. Веранды проходят вдоль передней и задней части дома, который обычно имеет только один этаж и никогда не бывает больше двух, и комнаты выходят либо на эти веранды, либо в

центральную комнату, которая разделяет дом посередине. Кухня и кладовые находятся в хозяйственных постройках позади дома, а сад вокруг дома засажен кокосовыми, банановыми и манговыми деревьями как ради их тени, так и ради плодов.

Посещая такой дом, вы поднимаетесь на две-три ступеньки на переднюю веранду, где мальчик-слуга предлагает вам стул и напитки, а затем идет искать своего хозяина, который вскоре присоединяется к вам. Вас никогда не просят "войти"; если на передней веранде слишком жарко, переходят на заднюю. Иногда в глубине страны посетителей принимают в саду, где они наслаждаются своими сигарами на индийский манер, полулежа, а не сидя. Но это *изысканное* блюдо не убивает работу, потому что торговцы в городах работают довольно много, и им приходится быть в своих конторах в разгар дневной жары, с девяти до пяти и даже в воскресенье, если выпадает день отправки почты. Другие люди относятся к жизни несколько проще, особенно в сельской местности, где распорядок дня более или менее следующий: подъем в шесть, принятие ванны, завтрак в семь; затем одеваться и идти на работу в девять; в двенадцать часов обед, после которого человек ложится спать или читает пару часов; чай в четыре, а затем вторая ванна. После пяти уже достаточно прохладно, чтобы одеться и отправиться на прогулку или покататься на машине до обеда, а после ужина вы можете отправиться на другую прогулку или навестить своих соседей. По воскресеньям ты ходишь в церковь с одиннадцати до двенадцати, а остаток дня отдыхаешь.

Путешествие, если и на какое-либо расстояние, совершается ночью, как европейцами, так и туземцами, и если туземцу приходится идти далеко, он обычно берет с собой циновку, а когда день начинает становиться жарким, он разворачивает свою циновку и ложится на нее у обочины дороги. Поэтому никого не удивляет, что днем на обочине дороги спят кажущиеся бездельниками люди. Естественно, маленькие придорожные магазинчики, которые встречаются на каждом углу, не закрываются и не убираются на ночь, поскольку в это время в них совершается большая часть торговли, но если покупателей мало, лавочник заснет среди своих товаров. Государственные дороги хорошо охраняются местной полицией, и через равные промежутки времени здесь есть станции, где можно приобрести свежих лошадей, если о них вовремя сообщить письмом или телеграфом.

Жизнь колониста в целом не кажется очень тяжелой, хотя, без сомнения, есть и недостатки, такие как, например, отсутствие школ. В настоящее время многих голландских детей, родившихся в Индии, отправляют в Голландию для получения образования не ради их здоровья, как в случае с англоиндийцами, а потому, что в этих колониях недостаточно школ. Со временем эта нужда будет устранена, так что колонисты смогут быть избавлены от хлопот и расходов по отправке своих детей в Европу; но единственные голландские школы на Яве, о которых я знаю, - это "Гимназия" в Виллеме III (Батавия) и одна средняя школа для девочек. Местных школ стало больше, и их количество увеличивается не только за счет правительства, но и за счет миссионеров. Отношение индийского правительства к миссионерской работе сильно изменилось к лучшему за последние сорок лет, и труд миссионеров теперь очень высоко ценится как индийским правительством, так и правительством Метрополии, и вполне заслуженно, поскольку задача правительства значительно облегчилась благодаря улучшению отношения местных жителей, во многом благодаря работе миссий.

Что касается жизни и обычаев местных жителей, нет необходимости описывать все различные расы, но малайские деревни заслуживают внимания. На Яве и Суматре они не расположены на

улицах, но дома сгруппированы под большими деревьями и отделены от дороги бамбуковым забором, на вершине которого через равные промежутки времени прикреплены доски объявлений с названиями деревень; это необходимо, потому что часто трудно разглядеть, где заканчивается одна деревня и начинается следующая. На открытых пространствах можно увидеть несколько священных деревьев "уорингин", на которых подвешены деревянные колокольчики, используемые для подачи сигнала тревоги или созыва жителей деревни вместе. Перед домом местного регента находится открытая площадь с "Пандоппо", или крышей на колоннах в центре, и здесь проводятся собрания, зачитываются прокламации и принимаются выдающиеся гости. Дома построены из бамбука и покрыты пальмовыми листьями; иногда в них есть полы из расщепленного бамбука, но часто полом служит твердая глинистая почва. Обычно здесь есть два или более спальных места, называемых "бале-бале", также сделанных из бамбука, расщепленного и плетеного, а над ними еще один этаж, образующий что-то вроде чердака или кладовой. В доме нет камина, вся готовка производится на улице. Такой дом можно купить примерно за пять шиллингов! Нескольким людям требуется две-три недели, чтобы построить его, но разобрать и перенести на новое место - дело всего нескольких часов. Рядом с домами расположены конюшни, где содержатся буйволы и повозки, а кое-где есть колодцы, над которыми висит балансир с ведром на одном конце и камнем на другом.

Дети играют голышом до десяти лет, когда одеваются как старшие и считают себя мужчинами и женщинами. Костюм малайских женщин состоит из "саронга", ткани длиной около 31/2 ярдов и шириной 11/2, которая обматывается вокруг тела и удерживается поясом, а затем закатывается чуть выше ног; поверх этого надевается широкое пальто, называемое "кабайя", и поверх всего "сленданга", который очень похож на "саронг", но надевается через одно плечо, и в него закидывается все, что слишком велико, чтобы его можно было легко нести в руках, - даже ребенок. Мужчины носят либо "саронги", либо брюки, либо и то, и другое вместе, и хлопчатобумажную куртку, и всегда вооружены либо крезами, либо разделочными ножами, которые носят на поясе; это оружие предназначено для рубки кокосовых орехов и бамбука, а также для защиты от змей и тигров. Представители обоих полов носят длинные волосы, мужчины - головные уборы, а женщины - цветы и травы, и все ходят босиком. Эти мужчины очень хорошие наездники и ездят верхом, как зулусы и другие цветные мужчины, вставляя в стремя только большие пальцы ног.

Жители Балли и Ломбока принадлежат к той же расе, что и жители Явы и Суматры, но отличаются религией и привычками, поскольку никогда не были полностью покорены мусульманами. Разница заметна главным образом в конструкции их домов, которые во многих случаях каменные и построены на улицах. В каждом доме есть три отделения и камин, или алтарь, который стоит посередине, напротив двери, полы иногда вымощены камнем, а крыши часто покрыты черепицей вместо листьев и поддерживаются резными колоннами.

У этих брахманов есть многочисленные храмы, которые сильно отличаются от всего, что есть на соседних островах, они построены из кирпича и разделены на секции низкими стенами, но без крыш; стены и ворота выкрашены в красный, белый и синий цвета, а внутри стоит множество алтарей, на которые возлагаются подношения. Брахманизм сохранился на некоторых других островах, на некотором расстоянии от побережья, и иногда религиозный праздник заканчивается столкновениями между браминами и мусульманами.

Основным продуктом питания малайских народов является рис, который готовят очень сухим с добавлением жареной или вяленой рыбы или креветок и овощей и приправляют перцем чили, луком и солью. Также используются вяленая говядина и оленина, в изобилии встречаются дикие свиньи, куры и утки; другими продуктами питания являются кукуруза, сладкий картофель и многие виды фруктов, такие как какао-орехи, бананы, манго, мангустины и так далее. На Молуккских островах основной культурой является не рис, а саго, которое готовят из сока саговой пальмы. Для жителя Явы или Суматры кокосовое дерево незаменимо; когда рождается ребенок, сажают орех, а позже, если ребенок спрашивает, сколько ему лет, его мать показывает ему молодую пальму и говорит, что ему "столько же лет, сколько этому кокосовому дереву". Орехи отваривают для получения масла, а белую мякоть употребляют в пищу, приготовленную различными способами, как правило, с другими продуктами. Все виды провизии и другие товары, от мясных консервов до иголок и ниток, продаются на "пассарах", или рынках, которые посещают большие толпы.

Упоминался моральный пример, который некоторые европейцы подают туземцам. Как правило, отношения между белой и цветной расами - это отношения высших и низших, но в вопросе супружества есть разница. Многие белые мужчины в Нидерландской Индии никогда и не мечтают жениться; они берут к себе "нджаев", или домработниц. То же самое делается и в других колониях, по крайней мере, в провинциях, далеких от европейского общества, когда это позволяют местные обычаи. Древние обычаи малайцев и яванцев не предписывали никаких религиозных церемоний для заключения браков; у них был свой "адат", или обычаи, которые соблюдались так строго, как если бы они были религиозными, но не было ничего, что освящало бы брачные узы. Более того, их представления о гостеприимстве, схожие с представлениями большинства примитивных рас, несомненно, поощряли вышеупомянутые свободные браки, или, по крайней мере, они объясняют, почему малайские женщины не возражали против того, чтобы стать "нджай" европейцев. Там, где такая женщина была дочерью принца или вождя, европеец, который брал ее в жены, неизменно был каким-нибудь высокопоставленным чиновником, чье положение приводило его в соприкосновение со знатными яванскими семьями. Эти молодые женщины удивительно грациозны, даже обворожительны, и, кроме того, получили хорошее яванское образование, и неудивительно, что такие "браки" иногда были счастливыми и постоянными.

Сыновья были отправлены в Европу получать образование, будучи вверены заботам опекуна, дяди или друга, а по возвращении в Индию вскоре нашли работу на государственной службе; девочки остались дома и, как правило, удачно вышли замуж.

Такие случаи, однако, редки; чаще мужчина рассматривал свою "Нджаи" просто как временную помощницу и, если бы у него был шанс, женился бы на какой-нибудь богатой европейской девушке, когда жена-индианка была бы отвергнута - "отправлена в кусты", как говорилось. То, что такое поведение вызвало гнев и ненависть брошенных жен и их родственников, было вполне естественно. Часто европейская невеста, а иногда и неверный муж, пали от руки убийцы, которого так и не смогли найти, или были отравлены служанкой или поваром, которых подкупили, чтобы помочь в деле мести. Изгнанные дети иногда играли определенную роль в этих трагедиях; если нет, то они, безусловно, сохраняли ненависть к европейцам в целом, и следствием этого были слухи о мятеже.

Вопрос о том, как можно исправить такое положение вещей, уже давно занимает внимание правительства. Однако постепенно смешанное население становится более образованным и может найти работу в государственных и коммерческих учреждениях, поскольку все они отличаются красивым почерком. Обычно наблюдается улучшение самочувствия, и европейцами овладевает более острое чувство общественного долга, так что многие действительно женились на матерях своих детей, о чем пятьдесят лет назад никто и не слышал. В настоящее время существует смешанная раса евразийцев, детей детей европейских отцов и индийских матерей, которая когда-то угрожала стать источником опасности и восстания, но все опасения по поводу неприятностей в этой части миновали. Из "внутренних детей" многие сейчас получают хорошее образование. В государственных школах они могут узнать достаточно, чтобы сравняться в знаниях со значительной частью европейцев в колонии, и они находят работу в офисах и магазинах, на железной дороге и почте, а также на общественных работах почти так же быстро, как чистокровные белые.

Конец